DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 6

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 05.06.2026
Выход в свет: 19.06.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук
Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор
Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор
Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук
Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук
Тимошин Н. В., Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса
Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian FederationFederation

Редакционная коллегия:

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Ершова Е. А., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н. **Риски нарушений при составлении протокола об административном правонарушении.....5**

Остроумов А. А. **Юридическая заинтересованность в предъявлении административного иска.....13**

Шерстобоев О. Н. **Материально-правовые критерии определения предметной подсудности административных споров.....22**

АРБИТРАЖНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Павлова Л. Н. **Применение института освобождения от уплаты государственной пошлины в арбитражном процессе.....33**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Гаврилова А. М. **Ответственность перевозчика за несохранность груза, перевозимого железнодорожным транспортом.....45**

Грибов Н. Д. **Правовая природа судебной неустойки.....55**

Сазонова Т. В. **Компенсация морального вреда: тенденции судебной практики...62**

ОПТИМИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Грипп Э. Х. **Цифровизация судопроизводства как фактор повышения эффективности судебной власти: анализ рисков и перспектив.....69**

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ершов В. В. (мл.). **Судебная практика защиты прав и правовых интересов участников «фактических трудовых отношений».....78**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бородинова Т. Г., Костенко Р. В. **Документы-доказательства в уголовном процессе стран континентальной Западной Европы: сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования.....86**

Новиков Е. Е. **Становление, развитие и правовое регулирование института продления срока лишения свободы в некоторых странах Европы.....94**

Попова Е. Э. **О сохранении взаимосвязи норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при внесении изменений в законы.....106**

Content

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURE

N. N. Deryuga, A. N. Deryuga. **Risks of violations during the preparation of the protocol on an administrative offense 5**

A. A. Ostroumov. **Legal interest in filing an administrative claim 13**

O. N. Sherstoboev. **Substantive criteria for determining subject matter jurisdiction of administrative disputes 22**

ARBITRATION PROCEEDINGS

L. N. Pavlova. **The application of the institution of exemption from payment of state fees in the arbitration process 33**

CIVIL LAW. CIVIL PROCEDURE

A. M. Gavrilova. **Liability of the carrier for the failure to preserve cargo transported by rail 45**

N. D. Gribov. **The legal nature of the judicial penalty 55**

T. V. Sazonova. **Compensation for moral damages: trends in judicial practice 62**

OPTIMIZATION OF JUDICIAL PROCEDURES

E. H. Gripp. **Digitalization of court proceedings as a factor in increasing the efficiency of the judiciary: analysis of risks and prospects 69**

LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

V. V. Ershov, Jr. **Judicial practice on protecting the rights and legal interests of participants in "de facto employment relationships" 78**

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCEDURE

T. G. Borodinova, R. V. Kostenko. **Documentary evidence in criminal proceedings of continental western European countries: a comparative legal analysis of legislative regulation 86**

E. E. Novikov. **Formation, development and legal regulation of the institution of prolongation of the term of imprisonment in some European countries 94**

E. E. Popova. **On the preservation of the relationship between the norms of criminal and penal legislation when amending laws 106**

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 5–12
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 5–12
УДК 342.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.5-12

Научная статья

Риски нарушений при составлении протокола об административном правонарушении

Николай Николаевич Дерюга[1], Артем Николаевич Дерюга[2]

[1, 2] Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Хабаровск, Российская Федерация

[1] nderjuga@mail.ru

[2] derjuga@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8649-2971

Аннотация. Протокол об административном правонарушении, как правило, является первым процессуальным актом, фиксирующим выявленный факт нарушения закона, однако сам зачастую составляется с его нарушением. Поэтому в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с установлением и объяснением причин возможных и частых ошибок при составлении протокола об административном правонарушении.

Авторами установлены причины юридических ошибок при составлении протоколов об административных правонарушениях. К ним отнесены их массовость, «ручной» режим оперативного составления широким кругом лиц, условия, при которых он составляется, формальная свобода выбора носителя такого акта, а также разнообразные обстоятельства административного правонарушения, требующие фиксации в протоколе. Анализ указанных причин приводит к выводу о том, что они связаны с человеческим фактором, обусловливая специфичность предложений по их устранению.

Повышение качества составления протокола об административном правонарушении видится в специальной подготовке и обучению должностных лиц публичной власти юридически грамотному составлению таких процессуальных актов.

Методологическую основу составили всеобщий диалектически-правовой, социальный, сравнительно-правовой, психологический и педагогический методы, предполагающие исследование явлений и процессов в их развитии и взаимообусловленности.

Ключевые слова: производство по делу об административном правонарушении, стадия возбуждения дела об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении

Для цитирования: Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н. Риски нарушений при составлении протокола об административном правонарушении // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 5–12. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.5-12.

Original article

Risks of Violations During the Preparation of the Protocol on an Administrative Offense

Nikolay N. Deryuga[1], Artem N. Deryuga[2]

[1, 2] Far Eastern Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Khabarovsk, Russian Federation

[1] nderjuga@mail.ru

[2] derjuga@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8649-2971

© Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н., 2026

Abstract. An administrative offense report is usually the first procedural act that records the identified violation of the law, but it is often drawn up in violation of the law itself. Therefore, this article addresses the current issues related to identifying and explaining the causes of possible and frequent errors in drawing up an administrative offense report.
The authors have identified the causes of legal errors in drawing up administrative offense reports. These include their mass nature, the "manual" mode of prompt compilation by a wide range of persons, the conditions under which it is compiled, the formal freedom to choose the carrier of such an act, as well as the various circumstances of an administrative offense that require recording in a protocol. An analysis of these reasons leads to the conclusion that they are related to the human factor, which determines the specificity of the proposals for their elimination.
Improving the quality of drafting administrative offence reports is seen in the special training and education of public officials in the legally competent drafting of such procedural acts.
The methodological basis was formed by universal dialectical-legal, social, comparative-legal, psychological and pedagogical methods, which involve the study of phenomena and processes in their development and interdependence.

Keywords: proceedings in an administrative offense case, the stage of initiating an administrative offense case, an administrative offense protocol

For citation: Deryuga N. N., Deryuga A. N. Risks of violations during the preparation of the protocol on an administrative offense. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):5-12. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.5-12.

Противодействие административным правонарушениям осуществляется в том числе путем установления административной ответственности в отношении виновных физических и (или) юридических лиц и материально выражается в назначении и дальнейшем исполнении (в добровольном или принудительном порядке) административного наказания. Его цель – предупреждение совершения новых административных правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Эффективность достижения указанной цели во многом зависит от полноценного решения задач административного наказания, способных изменить отношение правонарушителя к своему противоправному поведению, дать ему критическую оценку. Этому призван содействовать тщательный подбор вида и размера административного наказания в рамках санкции применяемой нормы, в которой так важно выразить принцип справедливости наказания, принимаемого заинтересованными в исходе дела сторонами. Достичь такого баланса можно только полноценным погружением в тонкости конкретного дела об административном правонарушении, разрешая процессуальные задачи – всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела и другие, указанные в ст. 24.1 КоАП РФ.

Данные процессуальные задачи могут быть реализованы лишь скрупулезным следованием закону на каждой стадии производства по делу об административном правонарушении. Это достигается своевременным и точным составлением административно-процессуальных актов, фиксирующих противоправные события, закрепляющих доказательства вины или невиновности лиц, привлекаемых к административной ответственности, а также обстоятельства, ее смягчающие и (или) отягчающие.

Протокол об административном правонарушении (далее – протокол) занимает особое положение среди других административно-процессуальных актов. Несмотря на относительно глубокие историко-правовые корни [1], десятки изменений и дополнений в КоАП РФ, огромный опыт практики его составления, протокол остается документом с высоким риском оспоримости.

Это утверждение основано на следующем.

Во-первых, протокол – самый распространенный административно-юрисдикционный акт, заполняемый уполномоченными должностными лицами в традиционном (не автоматизированном) порядке.

Внедрение цифровых технологий в государственно-управленческие процессы не обошло стороной производство по делам об административных правонарушениях. Деятельность по выявлению нарушений отдельных правил и норм (фото- и киносъемка, видеозапись), по вынесению постановления по делу об административном правонарушении (ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ), право на подачу жалобы (ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ), а также исполнение самого массового вида административного наказания – административного штрафа (путем использования услуг электронного платежа) могут осуществляться частично или полностью в автоматизированном виде.

Подобные нововведения не коснулись правовых актов, используемых в соответствии с законом на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, в том числе протокола. Его составление осуществляется уполномоченными должностными лицами, как правило, с использованием соответствующего бланка и обязательным ознакомлением с ним лица, в отношении которого протокол составлен (ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ). Качество составления протокола в таком режиме во многом зависит от уровня подготовки, опыта и концентрации внимания лица, его составляющего. Учитывая текучесть кадров в органах публичной власти, а также неполную укомплектованность штатных должностей, добиться при этом высоких результатов чрезвычайно трудно, что формирует повышенную вероятность ошибок при составлении протокола.

Во-вторых, это самый распространенный процессуальный акт, на составление которого полномочия имеют более сотни различных видов публичной власти, сотни тысяч их должностных лиц, включая тех, кто занимает государственные должности Российской Федерации.

Действительно, ст. 28.3 КоАП РФ устанавливает достаточно объемный перечень должностных лиц федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления. При этом важно подчеркнуть бланкетный характер отдельных частей указанной нормы, формирующей юридическую основу передачи полномочий по составлению протоколов должностным лицам на основе законов субъектов Российской Федерации (ч. 6.1 ст. 28.3 КоАП РФ), подзаконных правовых актов, утверждаемых Правительством Российской Федерации (п. 18 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ) и руководителями профильных федеральных и региональных органов государственной власти (ч. 4 ст. 28.3 КоАП РФ).

Такая юридическая рассредоточенность продиктована оперативной необходимостью, способностью уполномоченных органов по своему усмотрению перераспределять функции, в том числе по составлению протоколов, между соответствующими должностными лицами. Вместе с тем это стало и причиной наделения отдельных должностных лиц указанными полномочиями без учета их профессионального образования, а значит, знаний, умений и навыков. В результате протоколы составляются должностными лицами, зачастую имеющими техническое, медицинское и иное неюридическое образование. В условиях разнообразия правоотношений, возникающих в процессе выявления административного правонарушения, необходимости его оперативной фиксации (ст. 28.5 КоАП РФ) вероятность ошибки при составлении протокола без устойчивых знаний и опыта повышается.

В-третьих, несмотря на высокую законодательную формализацию, в протоколе заложен творческий потенциал, презюмируемый в силу чрезвычайного разнообразия явлений, которые в нем фиксируются. На первый взгляд он незаметен, скрыт обязательными требованиями к заполнению протокола (ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ). К ним отнесены фиксация даты и места его составления; должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол; сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении; фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если они имеются; место, время совершения и событие административного правонарушения; статья КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение.

Вместе с тем неформальный подход при заполнении протокола начинается с отсутствия в законе установленного образца протокола. Это продиктовано как минимум двумя причинами. Первая причина вызвана особенностями фиксируемого события административного правонарушения или момента составления протокола (на месте совершения правонарушения или после результатов проверки). В одних случаях важно указать на свидетелей, понятых или средства электронной фиксации процесса пресечения административного правонарушения. В иных случаях требуется сослаться на персональные данные автомобиля, других технических средств, пункты нарушенных правил, установленных подзаконными актами, проверочные мероприятия, ставшие основанием возбуждения дела об административном правонарушении, и т. д.

Вторая причина связана с законодательной возможностью составить протокол на любом материальном носителе. Необходимость в этом возникает в случае отсутствия специального процессуального бланка в момент выявления административного правонарушения или на месте административного задержания правонарушителя. В такой ситуации не будет нарушением использование любого бумажного носителя, отвечающего общим требованиям надежного хранителя информации. Очевидно лишь, что физические свойства такого протокола не должны снижать имидж публичной власти и вызывать недоверие к закрепленной в нем информации.

Указанная свобода порождает не всегда законные действия. Так, в целях упрощения процесса оповещения заинтересованных лиц о месте, дате и времени рассмотрения дела об административном правонарушении эти данные указываются в протоколе с подписью сторон. Однако на основании п. 1 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ решение о назначении времени и места рассмотрения дела принимается на стадии подготовки к рассмотрению дела и принятия по нему решения.

Более того, фактически нижестоящее должностное лицо устанавливает время осуществления функции вышестоящего. Таким образом, на стадии возбуждения дела об административном правонарушении этот вопрос можно разрешить лишь в том случае, когда протокол составляет должностное лицо, уполномоченное его рассматривать.

Неформальный подход связан также с указанием в законе лишь даты составления протокола. Однако согласно ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ протокол составляется немедленно после выявления административного правонарушения, что означает указание в нем не только даты, представляющей собой значение года, месяца и дня, но и времени – определенного момента в течение суток, состоящего из часа, минут и секунд.

Отсутствие прямого указания в законе на время составления протокола не случайно и продиктовано практикой. Во-первых, в протоколе при описании события правонарушения уже указывается точное время или приблизительное время его выявления. Во-вторых, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении, протокол по общему требованию составляется в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения (ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ). Как правило, этот момент фиксируется в рапорте должностного лица, обнаружившего противоправное событие.

Вместе с тем установленные сроки могут стать основанием злоупотребления, когда протокол составляется в последний момент в рамках отведенного законом времени, хотя это можно было сделать ранее. Более того, нередки случаи составления протокола за рамками установленных законом сроков, чему способствуют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, считающего нарушение установленных ст. 28.5 КоАП РФ сроков несущественным[1].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (абз. 3 п. 4) // Российская газета. 2005. 19 апр.

На наш взгляд, сложившаяся практика пренебрежительного отношения к процессуальной дисциплине ведет к систематическому затягиванию сроков составления протокола и является первоосновой недоверия к описанию в нем события административного правонарушения. Вызвано это относительно большой разницей во времени между составлением протокола и фактическим выявлением противоправного деяния, что может стать причиной (в отсутствие процессуальных документов, составленных на месте совершения правонарушения) утраты важных деталей правонарушения. Например, причин и условий совершения административного правонарушения, очевидных лишь в момент обнаружения противоправного деяния. Не случайно в протоколе имеется ссылка на указание иных сведений, необходимых для разрешения дела.

Очевидно, в таких разнообразных материально-процессуальных условиях вопрос качества составления протокола многократно возрастает.

В-четвертых, во многих случаях протокол – это единственный процессуальный документ в деле об административном правонарушении, составляемый уполномоченными должностными лицами, служащий доказательством вины лица, привлекаемого к административной ответственности.

Как правило, так происходит при выявлении административных правонарушений по формальным основаниям, не имеющих потерпевшего, свидетелей, не требующих понятых и проведения экспертиз. В отдельных случаях это прямо установлено законом. Так, на основании ч. 2 ст. 28.6 КоАП РФ в случае оспаривания лицом, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении в упрощенном порядке, наличия события административного правонарушения и (или) назначенного ему административного наказания составляется протокол об административном правонарушении. Наличие в деле об административном правонарушении лишь протокола резко повышает требования к достоверности отраженной в нем информации, необходимо безупречное составление протокола как единственного процессуального документа, отражающего прежде всего имеющуюся доказательную базу о событии правонарушения, виновности в нем лица, показания потерпевших, свидетелей, понятых, использование орудий и (или) предметов совершения правонарушения. Безупречность включает и культуру их описания, соблюдение грамматических правил, юридической техники, читаемость текста наряду с точным следованием правилам заполнения протокола на основании ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ. Соблюдение всех этих требований делает протокол процессуальным документом с высоким уровнем доверия.

Таким образом, вопрос точной и полной фиксации в протоколе события административного правонарушения, лиц, причастных к делу, имеет ключевое значение. Скрупулезный подход и повышенное внимание к этому процессу если не исключают, то существенно снижают вероятность ошибки, а значит, повышают точность юридической оценки административного правонарушения, выбора вида и размера административного наказания виновному лицу на стадии рассмотрения и принятия решения по делу.

В-пятых, при всей важности протокола в ряде случаев, установленных законом, его составление не обязательно. В статье 28.6 КоАП РФ к таким случаям отнесено три основания.

Первое основание связано с одномоментным образованием следующих факторов:

– непосредственным обнаружением должностным лицом, обладающим административно-юрисдикционными полномочиями, административного правонарушения и лица, его совершившего;

– назначением административного наказания только в виде предупреждения или административного штрафа;

– лицо, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, не оспаривает наличие события административного правонарушения и назначенного административного наказания.

Второе основание образуется совокупным действием следующих обстоятельств:

– наличием заявления физического и (или) юридического лица о нарушении правил применения контрольно-кассовой техники;

– налоговой проверки по факту соответствующего заявления, проводимой автоматизированной информационной системой;

– признания вины субъектом совершения правонарушения и добровольного исполнения им нарушенной обязанности до вынесения соответствующего постановления по делу об административном правонарушении.

Третье основание связано с административными правонарушениями в сфере безопасности дорожного движения, порядка проезда по платным автодорогам, благоустройства территорий, порядка обращения с отходами производства и потребления, выявленными работающими в автоматическом режиме техническими средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Следует отметить, что в первых двух основаниях закон допускает составление протокола. Необходимость в этом возникает, когда лицо, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, оспаривает факт совершенного противоправного деяния. В такой ситуации возникает законодательно установленный процессуальный парадокс, когда стадия рассмотрения и вынесения решения по делу об административном правонарушении предшествует стадии его возбуждения. Вместе с тем это необходимо для соблюдения прав лиц, привлекаемых к административной ответственности на следующей факультативной стадии административно-юрисдикционного процесса – обжалования (пересмотра) принятого решения. Она реализуется другими административно-юрисдикционными органами (их должностными лицами) или судом, которым для разрешения спора требуются процессуальные документы, отражающие доводы обеих сторон. В этом аспекте протокол является самым емким документом, и не только потому, что в нем есть место для объяснения лица, привлекаемого к административной ответственности. Составление протокола завершается разъяснением процессуальных прав такому лицу (ст. 25.1 КоАП РФ), а значит, дает ему возможность оформить свои объяснения более детально на отдельном процессуальном бланке.

Вместе с тем быстрая смена тактики поведения должностных лиц – от предполагаемого вынесения лишь постановления по делу об административном правонарушении до составления протокола – повышает вероятность нарушения процессуальных прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

Наконец, *в-шестых*, протокол об административном правонарушении нельзя оспорить (обжаловать или опротестовать). Этот вывод следует из утверждения о том, что оспорить можно только то, что потенциально влечет нарушение прав и свобод физических и (или) юридических лиц, в том числе в ходе процессуальных действий, выполняемых в связи с совершенным административным правонарушением.

К таким действиям можно отнести процедуру личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ). Оспорить можно также решение о временном запрете деятельности (ст. 27.16 КоАП РФ), процедуру досмотра или задержания транспортного средства (ст. 27.9 и ст. 27.13 КоАП РФ), порядок осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (ст. 27.8 КоАП РФ), медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 27.12.1 КоАП РФ). Указанные действия оформляются соответствующими протоколами.

Имеются и другие оспоримые процессуальные действия, которые оформляются соответствующими определениями (например, привод на основании ст. 27.15 КоАП РФ), решениями (например, помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без граж-

данства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации на основании ст. 27.19 КоАП РФ) и т. д.

Указанные действия и соответствующие им процессуальные формы на основании ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ считаются доказательствами по делу об административном правонарушении. В их перечень также включен протокол об административном правонарушении, что делает его схожим с другими процессуальными актами, на первый взгляд, по признаку оспоримости.

Вместе с тем протокол, за исключением случаев, предусмотренных ст. 28.4 и ч. 1, 3 и 4 ст. 28.6 КоАП РФ, выступает единственным документом, без которого невозможно рассмотрение дела об административном правонарушении. Поэтому отсутствие в нем каких-либо недочетов, даже существенных, не может стать основанием для его отмены. В этом случае законом предусмотрена возможность его доработки. Так, на основании п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ судья или орган административной юрисдикции в случае выявления на стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении составления протокола неправомочным лицом, неправильного его составления выносит определение о возвращении протокола в орган, должностному лицу, которыми составлен протокол. Более того, Решением Конституционного Суда Российской Федерации п. 2 ч. 1 ст. 24.5, ч. 5 ст. 28.2, п. 4 ч. 1 ст. 29.4 и ч. 1 и 2 ст. 29.9 КоАП РФ признаны не соответствующими Конституции России (ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 46 и ст. 53), поскольку в случае выявления судьей при рассмотрении дела об административном правонарушении по существу отсутствия в протоколе об административном правонарушении подписи составившего его должностного лица данные законоположения на основании одного лишь этого факта обязывают судью прекратить производство по делу за отсутствием состава административного правонарушения[2].

Очевидно, приведенная правовая позиция создает прецедент для аналогичного толкования и других недочетов протокола.

Это лишний раз доказывает существующие риски нарушения закона при составлении протокола, формируя вынужденную практику «блокировки» и дальнейшего совершенствования норм КоАП РФ, направленного на снижение вероятности оспоримости процессуальных актов.

Краткое исследование правового регулирования основания и процедуры составления протокола, включение в этот процесс позиции Конституционного Суда Российской Федерации доказывают сложность этого процессуального действия, необходимость его законодательного совершенствования для достижения конечного результата – успешного решения задач производства по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 24.1 КоАП РФ.

Список источников

1. Дугенец А. С., Масленников М. Я. Протокол об административном правонарушении: процессуально-правовое и процедурное значение // Научный портал МВД России. 2009. № 3. С. 13–18.

References

1. Dugenets A. S., Maslennikov M. Ya. Administrative offence report: procedural law and procedure significance. *Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior.* 2009;(3):13-18. (In Russ.)

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2024 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 24.5, части 5 статьи 28.2, пункта 4 части 1 статьи 29.4 и частей 1 и 2 статьи 29.9 КоАП РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Кашина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 42. Ст. 6296.

Информация об авторах

Н. Н. Дерюга – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин;

А. Н. Дерюга – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин.

Information about the authors

N. N. Deryuga – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the State and Legal Disciplines Department;

A. N. Deryuga – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Head of the State and Legal Disciplines Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 12.05.2026

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 13–21
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 13–21
УДК 347.91/.95 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.13-21

Научная статья

Юридическая заинтересованность в предъявлении административного иска

Андрей Александрович Остроумов
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация, ost76@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления юридической заинтересованности в предъявлении административного иска на этапе, предшествующем возбуждению административного дела. В практике встречаются случаи необоснованных отказов в принятии административного искового заявления на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ. В литературе высказываются предложения исключить из КАС РФ данный пункт со ссылкой на недопустимость установления факта нарушения субъективного права на этапе разрешения вопроса о принятии административного искового заявления к производству. Дискуссионным является вопрос о понятии юридической заинтересованности.

Обсуждается необходимость сохранить в КАС РФ основание, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ. Раскрываются понятие юридической заинтересованности с учетом высказанных в теории точек зрения по данному вопросу, смысл и значение положения, содержащегося в п. 1 ч. 3 ст. 128 КАС РФ, для судебной практики. Выявляются возможные причины встречающихся ошибок в практике применения данной нормы.

Проанализированы имеющие отношение к теме положения законодательства, позиция Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о том, когда можно сделать вывод об отсутствии юридической заинтересованности при предъявлении административного иска. Обсуждаются конкретные примеры из практики ошибок, допущенных при применении п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

Сделаны выводы о том, что юридическая заинтересованность в предъявлении административного иска является необходимым условием (предпосылкой) для возбуждения административного иска, а выяснение вопроса о ее наличии на этапе, предшествующем возбуждению административного дела, не связано с необходимостью установления факта нарушения субъективного материального права и законного интереса административного истца. Предложено уточнить содержание п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ с целью более четкого уяснения смысла и содержания изложенного в нем положения.

Ключевые слова: юридическая заинтересованность, предъявление административного иска, отказ в принятии заявления, очевидное отсутствие нарушения

Для цитирования: Остроумов А. А. Юридическая заинтересованность в предъявлении административного иска // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 13–21. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.13-21.

Original article

Legal Interest in Filing an Administrative Claim

Andrey A. Ostroumov
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, ost76@yandex.ru

© Остроумов А. А., 2026

Abstract. The article is devoted to the problem of identifying the legal interest in filing an administrative claim at the stage preceding the initiation of an administrative case. In practice, there are cases of unjustified refusals to accept an administrative statement of claim based on paragraph 3 Pt. 1 Art. 128 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. There are proposals in the literature to exclude this paragraph from the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation with reference to the inadmissibility of establishing a violation of a subjective right at the stage of resolving the issue of accepting an administrative claim for production. The issue of the concept of legal interest is debatable.
The need to preserve in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation the basis provided for in paragraph 3 Pt. 1 Art. 128 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation is discussed. The concept of legal interest is revealed, taking into account the points of view expressed in theory on this issue. The meaning and significance of the provision contained in paragraph 1 Pt. 3 Art. 128 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation for judicial practice is revealed. Possible causes of errors in the practice of applying this rule are identified.
The relevant legislative provisions, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on the issue of when it is possible to conclude that there is no legal interest in filing an administrative claim are analyzed, and specific examples from practice of mistakes made in applying paragraph 3 Pt. 1 Art. 128 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation are discussed.
It is concluded that a legal interest in filing an administrative claim is a necessary condition (prerequisite) for initiating an administrative claim and clarifying the issue of its existence at the stage preceding the initiation of an administrative case is not related to the need to establish the fact of violation of subjective substantive law and the legitimate interest of the administrative plaintiff. It is proposed to clarify the content of paragraph 3 Pt. 1 Art. 128 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in order to clarify the meaning and content of the provision set out in it more clearly.

Keywords: legal interest, filing of an administrative claim, refusal to accept the application, the apparent absence of a violation

For citation: Ostroumov A. A. Legal interest in filing an administrative claim. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):13-21. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.13-21.

О наличии юридической заинтересованности в предъявлении административного иска можно говорить тогда, когда существует вероятность, возможность (или, иначе говоря, не исключена вероятность) того, что решение суда, вынесенное в результате рассмотрения по существу административного иска, может затронуть материальные права и охраняемые законом интересы лица, в защиту прав и законных интересов которого административный иск предъявлен. Если исключается возможность (вероятность) того, что решение суда может затронуть права и законные интересы того лица, в защиту прав и законных интересов которого предъявлен административный иск (далее такое лицо будем именовать также административный истец), то это свидетельствует об отсутствии юридической заинтересованности в предъявлении административного иска.

Последствие отсутствия юридической заинтересованности в предъявлении административного иска отражено в п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, согласно которому судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если из административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта, акта, содержащего разъяснения законодательства и обладающего нормативными свойствами, решения или действия (бездействия) не следует, что этими актом, решением или действием (бездействием) нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца.

Данное основание для отказа в принятии административного искового заявления и аналогичное ему по смыслу основание, содержащееся в п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, широко обсуждаются в литературе [1; 2; 3].

Дискуссионным является вопрос о соответствии этих положений ст. 46 Конституции России. Высказываются предложения об исключении п. 3 ч. 1 ст. 128 из КАС РФ [4]. В обоснование, как правило, приводится довод о недопустимости разрешения судом вопросов мате-

риально-правового характера о нарушении или об отсутствии нарушения прав и законных интересов, в защиту которых предъявлен административный иск, на этапе рассмотрения вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда.

Формулировка содержащегося в п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ основания, если исходить из ее буквального содержания, действительно дает небесспорный, но все-таки повод поставить вопрос о том, не возлагает ли она на судью уже на этапе рассмотрения вопроса о возможности принятия административного искового заявления к производству суда обязанность выяснить, нарушают ли оспариваемые акты, решения, действия, бездействие права и законные интересы, в защиту которых предъявлен административный иск.

Между тем основания для такой постановки вопроса отсутствуют, поскольку выяснению на данном этапе подлежит не факт нарушения права, а лишь наличие потенциальной вероятности такого нарушения, наличие оснований полагать, что права, свободы и законные интересы административного истца нарушены.

На практике суды, как правило, правильно применяют данную норму, проверяя на этапе рассмотрения вопроса о возбуждении административного дела, идет ли речь в административном исковом заявлении лишь о возможности как таковой нарушения прав и законных интересов административного истца, не предрешая при этом вывод о наличии или об отсутствии самого факта нарушения права.

Общеизвестно, что вывод о наличии или об отсутствии факта нарушения права может быть сделан судом лишь по итогам судебного разбирательства и изложен в решении суда. Но выносить на рассмотрение суда и исследовать в ходе судебного разбирательства вопрос о наличии или об отсутствии факта нарушения субъективного права (законного интереса) нецелесообразно и бессмысленно, когда отсутствует сама по себе вероятность такого нарушения. Зачем возбуждать производство по делу, осуществлять подготовку дела к судебному разбирательству, проводить судебное разбирательство и выносить решение об отказе в удовлетворении административного иска, если изначально изучение содержания административного искового заявления и приложенных к нему документов позволяет сделать очевидный и бесспорный вывод об отсутствии вероятности нарушения права в данной конкретной ситуации при любых обстоятельствах?

Встречающиеся случаи неправильного толкования и применения п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ можно объяснить, в том числе, отсутствием в нем некоторых слов, из-за чего затруднено правильное толкование его содержания. Если бы в этом пункте после слов «не следует, что этими актом, решением или действием (бездействием)» было бы указано «могут нарушаться либо иным образом могут затрагиваться права, свободы и законные интересы административного истца», то это точнее раскрывало бы его смысл. Словосочетания «могут нарушаться», «могут затрагиваться» указывают на необходимость установить в момент рассмотрения судьей вопроса о возбуждении административного дела не факт нарушения субъективного права (законного интереса), а лишь гипотетическую (потенциальную) возможность его нарушения, являющуюся необходимой предпосылкой для последующего исследования уже в ходе судебного разбирательства вопроса о том, нарушено это субъективное право (законный интерес) или нет, и изложения ответа на него в решении суда по делу.

На необходимость выяснения вопроса о том, может или не может оспариваемый акт нарушить или иным образом затронуть права и законные интересы административного истца, а не вопроса о том, нарушает или не нарушает (затрагивает или не затрагивает иным образом) оспариваемый акт права и законные интересы, неоднократно обращалось внимание в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации относительно норм, предусматривающих последствия оспаривания акта лицом, не имеющим юридической заинтересованности в его оспаривании.

Например, в п. 15, 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50[1] акцентируется внимание на том, что предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ основание имеется тогда, когда из сведений, содержащихся в административном исковом заявлении и (или) приложенных к нему документах, с очевидностью следует, что административный истец не может выступать субъектом отношений, регулируемых оспариваемым (разъясненным) нормативным правовым актом, либо следует, что оспариваемый акт не может нарушать или иным образом затрагивать права, свободы, законные интересы административного истца.

При выявлении отсутствия юридической заинтересованности в предъявлении иска по правилам ГПК РФ судьи отказывают в принятии заявления на том основании, что «в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя» (третье предложение п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ). Приведенная формулировка основания для отказа также имеет недостатки: после слова «которые» не хватает таких слов, как «очевидно», «явно» или «бесспорно».

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в период, когда нормативные правовые акты оспаривались по правилам ГПК РФ, разъяснил в Постановлении от 29 ноября 2007 г. № 48[2], что судья отказывает в принятии заявления в случаях, когда в заявлении гражданина или организации оспаривается полностью или в части нормативный правовой акт, очевидно не затрагивающий их права и свободы, тогда как это обстоятельство является необходимым условием проверки акта или его части (например, заявление граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, об оспаривании полностью или в части нормативных правовых актов, регулирующих отношения с участием организаций и индивидуальных предпринимателей). Аналогичным образом в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2[3] было разъяснено, что судья отказывает в принятии заявления, если оспаривается решение, действие (бездействие), очевидно не затрагивающее права и свободы гражданина.

Смысл основания для отказа в принятии административного искового заявления, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, сводится к тому, что оспариваемые акт, решение, действие, бездействие именно очевидно, явно и бесспорно не нарушают или иным образом не затрагивают права и законные интересы административного истца.

Чтобы выяснить на этапе до принятия административного искового заявления к производству, имеется ли возможность (вероятность) нарушения прав лица, в защиту которого предъявлен административный иск, необходимо выяснить в первую очередь, имеет ли изложенное в его просительном пункте требование правовой характер, т. е. направлено ли оно на защиту субъективного материального права или законного интереса. Если исковое требование имеет правовой характер, то далее выясняется, существует ли потенциальная (гипотетическая) возможность (вероятность) того, что права и законные интересы именно того лица, в защиту которого предъявлен административный иск, могут быть нарушены или иным об-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» (п. 17).

разом затронуты. Возможность нарушения субъективного права не исключается тогда, когда есть вероятность существования обстоятельств, установление которых повлечет удовлетворение административного иска. Если вероятность существования обстоятельств, являющихся основанием для удовлетворения административного иска, отсутствует (нет потенциальной возможности их существования), то это указывает на невозможность нарушения прав и законных интересов в конкретном случае и, как следствие, на отсутствие необходимости принимать к производству административное исковое заявление.

О праве именно заинтересованного, а не любого лица, т. е. о праве лица, обладающего юридической заинтересованностью, предъявить иск говорилось в ст. 3 ГПК РСФСР 1964 г.

Как указывала Н. Г. Салищева в фундаментальной работе, посвященной вопросам административного процесса в СССР, гражданин может добросовестно заблуждаться относительно своих действительных прав, а закон исходит из общего правила, что жалоба на действия того или иного органа и должностного лица может быть принесена по любому поводу, связанному с действительным или предполагаемым ущемлением или нарушением прав, а также законных интересов того или иного лица [5].

В литературе обсуждается точка зрения о том, имеет юридическая заинтересованность субъективный или объективный характер. Высказывается мнение о необходимости отличать юридический интерес от заинтересованности [1].

Если рассматривать юридическую заинтересованность в субъективном смысле, то для ее подтверждения достаточно лишь предположения административного истца, что его права нарушаются или иным образом затрагиваются оспариваемым актом, решением, действием или бездействием. С таким подходом, по нашему мнению, согласиться нельзя.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая обращения по поводу п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, придерживается позиции, в соответствии с которой административное процессуальное законодательство, конкретизирующее положения ст. 46 Конституции России, исходит, по общему правилу, из того, что любому лицу судебная защита гарантируется только при наличии оснований предполагать, что права и свободы, о защите которых просит лицо, ему принадлежат, и при этом указанные права и свободы были нарушены или существует реальная угроза их нарушения[4].

Выяснение этого вопроса – что права лица могут быть нарушены, направлено на подтверждение или опровержение вероятности нарушения субъективного права и не связано с установлением того факта, нарушено или не нарушено это право. Предполагается только выяснение того, имеются ли основания для постановки в суде вопроса о том, нарушено право или нет, есть ли основания для рассмотрения и разрешения судом этого вопроса по существу в ходе судебного разбирательства.

Верховный Суд Российской Федерации дал достаточно четкие и полные разъяснения относительно того, как следует толковать положение п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, в одном из обзоров судебной практики[5] (далее – Обзор). В пункте 43 Обзора разъяснено, что при разрешении вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда не может быть дана оценка действиям и полномочиям административных ответчиков, а также не мо-

[4] Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 109-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Даньшина Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», от 30 сентября 2025 г. № 2170-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Слущенко Марины Игоревны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетней дочери пунктом 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.04.2019).

жет быть сделан вывод об отсутствии нарушений оспариваемыми действиями прав, свобод и законных интересов административных истцов, поскольку указанные обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении и разрешении административного дела по существу.

Одновременно с этим Верховный Суд подтвердил необходимость выяснять до возбуждения административного дела, имеются ли основания полагать, что права и законные лица могут быть нарушены оспариваемым актом, решением, действием, бездействием. Так, в п. 44 Обзора разъяснено, что судья вправе отказать в принятии административного искового заявления на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ только в случае, если оспариваемый нормативный правовой акт очевидно и бесспорно не затрагивает права, свободы и законные интересы административного истца.

Если административный иск не направлен на защиту каких-либо прав и законных интересов, если исключается потенциальная возможность нарушения права, то в этой ситуации нет повода говорить об отказе в правосудии из-за отказа в принятии административного искового заявления по данному основанию, поскольку оно препятствует принятию к производству административных исков лицами, права и законные интересы которых очевидно и бесспорно оспариваемыми актами, решениями, действиями и бездействием нарушены или иным образом затронуты быть не могут.

Допускаемые иногда судьями ошибки при применении п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ обусловлены, как представляется, сложностью выявления соответствующего основания на этапе, предшествующем возбуждению административного дела, а также специфическими обстоятельствами конкретного спора, затрудняющими обнаружение потенциальной возможности нарушения субъективных прав, свобод и законных интересов административного истца.

Можно привести следующий пример из судебной практики.

Гражданин Б. обратился с административным иском к администрации муниципального образования, ее отдельным органам и должностным лицам о признании незаконными уведомления о несоответствии построенных или реконструированных объектов индивидуального жилищного строительства требованиям законодательства о градостроительной деятельности, а также отказа в продаже земельного участка, отказа в предоставлении земельного участка в аренду для эксплуатации объекта капитального строительства[6]. Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в принятии административного искового заявления было отказано со ссылкой на п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ на том основании, что оспариваемые решения административных ответчиков вынесены по обращениям ООО, затрагивают права и законные интересы этого юридического лица в сфере экономической деятельности, а значит, не порождают для гражданина Б. как административного истца каких-либо правовых последствий, его права очевидно и бесспорно не затрагивают.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев в порядке ст. 327.1 КАС РФ кассационную жалобу гражданина, изучив приложенные к административному исковому заявлению документы, в том числе договор комиссии, заключенный между гражданином Б. (комитентом) и ООО (комиссионером) в лице гражданина Б. как директора ООО, установила, что комиссионер за счет и в интересах комитента от своего имени совершает следующие сделки: 1) участвует в аукционе на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в муниципальной собственности муниципального образования; 2) заключает договор аренды, осуществляет строительство, выкупает земельный участок. При этом согласно договору комиссии права на приобретаемое имущество принадлежат комитенту. Гражданин Б. в административном исковом заявлении, в принятии которого было отказано, ссылался на то, что по результатам торгов на

[6] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2025 г. № 14-КАД25-12-К1.

право аренды земельного участка, указанного в договоре комиссии, между администрацией муниципального образования и ООО в лице гражданина Б. как директора ООО заключен договор аренды. В целях дальнейшего исполнения договора комиссии ООО обратилось в уполномоченные органы с уведомлениями и заявлениями, связанными со строительством объекта недвижимости и выкупом земельного участка. Оспариваемые решения административных ответчиков вынесены в отношении объектов недвижимости (объекта индивидуального жилищного строительства и земельного участка), права на которые по условиям договора комиссии принадлежат гражданину Б., а не ООО. Поскольку, обращаясь во исполнение договора комиссии к административным ответчикам, ООО действовало не в своих интересах в сфере экономической деятельности, как ошибочно установили суды нижестоящих инстанций, а в интересах гражданина Б. во исполнение заключенного между ним и ООО договора комиссии, то оспариваемые решения могут затронуть права гражданина Б.

Приведенный пример свидетельствует о необходимости при выяснении в каждом конкретном случае вопроса о том, имеется ли юридическая заинтересованность в предъявлении административного иска, внимательно, всесторонне и полно изучать приложенные к административному исковому заявлению документы, обосновывающие предъявленное требование.

Следующий пример касается ситуации, когда административный истец связал нарушение своих прав не с наличием, а с отсутствием нормы права определенного содержания в оспариваемом им нормативном правовом акте.

ООО обратилось в суд с административным исковым заявлением, в котором просило признать незаконными (недействующими) приказы органа государственной власти субъекта Федерации об определении перечня объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость, на 2023 и на 2024 гг. в той части, в которой в указанные перечни не включено принадлежащее ООО на праве собственности здание, и возложить на административного ответчика обязанность включить данное здание в указанные перечни[7]. В обоснование ООО сослалось на то, что здание было включено в соответствующий перечень на 2022 г., а невключение данного объекта в оспариваемые перечни 2023 и 2024 гг. противоречит положениям налогового законодательства и закона соответствующего субъекта Федерации о налоге на имущество организаций, нарушает права административного истца как налогоплательщика, поскольку не позволяет воспользоваться предоставленными региональным законодательством льготами, предусмотренными для объектов недвижимости, включенных в такие перечни.

Определением судьи, оставленным без изменения апелляционным и кассационным определениями, в принятии административного искового заявления было отказано.

Отменяя эти судебные акты, судья Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указал на то, что судья вправе отказать в принятии административного искового заявления на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ только в случае, если оспариваемый нормативный правовой акт очевидно и бесспорно не затрагивает права, свободы и законные интересы административного истца. Между тем в административном исковом заявлении ООО было указано, что здание в составе торгового комплекса отвечает критериям, установленным ст. 378.2 НК РФ для отнесения объектов недвижимого имущества к объектам, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость, при этом здание включено в соответствующие перечни на 2022 и 2025 гг. Невключение же данного объекта в соответствующие перечни на 2023 и 2024 гг. лишило ООО возможности воспользоваться льготами по налогу на имущество, предоставленными в соответствии с региональным законодательством налогоплательщику в отношении объектов недвижимости, включенных в такие перечни.

[7] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2025 г. № 78-КАД25-15-К3.

Делая вывод о том, что внесение изменений и дополнений в нормативный правовой акт относится к исключительной компетенции соответствующих органов государственной власти, судья не учел, что при разрешении вопроса о принятии административного искового заявления к производству суда не может быть дана оценка действиям и полномочиям административного ответчика, а также не может быть сделан вывод об отсутствии нарушений оспариваемыми нормативными правовыми актами прав, свобод и законных интересов административного истца, поскольку указанные обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении и разрешении административного дела по существу.

Возможность нарушения прав и законных интересов ООО, обусловленная фактом отсутствия в нормативном правовом акте нормы права и, соответственно, юридической заинтересованности ООО в оспаривании такого нормативного правового акта, была, таким образом, подтверждена. Вопрос же о возможности признать нормативный правовой акт недействующим в той части, в которой в нем отсутствует норма права, требует отдельного обсуждения.

Впоследствии суд первой инстанции признал изложенные в административном исковом заявлении требования ООО подлежащими рассмотрению арбитражным судом в порядке, установленном главой 24 АПК РФ, и вынес определение о передаче дела по подсудности в арбитражный суд. Суд исходил при этом из того обстоятельства, что оспариваемые приказы, являющиеся по своей природе нормативными правовыми актами, не применялись к административному истцу и (ввиду отсутствия в соответствующих перечнях, утвержденных данными приказами, сведений о принадлежащем ООО объекте) не порождали возникновения у ООО соответствующих прав и обязанностей. С данным определением не согласился суд апелляционной инстанции, указав, что в силу положений ч. 1 ст. 208 КАС РФ право на обращение с административным исковым заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части закреплено не только за лицами, в отношении которых применен этот акт, но и за теми лицами, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы. Как указал суд апелляционной инстанции, содержание перечня, утверждение (принятие) которого осуществляет уполномоченный орган исполнительной власти субъекта в соответствии с ч. 7 ст. 378.2 НК РФ, непосредственно формирует налоговую базу налога на имущество организаций как необходимого элемента налогообложения и тем самым от наличия либо отсутствия в перечне сведений об объекте недвижимости прямо зависит размер налоговых обязательств организации с учетом предусмотренных законодательством субъекта льгот по уплате такого налога. Следовательно, права налогоплательщиков – организаций в сфере налоговых отношений очевидно затронуты этим фактом, что не оспаривается участниками спора. По мнению суда апелляционной инстанции, отсутствие в тексте нормативного акта правовой нормы, регуляторное содержание которой собственно и заключается в наименовании индивидуально-определенного объекта недвижимости, включение либо отсутствие которого в перечне порождает связанные с этим правовые последствия для конкретного налогоплательщика – собственника спорного имущества, само по себе не означает, что в целом нормативный правовой акт не может быть проверен судом в порядке абстрактного нормоконтроля на предмет законности отсутствия в оспариваемой части акта интересующих заявителя сведений, а равно не может выступать формальным поводом к тому, что такой нормативный правовой акт не может быть признан недействующим в той его части, в которой он не содержит указания на конкретный объект недвижимости, собственником которого выступает лицо, избравшее данный способ судебной защиты[8]*.*

Приведенные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют, во-первых, о безусловной затруднительности проверки в отдельных случаях на этапе решения вопроса о принятии ад-

[8] Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 27 ноября 2025 г. № 66а-677/2025 (УИД 78OS0000-01-2024-001152-84).

министративного искового заявления к производству наличия юридической заинтересованности в предъявлении административного иска. Однако это не опровергает необходимости сохранения п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ как препятствующего предъявлению в суды неправовых требований либо требований, очевидно, явно и бесспорно не нарушающих или иным образом не затрагивающих права и законные интересы обращающихся за судебной защитой лиц. Снизить количество случаев неправильного применения данной нормы возможно путем корректировки ее содержания, в том числе предложенной выше, с целью более четкого раскрытия ее смысла.

Список источников

1. Афанасьев С. Ф. О соотношении конституционного права на судебную защиту и юридического интереса в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 12. С. 2–5.

2. Афанасьев С. Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10. С. 6–10.

3. Тарибо Е. В. Нарушение и затрагивание прав и свобод как предпосылки права на административный иск // Судья. 2017. № 3. С. 32–36.

4. Соловей Ю. П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 72–99.

5. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М. : Юрид. лит., 1964. 158 с.

References

1. Afanasyev S. F. On the relationship between the constitutional right to judicial protection and the legal interest in the civil process. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2004;(12):2-5. (In Russ.)

2. Afanasyev S. F. The evolution of legal interest as a prerequisite for the right to appeal to a court of civil jurisdiction (theoretical and legal review). *Arbitrazh and Civil Procedure.* 2006;(10):6-10. (In Russ.)

3. Taribo E. V. Violation and infringement of rights and freedoms as prerequisites for the right to an administrative claim. *Judge.* 2017;(3):32-36. (In Russ.)

4. Solovey Yu. P. Discretionary nature of administrative act as a circumstance precluding judicial review of its legality. *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2019;(4):72-99. (In Russ.)

5. Salishcheva N. G. *Administrative process in the USSR*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1964. 158 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Остроумов – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян.

Information about the author

A. A. Ostroumov – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil and Administrative Procedure Department named after M. S. Shakaryan.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 22–32
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 22–32
УДК 342.92 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.22-32

Научная статья

Материально-правовые критерии определения предметной подсудности административных споров

Олег Николаевич Шерстобоев

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, sherson@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6972-8241

Аннотация. В России к настоящему времени сложилось полноценное административное судопроизводство, которое представлено Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, разделом III Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Принципы разрешения административных споров и отдельные аспекты соответствующих производств были разъяснены в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, актах Конституционного Суда Российской Федерации, опробованы при разрешении отдельных дел.

Между тем ряд проблем, связанных с разрешением административных споров, сохраняются и требуют дальнейшего решения. Одна из таких проблем заключается в определении предметной подсудности административных споров. Дело в том, что в практике сложилась парадоксальная ситуация, когда дела из публичных правоотношений рассматриваются в порядке, предусмотренном для разрешения споров из частноправовых отношений. Это относится, к примеру, к пенсионным спорам, некоторым спорам с участием организаций, исполняющих публичные функции и действующих в публичных интересах, а также к рассмотрению исков о понуждении к исполнению административных актов.

Автором были поставлены следующие задачи: рассмотреть примеры неверного определения подсудности административных споров; доказать, что споры с участием организаций, реализующих публичные функции и действующих в публичном интересе, – это административные споры; показать недостатки разрешения административных споров по правилам, предназначенным для разрешения споров из частноправовых отношений.

В работе использованы формально-юридический, догматический и сравнительно-правовой методы.

В результате исследования автор пришел к выводу, что предметная подсудность административных споров должна соответствовать материально-правовой природе спорных отношений; в результате споры из административных правоотношений должны разрешаться по нормам КАС РФ и раздела III АПК РФ.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административный спор, административный акт, суды, административные правоотношения, административный орган

Для цитирования: Шерстобоев О. Н. Материально-правовые критерии определения предметной подсудности административных споров // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 22–32. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.22-32.

© Шерстобоев О. Н., 2026

Original article

Substantive Criteria for Determining Subject Matter Jurisdiction of Administrative Disputes

Oleg N. Sherstoboev

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, sherson@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6972-8241

Abstract. In Russia a fully-fledged administrative procedure has now been established, which is represented by the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, Section III of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The principles of resolving administrative disputes and individual aspects of the relevant proceedings were explained in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, and tested in the resolution of individual cases. Meanwhile, a number of problems related to the resolution of administrative disputes remain and require further resolution. Without this, the development of administrative proceedings will be hampered. One of such problems is the determination of subject matter jurisdiction in administrative disputes. The fact is that a paradoxical situation has arisen in practice, where cases arising from public legal relations are considered in the manner prescribed for resolving disputes arising from private legal relations. This applies, in particular, to pension disputes, certain disputes involving organizations performing public functions and acting in the public interest, as well as to the consideration of claims for the enforcement of administrative acts.

The author set the following tasks: to consider examples of incorrect determination of the jurisdiction of administrative disputes; to prove that disputes involving organizations performing public functions and acting in the public interest are administrative disputes; to show the disadvantages of resolving administrative disputes according to the rules designed to resolve disputes from private law relations.

The paper uses formal legal, dogmatic and comparative legal methods.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the subject matter jurisdiction of administrative disputes should correspond to the substantive nature of the disputed relations; as a result, disputes from administrative legal relations should be resolved according to the norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Section III of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative proceedings, administrative dispute, administrative act, courts, administrative legal relations, administrative authorities

For citation: Sherstoboev O. N. Substantive criteria for determining subject matter jurisdiction of administrative disputes. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):22-32. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.22-32.

В суде оказалось дело со следующим фактическим составом: истец обжаловал бездействие административного органа, который со ссылкой на формальные обстоятельства отказал ему в предоставлении денежной выплаты, хотя истец имел право на ее получение. В таких условиях в зависимости от специфики спор должен быть квалифицирован в качестве административного и разрешен по нормам КАС РФ или раздела III (глава 24) АПК РФ. В действительности приведенная фабула была позаимствована из дела об оспаривании отказа пенсионного органа в предоставлении социальной выплаты[1]. После этого уточнения полярность выводов изменяется: дело превращается в гражданское и рассматривается по общим правилам искового производства ГПК РФ. Причем в современных условиях изменить ситуацию невозможно: квалификация и определение предметной подсудности здесь произведены в точном соответствии с тре-

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2023 г. № 39-КГ23-7-К1; см. также: Обзор практики рассмотрения судами дел по пенсионным спорам (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г.) (п. 1) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/33731/.

бованием абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 36 (2016 г.)[2].

Возникает вопрос: может быть, и не нужно ничего менять, и процессуальный инструментарий ГПК РФ позволяет качественно защитить права истцов в спорах о пенсиях и иных социальных выплатах?

Следующим примером будет спор между юридическим лицом, собственником придорожного мотеля, и федеральным казенным учреждением «Федеральное управление автомобильных дорог “Сибирь” Федерального дорожного агентства» (далее – ФКУ).

ФКУ обратилось с иском к обществу и потребовало обязать ответчика «совершить определенные действия»: подготовить и согласовать в ФКУ проектную документацию на строительство «переходно-скоростных полос и линии их освещения к объекту дорожного сервиса – нежилому общественно-бытовому зданию» на участке федеральной автомобильной дороги и реализовать утвержденный ФКУ проект строительства. Дело рассматривалось в общем порядке искового производства по нормам АПК РФ[3].

Выбор общего порядка искового производства в этом примере так же небесспорен, как и в предыдущем деле: дела объединяет проблема особого типа административных правоотношений, в которых властный участник представлен не органом государственной власти или его должностным лицом, а организацией, наделенной публичными функциями.

В другом деле суд рассмотрел иск прокурора природоохранной прокуратуры, поданный в соответствии с ГПК РФ, о понуждении организации к исполнению предписания регионального министерства. Речь шла об исполнении лицензионных требований и норм экологического законодательства, а нарушения были выявлены административным органом при проведении выездной проверки[4].

Вопросы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля – это всеми признанная часть административного права: контрольно-надзорные мероприятия реализуются в рамках административных правоотношений, а предписания, выданные субъектами государственного управления, обладают всеми признаками административного акта. Этот вывод представляется аксиомой, об этом написано достаточно работ, защищены диссертации, есть практика Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Однако суды, органы исполнительной власти, прокуроры часто не замечают в делах о понуждении к исполнению административных актов публичное содержание.

Рассмотрим, почему в первых двух примерах нужно говорить именно об административном споре (споре из публичных правоотношений). Начать нужно с известной нормы, закрепляющей предметную подсудность, – ч. 1 ст. 1 КАС РФ и ч. 1 ст. 189 АПК РФ. По общему правилу, в порядке административного судопроизводства рассматриваются споры из публичных правоотношений, за исключением случаев, когда административный акт направлен на

---

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума № 36) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 11.

[3] Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 15 октября 2024 г. по делу № А45-8514/2024 ; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17 декабря 2025 г. по делу № А45-8514/2024 // Справочная система «Банк решений арбитражных судов». URL: https://my.arbitr.ru/#index.

[4] Решение Обского городского суда Новосибирской области от 1 декабря 2023 г. по делу № 2-767/2023 // Государственная автоматизированная система «Правосудие» : [сайт]. URL: https://ej.sudrf.ru/.

возникновение частноправовых последствий (п. 1 Постановления Пленума № 36). Остается выяснить, являлись ли спорные правоотношения в указанных примерах административными, что послужило основанием их возникновения, связан ли конечный результат (законная цель, которую преследовали властные субъекты) развития указанных отношений с возникновением гражданских прав, или он заключался в достижении результата, значимого для всего общества. Ответы важны, поскольку в них находятся основания для разграничения конституционных видов судопроизводства, а значит, и определения надлежащего способа судебной защиты прав граждан и их организаций, а также отстаивания публичного интереса. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выделение конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства продиктовано «природой и объективными особенностями материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом из них»[5].

Классическая характеристика административного правоотношения в отечественной доктрине сформулирована Ю. М. Козловым. Такие отношения складываются преимущественно в сфере государственного управления в связи с осуществлением органом государственного управления исполнительно-распорядительной деятельности; их объект – это действия, поведение людей, участвующих в управляемых процессах в сфере государственного управления; обязательным участником выступает орган государственного управления или другой носитель полномочий государственно-властного характера; инициатором их возникновения может быть любой участник, а согласие или желание второй стороны в этом случае, как правило, не обязательно. Имеются также факультативные для темы статьи признаки: споры из таких правоотношений рассматриваются в особом порядке; нарушитель административно-правовых требований отвечает перед государством в лице его органа [1, с. 105–146].

Выводы, сделанные в доктрине в прошлом веке, в своей основе актуальны до сих пор. Об этом свидетельствуют критерии публичных правоотношений, на которые указал Пленум Верховного Суда: не основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников; один участник реализует публично-властные полномочия по отношению к другому (п. 1 Постановления Пленума № 36). Современная действительность, конечно же, требует модернизации классических формул, выведенных несколько десятилетий назад, в иных исторических условиях.

В последние два десятилетия существенно расширился круг «властных» субъектов административных правоотношений. Они реализуют публичные функции, а их деятельность направлена на достижение общезначимых целей, их компетенция может включать «классические» властные полномочия, а может и не включать их. В отечественной доктрине административного права принято говорить о юридических лицах публичного права [2], организациях, наделенных властными полномочиями [3, с. 403–404]. Они могут обладать самостоятельным статусом, а иногда дополнять статус органа власти, действующего в определенной сфере. Иногда они именуются субъектами, содействующими в реализации публичных функций [4, с. 264–265]. Разнообразие объектов управления, их специфические конфигурации, появление новых объектов и быстрое видоизменение старых – все это характеристики многочисленных ситуаций, с которыми сталкивается современное государство. Как результат, оно вынуждено обновлять систему публичного управления, усложнять модели компетенции с полномочиями, осуществляемыми самостоятельно, совместно, предварительно и по согласо-

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2025 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 44 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой федерального государственного бюджетного учреждения “Рослесинфорг”» (п. 2) // Российская газета. 2026. 16 янв.

ванию [5, с. 8–9]. Такое управленческое разнообразие сказывается на статусе и видовом ряде субъектов административных правоотношений.

О том, что их участником на властной стороне не обязательно должен быть орган государственной власти, известно относительно давно. А. И. Елистратов среди государственных учреждений со специальной компетенцией называл министерства, но также и «университеты, больничные кассы», «учреждения по делам страхования рабочих». Они предназначены для исполнения «актов публичного права», их деятельность не является «чисто юридической», а может, среди прочего, быть «научной, педагогической, технической» [6, с. 95–96]. В советский период вопросы статуса организаций, действующих в общественном интересе и не являющихся органами государственного управления, получили собственное звучание. А. Ф. Евтихиев писал о новых формациях государственных органов, которые могут функционировать в форме учреждений или предприятий, а также представлять партийные, профсоюзные и кооперативные образования [7, с. 79]. Ю. М. Козлов указывал на управленческую деятельность общественных организаций трудящихся [8, с. 17].

В современной России возможность наделения публично-властными полномочиями самых разных организаций сомнений не вызывает. Продуктивность функционального подхода к определению состава субъектов административного права отмечает А. И. Стахов: «Органы публичной администрации или, говоря иначе, административно-публичные органы» включают и «организации, имеющие статус публичного органа или иного органа, осуществляющие во взаимодействии функции, установленные административным законодательством» [9, с. 9].

Организации, выполняющие функции органа публичной администрации, признаются в законодательстве и судебной практике. Так, Федеральным законом учреждена АНО «Фонд защиты вкладчиков»[6]. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что эта организация реализует публичную функцию, необходимую для достижения публичной цели. Следовательно, ряд норм ГК РФ к его деятельности не применяются (в том числе ст. 384). При этом работу Фонда следует оценивать через принцип публичного права: поддержание доверия к действиям государства. Фонд именуется «специализированным субъектом для решения публичных задач», который обязан «учитывать необходимость создания и поддержания наиболее благоприятных условий для нормальной экономической деятельности и экономического развития»[7]. Статус АНО «Фонд защиты вкладчиков» определяется по аналогии с государственными органами, осуществляющими управленческие функции.

Возможность реализации публичных функций организацией, не являющейся органом государственной власти, представлена и в случае процессуального правопреемства по ст. 44 КАС РФ. У Конституционного Суда не вызвало никаких возражений перераспределение полномочий по лесоустройству от субъектов Российской Федерации – к Рослесхозу, а от него – к ФГБУ «Рослесинфорг». Подчеркивалось, что передача функций (функциональное правопре-

---

[6] Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 39-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя» (ст. 2 и др.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14. Ст. 1531.

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 16 статьи 4 Федерального закона “О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя”, части 2 статьи 117, части 8 статьи 291.6 и части 1 статьи 322 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества “Крыммолоко”» (п. 6) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 8. Ст. 1181.

емство) в материальном смысле является основанием для процессуального правопреемства, но автоматически последнее не производится[8].

Итак, организации, не являющиеся органами публичной власти в формальном смысле, могут выполнять их функции, встраиваясь в управленческую цепочку в качестве одного из ее звеньев. Этот вывод не уникален, он представлен в самых разных правопорядках. Более того, в отличие от российской доктрины, в других государствах для обозначения всех субъектов, реализующих публичные функции, чаще всего используется единое родовое понятие – административный орган. В немецкой доктрине, к примеру, выделяются административные органы в организационном и функциональном смыслах. Последние как раз наделяются публично-властными функциями и организационно могут представлять публичные учреждения или организации, созданные на основании норм частного права. Они обладают административной правосубъектностью, а значит, действуют в публичном обороте самостоятельно и несут за это ответственность. Отдельно рассматриваются лица, содействующие (оказывающие помощь) административным органам: они совершают действия от имени административного органа и по его поручению. Например, школа реализует публичные функции в сфере образования и является административным органом в функциональном смысле; старшеклассник, сопровождающий учеников младших классов на экскурсии, считается лицом, содействующим органу; он действует от имени учебного заведения и по его поручению, которое отвечает за его действия[9]. Этот подход был сформулирован в немецкой доктрине административного права и судебной практике, а также нашел выражение в § 1 (4) Закона ФРГ об административных процедурах[10]. Сейчас он распространен во многих странах с континентальными взглядами на административное право.

Типичным примером является дефиниция, закрепленная в ст. 4 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан: «Административный орган – государственный орган, орган местного самоуправления, государственное юридическое лицо, а также иная организация, которые… наделены полномочиями по принятию административного акта, совершению административного действия (бездействия)»[11]. Такое определение статуса организаций, не являющихся органами государственной власти, но реализующих публично-властные функции, позволяет распространить на них действие норм, предназначенных для защиты субъективных публичных прав, а также обеспечения публичного интереса. Споры, возникшие из-за реализации ими таких функций, рассматриваются по правилам административного судопроизводства. В этом смысле понятие административного органа целесообразно использовать и в отечественной доктрине и практике.

Пенсионное обеспечение в России осуществляет Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – СФР). Функции и полномочия его учредителя осуществляются от имени Российской Федерации Правительством Российской Федерации, а координирует его деятельность Минтруд России. СФР учреждает территориальные органы, обособленные подразделения и учреждения, которые составляют «единую централизованную систему с вертикальной структурой управления». Нормы частного права определяют статус СФР субсидиарно, поскольку иное не определено специальным законом; СФР не мо-

---

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2025 г. № 49-П.

[9] *Цико Я.* Закон об административных процедурах. Комментарий. Алматы : LEM, 2023. С. 69–72.

[10] Verwaltungsverfahrensgesetz. 25 Mai 1976 (15 Juli 2024). URl: https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/index.html (дата обращения: 22.01.2025).

[11] Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. № 350-VI (в ред. 01.01.2026). URL. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (дата обращения: 22.01.2026).

жет быть признан несостоятельным (банкротом)[12]. Все это уже свидетельствует о публично-правовом статусе СФР, его органов и учреждений. Отношения, связанные с пенсионным обеспечением, складываются в связи с реализацией публичной функции. Они не могут считаться частным делом гражданина и органа СФР. Согласно ч. 6 ст. 75 Конституции России система пенсионного обеспечения опирается на принципы «всеобщности, справедливости, солидарности поколений», а государство гарантирует ее «эффективное функционирование», и все это связано с базовым публично-правовым принципом социального государства[13]. Иными словами, пенсии в России выплачиваются не столько потому, что отдельное лицо заинтересовано в получении этих денежных средств, а потому, что государство приняло на себя определенные социальные обязанности, что обеспечивает социальную стабильность и связь поколений. Таким образом, и это очевидно, формулируется публичная цель, а право гражданина на получение пенсии может быть только субъективным публичным правом[14]. Б. В. Россинский верно отметил, что «…не будучи государственным органом, Фонд пенсионного и социального страхования РФ тем не менее реализует значительный объем государственно-управленческой деятельности» [3, с. 416].

Поскольку взаимодействие граждан с органами и учреждениями СФР выстраивается в публично-правовой плоскости, где действуют нормы материального публичного права, направленные на получение общезначимого результата, то наиболее подходящей формой судебной защиты права на получение пенсии является административное судопроизводство. Косвенно это подтверждается выводами, к которым пришел Президиум Верховного Суда Российской Федерации. В Обзор 2024 г.[15] о разрешении споров из пенсионных отношений включены решения, где использована аргументация, в большей степени соответствующая правосудию по административным делам, нежели гражданскому судопроизводству.

Так, в деле о непредоставлении пенсионных выплат в связи с тем, что заявитель не смогла подтвердить свое право и несколько раз получала отказ со ссылкой на формальные основания, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила: 1) пенсионные органы реализуют социальную политику государства в области государственного пенсионного обеспечения; 2) они обязаны защищать права граждан на пенсию, учитывать ее значение «для поддержания материальной обеспеченности и удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионеров»; 3) решение о назначении пенсии принимается пенсионным органом «на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех представленных гражданином и полученных самим

[12] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (ст. 1 и др.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. I). Ст. 5203.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2022 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей”, а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина П. М. Понеделкова» (п. 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 16. Ст. 2782.

[14] Конечно, являясь социальным государством, Россия проявляет заботу и об отдельных иностранных гражданах и лицах без гражданства.

[15] См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по пенсионным спорам (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г.). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33731/?ysclid=mo05c5mvcp704561554.

пенсионным органом документов»; 4) нижестоящие суды не учли, что заявитель была лишена права на получение пенсии по вине пенсионного органа; 5) суды не проверили, исполнял ли пенсионный орган требования административного регламента[16].

В решении проявились мотивы, характеризующие споры из публичных отношений. А по-другому споры такого рода и не могут быть разрешены. В судебной аргументации нет ничего подтверждающего частноправовой характер дела. Сторонами спорного правоотношения выступают пенсионный орган и гражданин, они не равны: гражданин зависит от органа, который принимает решение о начислении пенсии. Пенсионный орган преследует общезначимую цель (реализует социальную политику). Отношения между участниками спора регулируются нормами административного регламента. Более того, судебная аргументация полностью воспроизвела формулы, закрепленные в Постановлении Пленума Верховного Суда № 21 (2022 г.)[17]. Прежде всего о запрете чрезмерного формализма: «Законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм» (абз. 3, 4 п. 17). Судам нужно проверить исполнение органом обязанности «по полной и всесторонней оценке фактических обстоятельств», что обеспечивает принципы поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, а также пропорциональности. Важно соотнести решение органа и цель, для достижения которой ему были вручены задействованные им полномочия. Гражданская коллегия Верховного Суда Российской Федерации практически дословно повторила рецепты, выработанные для разрешения споров об спаривании решений, действий (бездействия) административных органов. Но эти выводы были сформулированы только в последней инстанции, три нижестоящих суда заняли сторону пенсионного органа. Их даже можно понять, так как дело рассматривалось по правилам ГПК РФ, где стороны процессуально равны и каждая доказывает собственные доводы. Гражданину для этого следовало приложить гораздо больше усилий, чем органу. Кстати, между подачей заявления в суд общей юрисдикции и вынесением определения в последней инстанции прошло более полутора лет. Если бы дело рассматривалось по КАС РФ, то для правильных выводов, подкрепленных аргументами п. 17 Постановления Пленума № 21, скорее всего, достаточно было и суда первой инстанции, поскольку нормы КАС РФ разработаны именно для разрешения споров такого рода.

Во втором примере субъектом, отстаивающим публичный интерес, являлось федеральное казенное учреждение «Федеральное управление автомобильных дорог “Сибирь” Федерального дорожного агентства» (ФКУ «Сибуправтодор»). В его статусе очевидно можно обнаружить все признаки административного органа в функциональном смысле. Учредителем ФКУ является орган государственной власти, оно создано в соответствии с приказом Росавтодора от 22 октября 1999 г. № 158; функционирует для выполнения трех задач: «…организации работ по строительству, реконструкции, ремонту и содержанию автомобильных дорог общего пользования федерального значения и искусственных сооружений на них; обеспечения мер по безопасности дорожного движения совместно со службами ГИБДД и МЧС; обеспечения сохранности подведомственных федеральных автодорог»; предоставляет государствен-

---

[16] См. также Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2023 г. № 39-КГ23-7-К1. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/cases/12-34392482#12-34392482.

[17] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума № 21) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 9.

ные услуги[18]. Задачи ФКУ совпадают с легальным определением дорожной деятельности, а ее осуществление – это одно из полномочий федеральных органов государственной власти. То есть согласно нормам Федерального закона № 257-ФЗ[19] ФКУ «Сибуправтодор» реализует публично-властную функцию. В приказе Росавтодора № 158 (п. 1–3) прямо указано, что ФКУ осуществляет функции органа государственной власти. Итак, действия и требования ФКУ в отношении компании, осуществляющей предпринимательскую деятельность рядом с федеральной трассой, связаны с реализацией публично-властной функции, преследуют общественно значимую цель и составляют предмет материального административного права.

Логично, что формой защиты публичного интереса, равно как и прав и интересов этой организации, должно быть административное судопроизводство, осуществляемое по нормам раздела III АПК РФ. Отстаивать публичный интерес, связанный с реализацией публично значимых функций, в общем порядке искового производства как минимум не логично и как максимум – не целесообразно. Процессуальные гарантии этих судебных производств (ГПК РФ, АПК РФ) не предназначены для разрешения споров, возникших в связи с деятельностью субъекта публичной власти. В этом случае невластный участник столкнется с известными трудностями в доказывании своей позиции, как, впрочем, и властному участнику будет сложно обосновывать публичный интерес, воплощение в жизнь которого покажется в ракурсе норм ГК РФ явной несправедливостью. Но ведь частноправовые принципы здесь и не должны работать, для этого вида правоотношений имеются иные, опирающиеся на положения Конституции России, принципы (законности, пропорциональности, защиты доверия, запрета чрезмерного формализма и другие) (см. Постановление Пленума № 21). Сейчас о них говорят как об общих принципах административного права [10, с. 617–629] (материального), и их обязаны учитывать суды, разрешая споры о решениях, действиях, бездействии административных органов. В противном случае искажается суть модели, обеспечивающей судебную защиту публичного интереса, прав и законных интересов граждан и их организаций в отношениях с субъектами публичной администрации. Именно на это обратили внимание авторы проекта КАС РФ: поскольку в административных и иных публичных правоотношениях отсутствует равенство субъектов, то необходимы «иные методология и процессуальный закон по рассмотрению и разрешению дел, возникающих из данных правоотношений»[20]. Получается, что разрешение споров из публичных правоотношений не по правилам КАС РФ и раздела III АПК РФ идет вразрез с целью, которую четко обозначил законодатель.

Все сказанное ранее относится и к искам о понуждении к исполнению актов, принятых административными органами. В приведенном в начале статьи примере речь идет о предписании органа, вынесенного по результатам контрольно-надзорного мероприятия. Бессмыс-

---

[18] Официальный сайт ФКУ «Сибуправтодор». URL: https://sib.rosavtodor.gov.ru/department/about-management/obinfo/ob-upravlenii-sib.

[19] Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 6 ст. 6, п. 10 ст. 11) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5553.

[20] Пояснительная записка к проекту Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, проектам федеральных законов «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/246960-6 (дата обращения: 25.01.2026).

ленно утверждать, что такой акт и отношения, возникшие после его вступления в силу, не являются административно-правовыми.

Заключение

Следует отметить, что в России сформирован относительно эффективный механизм судебной защиты субъективных публичных прав и законных интересов граждан и их организаций, а также обеспечения публичного интереса. Тем не менее становление административного правосудия заставляет обратить взгляд на отдельные проблемы, которые требуют доктринального и практического разрешения.

Во-первых, в процессе правоприменения следует опираться на общеизвестный в теории права тезис: процессуальное право следует за материальным правом. Это означает, что при квалификации споров в качестве административных нужно четко представлять отраслевой характер спорных правоотношений. Очевидно, что споры из публичных правоотношений следует разрешать по правилам КАС РФ и раздела III АПК РФ. Иное противоречило бы мысли законодателя, который пришел к выводу о необходимости самостоятельных процессуальных производств, ориентированных на споры из правоотношений, нацеленных на достижение публичного интереса, участники которых не равны, а один из них реализует публичную функцию.

Во-вторых, споры из публичных правоотношений, разрешенные без учета положений КАС РФ и раздела III АПК РФ, заставляют суды или переходить на язык административного судопроизводства (что подменяет конституционную идею о видах судопроизводства), или рассматривать дело, оставаясь в частноправовых лекалах. В таких условиях невластный участник спорного правоотношения заведомо оказывается в менее выгодном положении, поскольку он не может воспользоваться правовым инструментарием, разработанным для разрешения споров с органами публичной администрации. Представляется, что публичный интерес в таком случае также может пострадать, поскольку частноправовые средства не предназначены для его отстаивания, и решение, вынесенное в гражданском процессе с учетом властной позиции органа, вызовет разумное недоумение у любого цивилиста.

В-третьих, организации, которые реализуют публичные функции и преследуют общезначимые цели, – это властные субъекты административных правоотношений. Для удобства их лучше именовать административными органами, а в судебном процессе по административным делам они должны занимать место властного субъекта. В этом случае споры с участием, к примеру, федеральных управлений автомобильных дорог, связанные с исполнением обязанностей по осуществлению дорожной деятельности, т. е. законодательно признанной функции государственного органа, следует разрешать по правилам, установленным для разрешения административных споров в арбитражных судах.

Список источников

1. Козлов Ю. М. Административные правоотношения. М. : Юрид. лит., 1976. 184 с.

2. Подмаркова А. Ф. Юридические лица публичного права: предпосылки и принципы закрепления в российском законодательстве (обзор материалов научного семинара кафедры предпринимательского права НИУ ВШЭ) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 4. С. 182–188.

3. Россинский Б. В. Развитие системы государственного управления: воспоминания и размышления административиста : моногр. М. : Норма, 2025. 530 с.

4. Стахов А. И., Порываев С. А. Административные споры как неотъемлемый элемент современной правовой системы Российской Федерации // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 261–276.

5. Тихомиров Ю. А. Динамика компетенций публичных органов в нормальных и критических ситуациях // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 3. С. 5–16.

6. Елистратов А. И. Основные начала административного права. М. : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. 294 с.

7. Евтихиев А. Ф. Основы советского административного права. Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 332 с.

8. Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. М. : Изд-во МГУ, 1967. 160 с.

9. Стахов А. И. Административное право России с позиции функционального подхода как самостоятельная отрасль права и ключевая учебная дисциплина // Административное право и процесс. 2025. № 5. С. 8–17.

10. Васильева А. Ф. Кодификация общих принципов административного права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 3. С. 617–635.

References

1. Kozlov Yu. M. *Administrative legal relations.* Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1976. 184 p. (In Russ.)

2. Podmarkova A. F. Legal persons of public law – prerequisites and principles of entrenching the concept in Russian law (review of the scientific workshop held by the nruhsedepartment of entrepre-neuriallaw). *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2011;(4):182-188. (In Russ.)

3. Rossinsky B. V. *Development of the public administration system: memories and reflections of an administrative specialist*. Monograph. Moscow: Norma; 2025. 530 p. (In Russ.)

4. Stakhov A. I., Porivaev S. A. Administrative disputes as an integral element of contemporary Russian legal system. *Law Enforcement Review*. 2022;6(4):261-276. (In Russ.)

5. Tikhomirov Yu. A. Dynamics of the competence of public authorities in normal and critical situations. *Journal of Russian Law*. 2021;25(3):5-16. (In Russ.)

6. Elistratov A. I. *Basic principles of administrative law*. Moscow: G. A. Lehman and S. I. Sakharov; 1917. 294 p. (In Russ.)

7. Evtikhiev A. F. *Fundamentals of Soviet administrative law*. Kharkov: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR; 1925. 332 p. (In Russ.)

8. Kozlov Yu. M. *The subject of soviet administrative law*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1967. 160 p. (In Russ.)

9. Stakhov A. I. Administrative law of Russia from the perspective of the functional approach as an independent branch of law and a key academic discipline. *Administrative Law and Procedure.* 2025;(5):8-17. (In Russ.)

10. Vasilyeva A. F. Codification of general principles of administrative law. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2024;15(3):617-635. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Н. Шерстобоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права.

Information about the author

O. N. Sherstoboev – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Administrative and Financial Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 33–44
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 33–44
УДК 347.921.6 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.33-44

Научная статья

Применение института освобождения от уплаты государственной пошлины в арбитражном процессе

Лариса Николаевна Павлова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, lornikpavlova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7390-9894

Аннотация. В связи со значительным увеличением размеров госпошлины при обращении в суды возросла актуальность исследования вопросов предоставления судами отсрочки (рассрочки) ее уплаты, освобождения от уплаты, уменьшения ее размера. Особый интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения представляет институт освобождения от уплаты госпошлины в арбитражном процессе, поскольку с момента наделения данным полномочием арбитражных судов (29 декабря 2012 г.) вплоть до появления по нему первых разъяснений Верховного Суда Российской Федерации (29 мая 2024 г.) оно фактически не применялось.

Автор отмечает, что в АПК РФ нет ни единого упоминания о возможности заинтересованного лица подать ходатайство об освобождении от уплаты госпошлины в связи с имущественным положением и соответствующем праве суда. Аргументируется вывод об устранении данного пробела. Констатируется, что арбитражные суды часто отождествляют указанное освобождение с установленными законодательством льготами по уплате госпошлины, что приводит к негативным последствиям. Обосновывается вывод, что данные правовые явления необходимо разделять, формулируются их понятия.

На основе анализа судебной практики приводятся случаи положительного решения вопроса об освобождении от уплаты госпошлины, выявляется, что основные причины отказа арбитражных судов в удовлетворении таких ходатайств – недостаточность представленных документов, характеризующих имущественное состояние заявителя, и их неактуальность. Делается вывод, что суд вправе освободить от уплаты госпошлины только тогда, когда применение отсрочки, рассрочки, уменьшения размера будет недостаточным для обеспечения доступа к правосудию. Формулируется общая характеристика имущественного положения, позволяющего суду применить рассматриваемый институт.

Методологическую основу статьи составили общенаучные (анализ, синтез, аналогия, описание, системный) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы исследования.

Ключевые слова: арбитражный процесс, государственная пошлина, льготы по уплате государственной пошлины, освобождение от уплаты государственной пошлины, имущественное положение заявителя, ходатайство об освобождении от уплаты госпошлины

Для цитирования: Павлова Л. Н. Применение института освобождения от уплаты государственной пошлины в арбитражном процессе // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 33–44. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.33-44.

© Павлова Л. Н., 2026

Original article

The Application of the Institution of Exemption From Payment of State Fees in the Arbitration Process

Larisa N. Pavlova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, lornikpavlova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7390-9894

Abstract. Due to the significant increase in the amount of state duty when applying to the courts, the urgency of studying the issues of granting deferral (installment) by the courts for its payment, exemption from payment, and reduction of its amount has increased. Of particular interest, both from a theoretical and practical point of view, is the institution of exemption from payment of state duty in the arbitration process, since from the moment this authority was granted to arbitration courts (12/29/2012) until the first clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation (05/29/2024), it was not actually applied.

The author notes that in the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation there is not a single mention of the possibility of an interested person to file a petition for exemption from payment of state duty in connection with the property status and the corresponding right of the court, the conclusion is argued that this gap should be eliminated. It is stated that arbitration courts often identify this exemption with the benefits of paying state duty established by law, which leads to negative consequences. The conclusion is substantiated that these legal phenomena must be separated, and their concepts are formulated.

Based on the analysis of judicial practice, cases of a positive decision on exemption from payment of state duty are presented, and it is revealed that the main reasons for the refusal of arbitration courts to satisfy such petitions are the insufficiency of submitted documents characterizing the applicant's property status and their irrelevance. It is concluded that the court has the right to exempt from payment of state duty only when the application of deferral, installment, reduction of the amount will be insufficient to ensure access to justice. A general characteristic of the property status is formulated, which allows the court to apply the institution in question.

The methodological basis of the article consists of general scientific (analysis, synthesis, analogy, description, systematic) and private scientific research methods (comparative law, formal law).

Keywords: arbitration proceedings, state duty, benefits for the payment of state duty, exemption from payment of state duty, the applicant's property status, application for exemption from payment of state duty

For citation: Pavlova L. N. The application of the institution of exemption from payment of state fees in the arbitration process. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):33-44. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.33-44.

Чтобы обратиться в арбитражный суд, заявитель обязан уплатить государственную пошлину. Закон требует к подаваемому исковому заявлению (заявлению, жалобе) приложить документ, подтверждающий соблюдение данного условия либо право на льготу по ее уплате (ч. 6 ст. 92, п. 2 ч. 1 ст. 126, п. 2 ч. 4 ст. 260, ч. 4 ст. 229.3 АПК РФ и др.). В противном случае обращение будет оставлено без движения и в дальнейшем возвращено (ст. 128 АПК РФ и др.), а заявление о выдаче судебного приказа сразу подлежит возврату взыскателю (ст. 229.4 АПК РФ).

В соответствии со ст. 105 АПК РФ льготы по уплате государственной пошлины устанавливаются законодательством о налогах и сборах, а именно ст. 333.35 и 333.37 НК РФ. Список льготников в арбитражном процессе немногочислен: прокуроры; госорганы; органы местного самоуправления; органы, обращающиеся в защиту государственных, общественных интересов; истцы по искам, связанным с нарушением прав и законных интересов ребенка; авторы результата интеллектуальной деятельности по искам о принудительной лицензии; общественные организации инвалидов; истцы – инвалиды I и II группы по требованиям не более 1 млн руб.; физические лица – Герои СССР, Российской Федерации, полные кавалеры ордена Славы; ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны; бывшие узники и военнопленные во время Великой Отечественной войны.

В результате изменений, внесенных в налоговое законодательство Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ[1] и вступивших в силу с 8 сентября 2024 г., в приведенный перечень включены еще две категории субъектов: физические лица, в отношении которых введена одна из процедур банкротства, – по обособленным спорам, связанным с освобождением от обязательств перед кредиторами, формированием конкурсной массы и реестра требований кредиторов; кредиторы по требованиям о включении в реестр требований кредиторов, которые подтверждены вступившими в законную силу судебными актами.

Не требуется уплачивать госпошлину при подаче заявлений об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий (бездействия) и решений административных органов о привлечении к административной ответственности (ч. 2 ст. 329, ч. 4 ст. 208 АПК РФ).

Следует заметить, что установление льгот по уплате госпошлины процессуальным законодательством противоречит положению ст. 105 АПК РФ, соответствующие нормы должны быть исключены из АПК РФ и воспроизведены в ст. 333.37 НК РФ.

Таким образом, можно вывести следующую дефиницию: *льгота по уплате государственной пошлины* – предоставленное законодательством о налогах и сборах отдельным категориям плательщиков право полностью либо частично (в меньшем размере или в определенных случаях) не уплачивать установленную госпошлину.

В то же время нельзя исключить ситуации, когда у лиц, заинтересованных в обращении в суд и не имеющих льготы, в силу материального положения будет отсутствовать возможность оплатить госпошлину. Это обстоятельство не должно быть преградой в осуществлении ими права на судебную защиту, гарантированного Конституцией Российской Федерации[2]. Разрешать такие ситуации, гарантировать соблюдение провозглашенного принципа доступности правосудия уполномочены суды. Так, согласно п. 2 ст. 333.22 НК РФ арбитражные суды, исходя из имущественного положения плательщика, вправе освободить его от уплаты госпошлины, уменьшить ее размер, а также отсрочить (рассрочить) ее уплату.

Чтобы воспользоваться указанной возможностью, заинтересованное лицо должно подать соответствующее письменное ходатайство, причем не заранее, а одновременно с обращением в арбитражный суд за совершением юридически значимого действия, за которое требуется уплатить госпошлину, в противном случае ходатайство не подлежит рассмотрению арбитражным судом[3]. Отметим, что ранее (до 19 ноября 2024 г.) арбитражным судам предписывалось возвращать такие просьбы, поданные до обращения с исковым заявлением (заявлением, жалобой)[4].

Вместе с тем не исключается возможность заявить указанные ходатайства в процессе рассмотрения дела (жалобы) по существу в случае, если ранее судом была предоставлена отсрочка уплаты соответствующей госпошлины. Ходатайства, поданные после вступления в законную силу судебного акта, которым взыскана с заявителя в доход федерального бюджета неуплаченная госпошлина, удовлетворению не подлежат[5].

---

[1] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Российская газета. 2024. 14 авг.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2006 г. № 274-О. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2024 г. (далее – Обзор ВС РФ от 27.11.2024) (вопр. 1).

[4] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 марта 1997 г. № 6 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства Российской Федерации о государственной пошлине» (абз. 1 п. 4) (далее – Постановление ВАС РФ № 6); утратило силу.

[5] Постановление АС Московского округа от 19 февраля 2024 г. по делу № А41-24281/2022 и др.

Суд может освободить от уплаты госпошлины, уменьшить ее размер, предоставить отсрочку (рассрочку) ее уплаты только до момента ее фактической уплаты, поскольку после зачисления в федеральный бюджет уплаченные денежные средства становятся судебными расходами, распределение которых производится по правилам ст. 110, 111 АПК РФ. Освобождение от уплаты уже уплаченной госпошлины, по сути, будет иметь целью возврат госпошлины из федерального бюджета, что законодателем не предусмотрено[6]. Суд, взыскивая со стороны уплаченную другой стороной госпошлину, возлагает на нее обязанность уже не по уплате госпошлины в бюджет, а по возмещению стороне денежных средств, затраченных ею для судебной защиты[7].

Право судов общей юрисдикции и арбитражных судов освобождать от уплаты госпошлины на основании имущественного положения заявителя было закреплено в п. 2 ст. 333.20 и п. 2 ст. 333.22 НК РФ в результате дополнений, внесенных Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 205-ФЗ[8] и вступивших в силу с 29 декабря 2012 г.

До указанной даты глава 25.3 НК РФ «Государственная пошлина», применяемая с 1 января 2005 г., не предоставляла такого права судам, о чем имелось и соответствующее разъяснение Верховного Суда Российской Федерации 2005 г.[9] Такой пробел, правда, только в отношении судов общей юрисдикции, оценивался Конституционным Судом России негативно[10].

Ретроспективно отметим, что действовавший ранее Закон Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. № 2005-1 «О государственной пошлине» предоставлял право в силу имущественного положения освободить от уплаты госпошлины гражданина при обращении в суд общей юрисдикции, а арбитражные суды таким полномочием не наделялись (п. 2, 3 ст. 5). Последнее обстоятельство стало причиной оспаривания конституционности ч. 2 п. 3 ст. 5 указанного Закона. Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел оснований к проверке, сославшись на правомерность различного правового регулирования данного вопроса, исходя из особенностей видов судопроизводства, обусловленных неидентичностью состава субъектов: в гражданском судопроизводстве – граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя, в арбитражном – граждане-предприниматели и организации[11].

Данное мнение поддерживалось в юридической литературе. К примеру, В. С. Анохин отметил, что для предпринимателей правосудие не должно быть бесплатным [1, с. 106].

Однако с тех пор, как были высказана приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, субъектный состав арбитражного судопроизводства значительно расширился за счет участия граждан, не обладающих статусом индивидуальных предпри-

---

[6] Постановление АС Западно-Сибирского округа от 6 ноября 2024 г. по делу № А45-29433/2021 и др.

[7] Постановления АС Волго-Вятского округа от 15 марта 2024 г. по делу № А82-11654/2023, АС Поволжского округа от 7 декабря 2023 г. по делу № А57-9106/2023, Второго ААС от 4 апреля 2024 г. делу № А28-12535/2023 и др.

[8] Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6750.

[9] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2005 г. (утв. постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4, 11 и 18 мая 2005 г.) (вопр. 9) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 10.

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2006 г. № 274-О «По жалобам граждан Ахалбедашвили Мамуки Гурамовича и Молдованова Константина Викторовича на нарушение их конституционных прав подпунктом 10 пункта 1 статьи 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации».

[11] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2002 г. № 70-О «По жалобе гражданки Крутиковой Ольги Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью второй пункта 3 статьи 5 Закона Российской Федерации “О государственной пошлине”».

нимателей, в частности, в арбитражном процессе они участвуют по корпоративным спорам, по делам о несостоятельности (банкротстве), по делам, отнесенным к подсудности Суда по интеллектуальным правам, и др. Данное обстоятельство, по нашему мнению, и явилось для законодателя основанием предоставить право освобождать от уплаты госпошлины, исходя из имущественного положения, не только судам общей юрисдикции, но и арбитражным судам, при этом не исключив возможность его применения в отношении юридических лиц.

Несмотря на то что указанное правомочие у арбитражных судов появилось с 29 декабря 2012 г., до настоящего времени дополнения, ему корреспондирующие, в АПК РФ не внесены: ни в главе о судебных расходах, ни в других статьях, в частности в п. 2 ч. 1 ст. 126, п. 2 ч. 4 ст. 260, не содержится указаний на возможность заинтересованного лица подать соответствующее ходатайство.

Такая законодательная недоработка создает у некоторых арбитражных судов мнение, что лицо, не освобожденное от уплаты госпошлины в силу закона, т. е. не имеющее льготу, может рассчитывать только на ее уменьшение, отсрочку (рассрочку). Исходя из этого, суды инициативно расценивают просьбу освободить от уплаты госпошлины как ходатайство об уменьшении ее размера либо отсрочке[12], что не основано на законе и, на наш взгляд, является недопустимым, поскольку противоречит волеизъявлению заявителя. При таких обстоятельствах в предоставлении отсрочки уплаты госпошлины некоторым образом усматривается понуждение к оплате данного денежного сбора, тогда как заявитель был волен повременить с обращением в суд, попытавшись урегулировать возникший спор в досудебном, примирительном порядке.

Кроме того, основания для возвращения поданных обращений должны быть дополнены отклонением ходатайства об освобождении от уплаты госпошлины (абз. 9 ч. 1 ст. 129, п. 3 ч. 1 ст. 229.4, абз. 8 ч. 1 ст. 264, абз. 8 ч. 1 ст. 281 АПК РФ). Иначе получается, что по действующему процессуальному законодательству арбитражный суд не имеет права, отклонив указанное ходатайство, возвратить поданное обращение, а вынужден, как это подтверждает судебная практика[13], оставлять его без движения, предлагая заявителю оплатить госпошлину либо ходатайствовать об отсрочке (рассрочке) уплаты, уменьшении ее размера. В итоге подается такое ходатайство, обоснованное ранее представленными документами. Исключением является заявление о выдаче судебного приказа, да и то лишь потому, что возврат в рассматриваемом случае санкционирован соответствующими разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации[14].

Поскольку право освобождать плательщика от уплаты госпошлины появилось у арбитражных судов лишь с 29 декабря 2012 г., то разъяснения по нему не могли найти отражения в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 марта 1997 г. № 6 по вопросам госпошлины, которое действовало до его отмены 19 ноября 2024 г. В указанном Постановлении термин «освобождение от уплаты госпошлины» употреблялся применительно только к институту устанавливаемых законодательством льгот по уплате госпошлины[15]. И это обстоятельство не всегда принималось во внимание арбитражными судами.

---

[12] См. постановления Двадцать первого ААС от 14 июня 2022 г. по делу № А83-18101/2021, Двадцатого ААС от 13 сентября 2021 г. по делу № А68-1223/2021, АС Волго-Вятского округа от 3 августа 2017 г. по делу № А38-11572/2016, от 6 июля 2017 г. по делу № А28-12801/2016 и др.

[13] Постановления АС Северо-Кавказского округа от 18 марта 2016 г. по делу № А63-9801/2015, от 1 октября 2015 г. по делу № А32-23449/2014, от 16 марта 2015 г. по делу № А22-2909/2014, АС Дальневосточного округа от 10 февраля 2014 г. по делу № А51-17774/2013 и др.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» (абз. 3 п. 17).

[15] Пункт 2 Постановления ВАС РФ № 6.

Некоторые арбитражные суды полностью отождествляют освобождение от уплаты госпошлины судом с установленными законом льготами[16], считая, что суд либо признает заявителя освобожденным в силу закона, либо не признает[17], и мотивируя отказ в удовлетворении соответствующего ходатайства, обоснованного имущественным положением, отсутствием у заявителя льгот, предусмотренных Налоговым кодексом[18].

Очевидно, что такая ошибка влечет незаконность отказа в удовлетворении названного ходатайства.

Так, в одном из дел кассационная инстанция подобную ситуацию расценила как применение нормы, не подлежащей применению к соответствующей просьбе заявителя, обоснованной не наличием льгот, а имущественным положением, и пришла к выводам, что нижестоящий суд фактически не рассмотрел поданное ходатайство, а следовательно, определение о возвращении жалобы является незаконным[19].

В процессуальной доктрине принято в понятие «льгота» включать все случаи отступления от общего правового регулирования процессуальных отношений: право выбора подсудности, льготы по доказыванию (правовые презумпции), льготы по судебным расходам и др. Исключения из общих процессуальных правил в виде предоставляемых преимуществ именуются процессуальными льготами

Так, Т. Н. Нешатаева к институту процессуальных льгот относит изменение режима уплаты госпошлины, т. е. предоставление отсрочки и рассрочки ее уплаты [2, с. 60].

В. В. Ярков и И. Н. Тарасов любое освобождение от уплаты госпошлины именуют льготами, разделяя их на льготы, предоставляемые в силу федерального закона и по усмотрению арбитражного суда[20].

Г. Л. Осокина различала четыре вида льгот по судебным расходам, в том числе по госпошлине, – отсрочку, рассрочку, уменьшение размера, освобождение и выделяла в качестве оснований последнего прямое указание закона и усмотрение суда[21]. Аналогичной по существу точки зрения придерживаются и другие ученые [3, с. 154].

Приведенные мнения безусловно оправданны с позиций дефиниции «процессуальная льгота», лексического значения слова «льгота»[22] и отнесения ранее действовавшим Законом

---

[16] Определение АС Северо-Западного округа от 25 февраля 2020 г. по делу № А56-94774/2019, постановления АС Поволжского округа от 7 мая 2018 г. по делу № А49-11578/2017, от 18 апреля 2017 г. по делу № А06-6490/2016, постановление АС Северо-Кавказского округа от 25 марта 2016 г. по делу № А63-9803/2013, определение ФАС Северо-Кавказского округа от 30 мая 2014 г. по делу № А53-14834/2011 и др.

[17] Определение АС Краснодарского края от 10 декабря 2024 г. по делу № А32-70360/2024.

[18] Определение СИП от 16 января 2019 г. № С01-128/2018 по делу № А72-7169/2017, постановления Двадцать первого ААС от 14 июня 2022 г. по делу № А83-18101/2021, Тринадцатого ААС от 29 мая 2023 г. по делу № А56-34039/2020 и др.

[19] Постановление АС Уральского округа от 7 сентября 2017 г. по делу № А60-3554/2017.

[20] Арбитражный процесс : учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2010. С. 221 (авт. гл. – В. В. Ярков); Арбитражный процесс : учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. С. 237 (авт. гл. 6 – И. Н. Тарасов, В. В. Ярков); Арбитражный процесс : учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. С. 236 (авт. гл. 6 – И. Н. Тарасов).

[21] *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. С. 346.

[22] Льгота – преимущественное право, облегчение, предоставляемое кому-нибудь как исключение из общих правил (*Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1993. С. 343); льгота – полное или частичное освобождение от соблюдения установленных законом об-

о государственной пошлине к льготам освобождения от уплаты госпошлины как в силу закона, так и судом, а также предоставления последним отсрочки (рассрочки) уплаты и уменьшения размера госпошлины (ст. 5).

Между тем, по нашему мнению, в настоящее время необходимо разграничивать институт льгот по уплате госпошлины и институт освобождения от ее уплаты судом, поскольку данные правовые явления в их узком понимании не тождественны, хотя их правовой результат одинаково выражается в освобождении от обязанности уплатить госпошлину.

Указанная необходимость диктуется не только действующим законодательным регулированием данных институтов и предотвращением отмеченных ошибок в правоприменении, оказывающих негативное влияние на доступ к правосудию, но и их правовой сущностью.

Налоговый кодекс Российской Федерации льготами именует только случаи освобождения от госпошлины, предусмотренные в самом Кодексе, а право судов освободить плательщика от установленной законом обязанности предусматривает в других статьях, определяющих особенности уплаты госпошлины при обращении в суд. Следовательно, к льготам (в их узком понимании) не следует относить случаи освобождения судом заявителя от уплаты госпошлины, когда его имущественное положение не позволяет выполнить эту обязанность.

Сходной точки зрения придерживается, к примеру, О. А. Рузакова, указывая, что льготы по уплате госпошлины устанавливает НК РФ, а освобождение от уплаты госпошлины она рассматривает как правомочие судов[23].

Разграничение указанных правовых явлений проводит Н. С. Бочарова: «Процессуальное и налоговое законодательство дифференцирует различные случаи распределения и возмещения судебных расходов, устанавливая льготы, рассрочки или освобождая от соответствующей обязанности»; «льготы определяются категорией дела, совершаемым юридически значимым действием и статусом лица»[24].

Помимо указанного формального основания главным сущностным обоснованием высказанного мнения служат понятие льгот по налогам и сборам и правило их установления, закрепленные в п. 1 ст. 56 НК РФ: льготами признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере; соответствующие нормы не могут носить индивидуального характера.

Право суда освободить от уплаты госпошлины в силу имущественного положения заявителя, во-первых, установлено не в отношении какой-то определенной категории плательщиков и, во-вторых, носит индивидуальный характер. Рассматриваемые правовые явления – льгота и освобождение от уплаты госпошлины – различаются: по правовой регламентации (регулируются различными (отдельными) нормами); по субъекту, принявшему решение об освобождении; по основанию предоставления; по основанию освобождения от данной обязанности; по субъекту, в отношении которого применяется; по сроку действия.

Так, институт льгот регулируется положениями ст. 333.35, 333.37 НК РФ и другими правовыми нормами (к примеру, ч. 4 ст. 208 и ч. 2 ст. 329 АПК РФ); льгота всегда устанавли-

---

щих правил, выполнения каких-либо обязанностей (Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Электронная версия : Фундаментальная электронная библиотека. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/12/ma220702.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 06.02.2025).

[23] Гражданское процессуальное право : учеб. : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб и доп. М. : Статут, 2022. С. 233 (авт. гл. 10 – О. А. Рузакова).

[24] Гражданский процесс : учеб. / под ред. М. К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 221, 226 (авт. гл. 13 – Н. С. Бочарова).

вается законодателем в нормативном правовом акте; ее предоставление не требует подачи для рассмотрения ходатайства и не зависит от волеизъявления суда, достаточным является предоставление документа, подтверждающего право на льготу (статус субъекта); основание освобождения от уплаты госпошлины – норма НК РФ; применение льготы никак не связано с оценкой имущественного положения лица, имеющего право на льготу; льгота предоставляется неопределенному кругу лиц, которые подпадают под ее действие (имеют названный в законе статус, относятся к льготной категории лиц); льгота применяется неоднократно.

Институт освобождения от уплаты госпошлины регламентирован п. 2 ст. 333.22 НК РФ; соответствующее решение принимает суд, вынося индивидуальный правоприменительный судебный акт; основанием для рассмотрения данного вопроса обязательно является письменное ходатайство заинтересованного лица; основание для освобождения – имущественное положение заявителя, не позволяющее выполнить данную обязанность; это освобождение персонально, т. е. касается конкретно поименного лица, является однократным, распространяется только на госпошлину за совершение определенного юридически значимого действия и не влечет возникновение права не уплачивать госпошлину за другое процессуальное действие или за то же действие, совершенное повторно, в другой момент времени.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, освобождение от госпошлины в суде первой инстанции не распространяется на обращения в вышестоящие инстанции, заинтересованному лицу необходимо подавать новое ходатайство об освобождении[25].

Предлагается следующее определение: *освобождение от уплаты госпошлины судом* – полномочие суда по предоставлению плательщику права не уплачивать, исходя из его имущественного положения, госпошлину, установленную для конкретного обращения в суд.

Законодатель какой-либо характеристики указанному положению не дает. Однако вполне очевидно, что должно иметь место такое имущественное (материальное) положение заинтересованного лица, которое не позволяет ему выполнить данную обязанность. Суды характеризуют его как тяжелое, сложное, неудовлетворительное, затруднительное[26].

Верховный Суд, как ранее и Высший Арбитражный Суд[27], в своих разъяснениях указывает на то, что заявитель в ходатайстве должен привести мотивированное обоснование соответствующей просьбы и подтвердить свое имущественное положение документами[28].

В сравнении с ранее действовавшим Постановлением ВАС РФ список документов, содержащих сведения об имущественном положении заявителя, приведенный Верховным Судом, является более расширенным. Помимо подтвержденного налоговым органом перечня счетов заявителя в кредитных организациях, данных об отсутствии на счетах средств и общей сумме задолженности владельца счета по исполнительным и платежным документам, в него включены: подтвержденные данные о ежемесячном обороте средств по счетам за три месяца, предшествующих подаче ходатайства; аналогичные сведения по остатку средств и обороту по счету цифрового рубля (при наличии такого); подтвержденные сведения о заработной плате, пенсии и об иных доходах заявителя – физического лица[29].

Как и ранее, исходя из смысла контекста данных Верховным Судом пояснений, этот перечень не является исчерпывающим (закрытым), но представление указанных в нем документов является обязательным минимумом для оценки имущественного состояния заявителя.

---

[25] Обзор ВС РФ от 27.11.2024 (вопр. 4).

[26] Определения Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 53-КГ16-2, от 30 апреля 2020 г. № 307-ЭС20-4719 по делу № А56-106103/2019, постановление АС Северо-Западного округа от 9 июля 2019 г. по делу № А6-28970/2019 и др.

[27] Пункт 4 Постановления ВАС РФ № 6.

[28] Обзор ВС РФ от 27.11.2024 (вопр. 1).

[29] Обзор ВС РФ от 27.11.2024 (вопр. 1).

Поэтому сохраняет свою актуальность позиция, согласно которой при отсутствии перечисленных документов в удовлетворении ходатайства должно быть отказано[30].

Дополнительно заявитель может представить и иные доказательства в обоснование невозможности уплаты госпошлины: юридическое лицо и предприниматель – сведения о доходах, об обороте средств, о финансовых результатах деятельности за отчетный период, предшествующий обращению в суд; физическое лицо – сведения о составе семьи, наличии иждивенцев, о доходах совместно проживающих членов семьи с расчетом средней суммы, приходящейся на каждого[31]; документы, подтверждающие статус безработного[32].

Как разъясняет Верховный Суд, при оценке имущественного положения суд должен установить объективную невозможность уплаты госпошлины в требуемом размере, учитывая при этом, с одной стороны, необходимость обеспечения доступа к правосудию, а с другой, то, что госпошлина выполняет предупреждающую функцию и содействует развитию примирительных процедур.

Со стороны Верховного Суда указаний относительно случаев, когда арбитражный суд может освободить лицо от уплаты госпошлины, практически не имеется, за исключением одного, приведенного в Обзоре от 29 мая 2024 г. Оно касается граждан-банкротов, инициирующих обособленные споры, а также заявителей по иным социально значимым категориям споров, например, связанным с защитой прав работников должника, прав участников долевого строительства при банкротстве застройщиков, прав вкладчиков кредитных организаций[33]. В практике уже имеются примеры таких освобождений[34].

Нетрудно заметить, что эти случаи освобождения от уплаты госпошлины исходят не из имущественного положения заявителей, а из социальной значимости споров. Такая причина (основание) освобождения от уплаты госпошлины характерна для льгот, устанавливаемых законодателем, что и проявилось в дальнейшем во включении в список льготников граждан-банкротов по обособленным спорам.

В других же случаях, не подпадающих под указанную льготу, как отмечает Верховный Суд, гражданин, а также юридические лица, признанные банкротами, не освобождаются от необходимости доказывать невозможность уплаты госпошлины в силу своего имущественного положения, поскольку само по себе банкротство не рассматривается законодателем как основание для освобождения от уплаты госпошлины[35]. Данная правовая позиция явилась закреплением выработанных судебной практикой подходов: факт признания физического лица банкротом не освобождает от обязанности доказать, что его имущественное положение не позволяет уплатить госпошлину[36], указанный факт не является безусловным доказательством отсутствия денежных средств, достаточных для уплаты госпошлины[37].

Случаи удовлетворения арбитражными судами ходатайства заинтересованных лиц об освобождении от уплаты госпошлины – весьма редкое явление и в большинстве своем имеют место в отношении физических лиц.

---

30 Постановление ВАС РФ № 6 (абз. 7 п. 4).

31 Обзор ВС РФ от 27.11.2024 (вопр. 1).

32 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 53-КГ16-2.

33 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.) (абз. 12 вопр. 2) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 7.

34 Постановление АС Северо-Кавказского округа от 26 сентября 2024 г. по делу № А32-52667/2018.

35 Обзор ВС РФ от 27.11.2024 (вопр. 1).

36 Постановление АС Северо-Западного округа от 22 февраля 2023 г. по делу № А56-78748/2015 и др.

37 Постановление АС Северо-Западного округа от 10 августа 2023 г. по делу № А56-7934/2023 и др.

Так, суд округа освободил ответчика – физическое лицо (единственного участника и ликвидатора общества) от уплаты госпошлины за подачу кассационной жалобы, ходатайство которого обосновывалось справками об инвалидности 2 группы и отсутствии денежных средств на имеющихся счетах [38].

Примеры в отношении юридических лиц: освобождалось от уплаты госпошлины федеральное казенное учреждение (исправительная колония ФСИН) на основании представленных им документов[39]; удовлетворялось соответствующее ходатайство конкурсного управляющего гаражного кооператива[40].

Характерно, что лица, ходатайствующие об освобождении от уплаты госпошлины, в качестве альтернативы одновременно заявляют ходатайство об отсрочке (рассрочке) уплаты госпошлины либо уменьшении ее размера[41].

Имели место случаи, когда арбитражные суды и без наличия подобных альтернативных просьб, т. е. без соответствующих ходатайств, отказывали в освобождении, но уменьшали размер госпошлины, подлежащей уплате[42].

На наш взгляд, такая инициатива недопустима, поскольку не имеет под собой правовых оснований и противоречит волеизъявлению заявителя.

Основной причиной отказа в освобождении от уплаты госпошлины является недостаточность представленных документов для вывода о таком имущественном положении заявителя, которое позволило бы удовлетворить соответствующее ходатайство. При этом анализ судебных актов позволяет констатировать, что заявители не представляют арбитражному суду даже тот минимум сведений, на основании которых в силу разъяснений вышестоящей инстанции суд должен устанавливать объективную невозможность уплаты госпошлины[43]. Так, к примеру, нельзя сделать указанный вывод лишь по распечатке из сети «Интернет» о возбужденных в отношении заявителя исполнительных производствах и копии постановления судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на денежные средства должника без сведений о состоянии его банковских счетов, доказательств наложения ареста на имущество заявителя[44].

Как свидетельствует судебная практика, недостаточным является представление только документов, подтверждающих признание заявителя банкротом[45], наличие у него статуса пен-

---

[38] Постановление АС Уральского округа от 4 марта 2019 г. по делу № А47-10514/2017.

[39] Постановление АС Уральского округа от 16 августа 2016 г. по делу № А76-27282/2015.

[40] Постановление АС Северо-Кавказского округа от 29 августа 2024 г. по делу № А53-26904/2023.

[41] См., например, определение СИП от 16 января 2019 г. № С01-128/2018 по делу № А72-7169/2017, постановления АС Северо-Западного округа от 14 августа 2023 г. по делу № А56-5293/2023, от 22 февраля 2023 г. по делу № А56-78748/2015, от 19 февраля 2020 г. по делу № А56-106103/2019, АС Поволжского округа от 29 июня 2021 г. по делу № А55-4150/2018, от 7 мая 2018 г. по делу № А49-11578/2017, Пятнадцатого ААС от 11 июля 2023 г. по делу № А32-28019/023 и др.

[42] Постановления АС Поволжского округа от 18 апреля 2017 г. по делу № А06-6490/2016, Восьмого ААС от 16 февраля 2022 г. по делу № А46-10892/2021 и др.

[43] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 302-ЭС23-13003 по делу № А19-23452/2022, постановления СИП от 11 марта 2019 г. № С01-224/2019 по делу № А59-4347/2018, АС Северо-Западного округа от 10 августа 2023 г. по делу № А56-7934/2023, от 28 июня 2023 г. по делу № А56-107952/2020, от 22 февраля 2023 г. по делу № А56-78748/2015, от 19 февраля 2020 г. по делу № А56-106103/2019, АС Поволжского округа от 7 мая 2018 г. по делу № А49-11578/2017, Второго ААС от 11 ноября 2022 г. по делу № А82-3783/2022, Десятого ААС от 22 января 2020 г. по делу № А41-56064/2019, Тринадцатого ААС от 12 декабря 2019 г. по делу № А56-106103/2019 и др.

[44] Определение СИП от 21 августа 2023 г. № С01-1480/2023 по делу № СИП-1041/2022.

[45] Постановление АС Северо-Западного округа от 10 августа 2023 г. по делу № А56-7934/2023, поддержанное определением Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2023 г. № 307-ЭС23-21096, постановление Тринадцатого ААС от 3 мая 2023 г. по делу № А56-7817/2023 и др.

сионера[46], наложение судом ареста на денежные средства, находящиеся на расчетном счете[47]. Не рассматривается в качестве документа, подтверждающего имущественное положение индивидуального предпринимателя, составленный им бухгалтерский баланс[48].

Еще одна распространенная ошибка заинтересованных лиц – неподтверждение тяжелого имущественного положения (отсутствия денежных средств) на момент обращения с ходатайством, т. е. текущего материального состояния заявителя. К примеру, отсутствие денежных средств на счетах подтверждается по состоянию на май 2023 г., а ходатайство заявляется в октябре 2023 г.[49]; сведения об открытых счетах – на март 2023 г., а ходатайство подается в мае 2023 г.[50]

Верховный Суд в своих разъяснениях подчеркивает, что к ходатайству должны прилагаться документы с актуальными сведениями[51].

Законодательство не содержит каких-либо критериев, которые дифференцировали бы имущественное положение плательщика для его освобождения от уплаты госпошлины, уменьшения размера и предоставления отсрочки (рассрочки) уплаты. Не позволяет это сделать и перечень документов (сведений), рекомендованных Верховным Судом для оценки имущественного состояния заинтересованного лица, поскольку он одинаков для всех указанных случаев. Судебная практика арбитражных судов на этот счет каких-либо определенных ориентиров не выработала, Верховный Суд лишь отмечает, что в отличие от фактов, дающих право на отсрочку или рассрочку уплаты госпошлины, обстоятельства, подтверждающие возможность освобождения от ее уплаты, являются более существенными[52]. Для вывода о существенности таких обстоятельств, по нашему мнению, будет недостаточным представление заявителем лишь документов (сведений), входящих в приведенный выше минимально обязательный перечень.

К примеру, кассатор просила освободить ее от уплаты госпошлины за рассмотрение жалобы, ссылаясь на финансовую несостоятельность и нетрудоустроенность, в подтверждение чего представила справку налогового органа об отсутствии открытых банковских счетов и копию трудовой книжки. Отказ арбитражным судом был мотивирован тем, что указанные документы не являются условием полного освобождения от уплаты госпошлины, поскольку доходы гражданина не ограничиваются только доходами, получаемыми по трудовым договорам, а отсутствие расчетных счетов само по себе не свидетельствует о тяжелом финансовом положении[53].

Как представляется, основанием для освобождения от уплаты госпошлины может быть только такое материальное положение заявителя, при котором применение отсрочки (рассрочки) уплаты, уменьшения размера будет являться недостаточным для обеспечения доступа к правосудию. Следовательно, заинтересованному лицу требуется доказать не только факт объективного отсутствия денежных средств на момент обращения в суд, но и иные обстоятельства, являющиеся непреодолимым препятствием и исключающие возможность ис-

---

[46] Постановление Тринадцатого ААС от 10 октября 2024 г. по делу № А56-33973/2024, определение АС Новосибирской области от 13 декабря 2024 г. по делу № А45-41449/2024 и др.

[47] Постановление Второго ААС от 6 сентября 2021 г. по делу № А17-9443/2020.

[48] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 307-ЭС20-4719 по делу № А56-106103/2019.

[49] Постановление АС Северо-Западного округа от 12 января 2024 г. по делу № А56-35114/2023, подтвержденное Определением Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2024 г. № 307-ЭС23-27414.

[50] Постановление Пятнадцатого ААС от 11 июля 2023 г. по делу № А32-28019/2023.

[51] Обзор ВС РФ от 27.11.2024 (вопр. 1).

[52] Там же.

[53] Постановление Президиума СИП от 15 февраля 2019 г. № С01-128/2019 по делу № СИП-496/2018.

полнить обязанность по уплате госпошлины даже в случае предоставления судом отсрочки либо рассрочки ее уплаты.

В заключение можно предложить следующую общую характеристику имущественного положения заявителя как основания для суда удовлетворить просьбу об освобождении от уплаты госпошлины: имущественное положение заявителя свидетельствует об объективной невозможности уплаты госпошлины в установленном либо уменьшенном судом размере единовременно как на момент обращения в суд, так и в течение ближайшего года, а также поэтапно (частями) в течение трех лет[54].

Список источников

1. Анохин В. С. Проблемы правового регулирования арбитражного производства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 10. С. 104–117.

2. Нешатаева Т. Н. О судебных расходах // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 9. С. 57–65.

3. Розе М. А. Направления совершенствования государственной судебной политики в области судебных расходов в контексте доступности правосудия // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 1 (29). С. 148–158.

References

1. Anokhin V. S. Problems of legal regulation of arbitration proceedings. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2003;(10):104-117. (In Russ.)

2. Neshataeva T. N. On court costs. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 1999;(9):57-65. (In Russ.)

3. Roze M. A. Directions for improving state judicial policy in legal costs in the context of justice accessibility. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2024;8(1):148-158. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. Н. Павлова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства.

Information about the author

L. N. Pavlova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 15.04.2026.

[54] Взяты максимально установленные сроки предоставления отсрочки и рассрочки (ст. 333.41, п. 1 ст. 64 НК РФ). С 1 января 2023 г. срок возможного предоставления отсрочки увеличен с одного года до трех лет.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 45–54
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 45–54
УДК 347.68 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.45-54

Научная статья

Ответственность перевозчика за несохранность груза, перевозимого железнодорожным транспортом

Аминат Магомедхабибовна Гаврилова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, am.gavrilova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5062-598X

Аннотация. Статья посвящена ответственности перевозчика за несохранность груза по договору перевозки груза железнодорожным транспортом. Цель: провести сравнительный анализ правового регулирования ответственности перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза по договору перевозки груза железнодорожным транспортом, исследование некоторых проблемных вопросов ответственности перевозчика по заявленной теме на основании доктринальных позиций и актуальной арбитражной судебной практики.
Методы: анализ, дедукция, формально-юридический, сравнительно-правовой.
На основании проведенного исследования вносятся предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: договор перевозки груза, перевозчик, груз, недостача груза, повреждение груза, порча груза, утрата груза, ответственность независимо от вины

Для цитирования: Гаврилова А. М. Ответственность перевозчика за несохранность груза, перевозимого железнодорожным транспортом // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 45–54. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.45-54.

Original article

Liability of the Carrier for the Failure to Preserve Cargo Transported by Rail

Aminat M. Gavrilova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, am.gavrilova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5062-598X

Abstract. The article is devoted to the responsibility of the carrier for cargo non-safety condition under the contract for carriage of cargo by rail. Objective: the comparative analysis of the legal regulation of the carrier's liability for loss, short delivery and damage of cargo under the contract of carriage for cargo by rail, the study of some alerting issues of the carrier's liability on the stated theme of an article on the basis of doctrinal positions and current arbitration judicial practice.
Methods: analysis, deduction, technical, comparative.
Based on the conducted research, proposals are made to develop legislation and the practice of its case law.

Keywords: contract for carriage of cargo, carrier, cargo, short delivery, cargo damage, spoilage of cargo, cargo loss, liability regardless of fault

© Гаврилова А. М., 2026

For citation: Gavrilova A. M. Liability of the carrier for the failure to preserve cargo transported by rail. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):45-54. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.45-54.

Транспортный комплекс выполняет важные функции по достижению государственных целей в части обеспечения национальной безопасности, экономического роста и связанности территории страны[1]. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), объем перевозок грузов железнодорожным транспортом составил 1365,2 млн т в 2023 г. и 1306,1 млн т в 2024 г.[2], а общая погрузка грузов на сети ОАО «РЖД» составила 1181,4 млн т в 2024 г.[3]

Согласно Транспортной стратегии Российской Федерации грузовладельцам должны быть обеспечены, в частности, безопасность перевозки и сохранность груза. Однако, как следует из статистических данных, в 2023 г. арбитражными судами рассмотрено 36 351 дело по спорам по договорам перевозки, а в 2024 г. их число увеличилось до 46 230[4], что свидетельствует о частом нарушении договорных обязательств в этой сфере.

С. А. Карелина в числе актуальных направлений исследовательских проектов в сфере права называет проекты, имеющие практико-ориентированный характер [1, с. 49], а также посвященные проблематике механизма реализации ответственности в праве [1, с. 46]. И как обоснованно отмечала Т. Е. Абова, «без верной теории сложнее путь к верной практике» [2, с. 125].

Важно, что в Транспортной стратегии одним из направлений развития грузовых перевозок названо совершенствование нормативно-правовой базы транспортной деятельности, в том числе в части разграничения прав и ответственности перевозчиков и других участников транспортной деятельности. В связи с этим «для транспортного права самой острой и важной была и остается проблема выработки единообразных подходов к решению вопроса об ответственности перевозчика» [3, с. 27], что обусловливает актуальность данного исследования.

Договор перевозки груза – один из поименованных в российском гражданском законодательстве видов договора перевозки, являющийся основанием перемещения грузов в пространстве.

Понятие договора перевозки груза содержится в п. 1 ст. 785 ГК РФ, а договора перевозки груза железнодорожным транспортом – в абз. 2 ст. 25 Устава железнодорожного транспорта[5] (далее – УЖТ). Исходя из легальных определений, закрепленных в данных нормах, основными обязанностями железнодорожного перевозчика по договору перевозки груза являются доставка вверенного ему груза[6] на железнодорожную станцию назначения с соблюдением условий его перевозки и выдача груза грузополучателю.

В названных нормах нет прямого указания на обязанность перевозчика обеспечить сохранность вверенного ему груза. Следует отметить, что в отличие от положений УЖТ в

---

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» (далее – Транспортная стратегия) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

[2] Перевозка грузов по видам транспорта. URL: https://clk.li/uZYx (дата обращения: 30.06.2025).

[3] URL: https://clk.li/NSrq (дата обращения: 30.06.2025).

[4] URL: https://clk.li/bzEt (дата обращения 30.06.2025).

[5] Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 170.

[6] Понятие «груз» содержится в абз. 6 ст. 2 УЖТ.

абз. 2 ст. 31 ранее действовавшего Транспортного устава железных дорог[7] (далее – ТУЖД) было предусмотрено, что «железная дорога обязуется своевременно и в сохранности доставить груз на железнодорожную станцию назначения с соблюдением условий его перевозки». Вместе с тем исходя из буквального толкования п. 1 ст. 785 ГК РФ в содержание обязательств перевозчика входит обеспечение сохранности переданного ему груза[8]. Полагаем, такой же вывод в отношении перевозчика груза железнодорожным транспортом можно сделать путем толкования как названной нормы, так и специальных норм – абз. 2 ст. 25 и абз. 1 ст. 95 УЖТ.

Прежде всего необходимо обратиться к терминологии законодателя, который использует несколько понятий: «несохранность», «утрата», «недостача», «повреждение», «порча» груза. Однако в ГК РФ, УЖТ, Модельном законодательном акте «Устав железных дорог»[9] (далее – Модельный УЖД) не раскрывается ни одно из этих понятий, а в абз. 1 ст. 45 УЖТ содержится лишь предположение, что груз считается утраченным, если он не выдан грузополучателю по истечении тридцати дней со дня истечения срока доставки или по истечении четырех месяцев со дня приема груза для перевозки в прямом смешанном сообщении. Аналогичная презумпция была закреплена и в ранее действовавшем, в том числе советском, законодательстве, например в ст. 72 Устава железных дорог Союза ССР 1935 г.[10], ст. 194 Устава железных дорог Союза ССР 1954 г.[11], ст. 154 Устава железных дорог Союза ССР 1964 г.[12], ст. 112 ТУЖД.

Конституционный Суд Российской Федерации указал: «…неопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона»[13].

По мнению В. А. Тархова, утрата имущества означает «…полную его пропажу или гибель либо такое повреждение, которое при сложившихся обстоятельствах не может быть устранено, вследствие чего исключается возможность использования имущества по назначению»[14]. А. В. Морозов считает утратой груза «невозможность выдать груз получателю в сроки, предусмотренные в ст. 154 Устава железных дорог Союза ССР» [5, с. 92]. Согласно позиции

---

[7] Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 2-ФЗ «Транспортный устав железных дорог Российской Федерации» (с изм. от 06.07.2001) (документ утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1988. № 2. Ст. 218.

[8] Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г.) (п. 1) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 10.

[9] Модельный законодательный акт «Устав железных дорог» (принят в г. Санкт-Петербурге 3 апреля 1999 г. постановлением 13-5 на 13-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 1999. № 21. С. 85–134.

[10] Устав железных дорог Союза ССР (утв. постановлением СНК СССР от 10 февраля 1935 г. № 232) (документ утратил силу) // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1935. № 9. Ст. 73.

[11] Устав железных дорог Союза ССР (утв. постановлением Совмина СССР от 8 декабря 1954 г. № 2414) (документ утратил силу). М. : Трансжелдориздат, 1954.

[12] Устав железных дорог Союза ССР (утв. постановлением Совмина СССР от 6 апреля 1964 г. № 270) (ред. от 28.04.1995) (документ утратил силу) // Свод законов СССР. М. : Известия, 1985. Т. 8. С. 57.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 29-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

[14] См.: [4, с. 107]; см. также: *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть : курс лекций. Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1997. С. 312.

Б. П. Лукьянова, «утрата» является юридическим, а не фактическим понятием и по своему объему шире понятия «фактическая утрата» [6, с. 5].

В правоприменительной практике груз признается утраченным не только в случае, если он не выдан грузополучателю в предусмотренные ст. 45 УЖТ сроки.

Так, суды признали полностью утраченным рассыпавшийся при сходе вагонов груз, поскольку была установлена невозможность собрать и отсортировать груз, перемешавшийся с другими грузами, щебнем, землей, снегом и поврежденными элементами верхнего строения пути[15].

По другому делу суды признали груз полностью утраченным, так как была установлена невозможность его дальнейшего использования по назначению[16].

В. А. Тархов считает, что недостача груза – это «частичная утрата либо количественное несоответствие документам сверх норм естественной убыли груза, определяемого счетом, мерой или весом»[17]. Схожее мнение у А. В. Морозова, согласно которому недостачей груза является его частичная утрата, т. е. «выдача груза в количестве меньшем против принятого к перевозке (уменьшение веса, меры или числа предметов, образующих одну отправку)» [5, с. 93].

Цивилисты приводят разные определения понятий «повреждение» и «порча» груза. В. А. Тархов отмечает, что порча – это «механическое, биологическое либо химическое изменение, снижающее качество и ценность груза вплоть до его непригодности»[18]. По мнению А. В. Морозова, порча груза – «внутренний необратимый процесс, вызвавший химическое или биологическое изменение первоначального качества груза» [5, с. 93], а повреждение груза – «это внешний процесс, когда возможно устранение наступившего нежелательного результата» [5, с. 93].

Е. Г. Джиоева подчеркивает, что при повреждении и порче груза «…его количественное выражение не изменяется, а изменяется качество или свойство груза» [7, с. 45].

О. В. Савенкова считает, что повреждение имущества «…охватывает все неблагоприятные изменения как временного характера, требующие расходов по их устранению, так и необратимые… Повреждением имущества признается ухудшение его качества, понижение его ценности… разновидностью повреждения является порча предмета, которая сводится к химическим или биологическим изменениям предмета» [8, с. 60].

В юридической литературе дискуссионными являются также вопросы о том, необходимо ли разграничивать понятия «повреждение» и «порча» груза и являются ли данные понятия тождественными. На наш взгляд, такое разграничение необходимо и терминология важна, поскольку, как верно отмечал В. А. Тархов, «за каждым названием скрывается определенное общественное явление, неправильное название влечет неправильное отношение к действительности, чего допустить нельзя»[19].

Автор разделяет точку зрения А. В. Морозова, согласно которой понятия «повреждение» и «порча» груза необходимо разграничивать, поскольку они различны по своей экономической природе и правовым последствиям [5, с. 93], и позицию Е. Г. Джиоевой о недопустимости отождествления исследуемых понятий [7, с. 45].

---

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 июля 2023 г. № Ф04-3344/2023 по делу № А45-27914/2022. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[16] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 октября 2024 г. № Ф05-20022/2024 по делу № А40-165906/2023.

[17] *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть. С. 312, 313.

[18] Там же. С. 313.

[19] Там же. С. 311.

Представляется дискуссионным мнение, что законодатель применяет понятия «порча» и «повреждение» груза как тождественные [7, с. 45]. Например, в абз. 4 ст. 41, абз. 2 ст. 42 УЖТ, ст. 105 Модельного УЖД данные термины приведены через разделительный союз «или», а в абз. 10 ст. 41 и абз. 2 ст. 36 УЖТ – через запятую, из чего можно сделать вывод, что законодатель не считает указанные понятия тождественными. Исследуемые понятия приводились через союз «или» и в ранее действовавшем законодательстве, например в ст. 87, 186–188, 191 УЖД 1954 г., ст. 66 УЖД 1964 г., ст. 42, 45 ТУЖД.

С учетом изложенного полагаем, что в целях единообразия применения норм права, регулирующих ответственность перевозчика за несохранность перевозимого транспортом общего пользования груза, транспортные кодексы и уставы следует дополнить определениями понятий «утрата груза», «недостача груза», «повреждение груза» и «порча груза», а до внесения изменений в законодательство – дать соответствующие разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств по перевозке стороны несут ответственность, установленную как ГК РФ, так и транспортными уставами, кодексами и иными законами.

Законодателем установлены особые правила об ответственности перевозчика за несохранность перевозимого им груза. Так, в силу п. 1 ст. 796 ГК РФ перевозчик несет ответственность за несохранность груза, произошедшую после принятия его для перевозки и до выдачи грузополучателю либо управомоченному им лицу, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, т. е. перевозчик предполагается виновным в несохранности груза[20].

В отличие от норм действующего законодательства, ч. 1 ст. 74 Основ гражданского законодательства 1961 г.[21] и ч. 1 ст. 382 ГК РСФСР 1964 г.[22] устанавливали ответственность перевозчика за несохранность принятого к перевозке груза, если он не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли не по его вине, т. е. при наличии вины перевозчика.

В. В. Витрянский отмечает, что в транспортных уставах и кодексах «определены основания **освобождения перевозчика от ответственности** за несохранность перевозимых грузов с возложением бремени их опровержения **на грузополучателя (грузоотправителя)**, т. е. использован иной подход к установлению оснований ответственности перевозчика, нежели закрепленный в ст. 796 ГК»[23].

Согласно абз. 1 ст. 95 УЖТ перевозчик несет ответственность за несохранность груза, грузобагажа, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза, грузобагажа произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить или устранить по независящим от него причинам. В абзацах 2–5 названной статьи приведен неисчерпывающий перечень таких обстоятельств, в числе которых причины, зависящие от грузоотправителя (отправителя) или грузополучателя (получателя); особые естественные свой-

---

[20] См.: Гражданское право : учеб. : в 4 т. Т. 4 / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. С. 177; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2025 г. № 09АП-28509/2025, 09АП-28513/2025 по делу № А40-81649/2023.

[21] Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (ред. от 12.06.1990) (документ утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

[22] Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (ред. от 26.11.2001) (документ утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

[23] Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 177.

ства перевозимого груза; сдача для перевозки груза, влажность которых превышает установленную норму. Аналогичные нормы содержатся в ст. 104 Модельного УЖД.

Так, решением суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, удовлетворены исковые требования грузоотправителя к перевозчику о взыскании стоимости утраченного груза. Ответчик в кассационной жалобе просил отменить судебные акты, считая, что установление массы недостачи груза должно было производиться только с применением Рекомендации МИ 3115-2008 с учетом расчета погрешности взвешивания. Кроме того, перевозчик полагал, что он должен быть освобожден от ответственности на основании ч. 2 ст. 95 и ч. 6 ст. 118 УЖД.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции исходил из расхождений между товарной железнодорожной накладной о принятии груза к перевозке в технически исправном вагоне и коммерческим актом, подтверждающим недостачу груза, который прибыл на станцию назначения с меньшим количеством мест и весом нетто менее на 5030 кг без учета предельных расхождений согласно Рекомендации МИ 3115-2008[24], а также доказанности совокупности обстоятельств, необходимых для привлечения ответчика к ответственности в форме взыскания убытков.

Суд кассационной инстанции обоснованно согласился с выводами нижестоящих судов в том, что недостача груза произошла в пути следования ввиду непринятия перевозчиком мер к обеспечению сохранности груза, расчет убытков является верным[25].

Следует отметить, что в доктрине права вопрос об условиях ответственности перевозчика за несохранность груза, перевозимого железнодорожным транспортом, является дискуссионным. По мнению некоторых авторов, ответственность железнодорожного перевозчика за несохранность груза возникает при наличии его вины [9, с. 18; 10, с. 15, 20; 11, с. 20]. Автор разделяет позицию исследователей, считающих, что перевозчик несет ответственность независимо от вины[26].

В настоящее время судебная арбитражная практика единообразна в вопросе о том, что профессиональный перевозчик, не исполнивший либо ненадлежащим образом исполнивший обязательство, являясь субъектом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, несет гражданско-правовую ответственность независимо от наличия или отсутствия вины и может быть освобожден от нее лишь при наличии обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело[27].

Так, в одном из судебных актов указано, что согласно п. 1 ст. 796 ГК РФ вина перевозчика презюмируется и для освобождения от ответственности он должен доказать, что проявил ту степень заботливости и осмотрительности, которая требовалась в целях надлежащего исполнения обязательств.

---

[24] Рекомендация МИ 3115-2008 подлежит применению, если не доказано, что использование методики, изложенной в этом документе, приводит к ошибочному или недостоверному результату. См. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2013 г. № 16398/12 по делу № А27-12117/2011.

[25] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 сентября 2022 г. № Ф09-5712/22 по делу № А76-8432/2021.

[26] Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 178; Гражданское право : учеб. : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б. М. Гонгало. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. С. 350.

[27] См., например, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июня 2013 г. № 18359/12 по делу № А40-13030/12-111-119, от 20 марта 2012 г. № 14316/11 по делу № А50-21608/2010, от 20 октября 2010 г. № 3585/10 по делу № А40-59532/07-32-46, Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г.) (п. 1).

Следовательно, вывод о том, что ответственность перевозчика наступает при наличии вины, т. е. по общим основаниям ответственности за нарушение обязательств, предусмотренным п. 1 и 2 ст. 401 ГК РФ, является ошибочным[28].

В пункте 37 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 октября 2005 г. № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации"»[29] разъясняется, что при применении ст. 118 УЖТ следует исходить из того, что в предусмотренных в этой статье случаях перевозчик освобождается от ответственности за утрату, недостачу, повреждение (порчу) груза при перевозке, если докажет, что они произошли, как указано в ст. 796 ГК РФ, вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»[30], по смыслу п. 1 ст. 796, п. 3 ст. 401 ГК РФ перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа независимо от наличия вины, в том числе за случайное причинение вреда (например, дорожно-транспортное происшествие по вине третьих лиц, хищение и т. п.).

Возможность ограничения ответственности должника предусмотрена ст. 15, 400 ГК РФ. По мнению А. В. Мякининой, основная причина введения норм об ограничении убытков состоит в том, что «во многих случаях реалии экономической жизни и имущественного оборота не позволяют этого сделать» [12, с. 287], а полная ответственность перевозчика за несохранность груза может «разорить» его [12, с. 327].

Еще одна особенность ответственности перевозчика состоит в том, что п. 2 ст. 796 ГК РФ, абз. 1–5 ст. 96 УЖТ установлена ограниченная ответственность перевозчика за несохранность груза[31].

В доктрине дискуссионным является вопрос об обоснованности установления и сохранения ограниченной ответственности. Сторонником такой ответственности перевозчика является, например, И. Г. Ломакина [13, с. 84]. Но некоторые авторы предлагают повысить ответственность перевозчика за несохранность груза вплоть до полного возмещения убытков [11, с. 21].

Пунктом 1 ст. 393 ГК РФ предусмотрена обязанность должника возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Возмещение убытков – один из установленных абз. 9 ст. 12 ГК РФ способов защиты гражданских прав, мера гражданско-правовой ответственности, «единственное универсальное средство судебного воздействия» [14, с. 103].

Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ в состав убытков входят реальный ущерб и упущенная выгода. Деление убытков на реальный ущерб и упущенную выгоду является традиционным для континентальной системы права (например, ст. 1231-2 ФГК[32], § 249–252 ГГУ[33], ст. 1611 ГК Квебека[34]).

---

[28] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 марта 2012 г. № 14316/11 по делу № А50-21608/2010.

[29] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

[30] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

[31] Об ограниченной ответственности перевозчика указано, например, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2024 г. № 303-ЭС23-25380 по делу № А73-10304/2022.

[32] Code civil des Français. URL: https://clk.li/Wbur (дата обращения: 01.07.2025).

[33] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: https://clk.li/Aedf (дата обращения: 01.07.2025).

[34] Code civil du Québec (CCQ). URL: https://clk.li/HwFg (дата обращения: 01.07.2025).

По общему правилу лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков – и реального ущерба, и упущенной выгоды, которая в ГК РФ сформулирована как неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено[35]. Возмещение убытков в меньшем размере может быть предусмотрено законом или договором.

В силу п. 2 ст. 796 ГК РФ, ст. 96 УЖТ перевозчик в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, возмещает ущерб, причиненный при перевозке груза, в следующих размерах: стоимости утраченного или недостающего груза в случае его утраты или недостачи; суммы, на которую понизилась стоимость груза, в случае его повреждения (порчи) или в размере его стоимости при невозможности восстановить поврежденный груз; объявленной стоимости груза, сданного для перевозки с объявлением его ценности, в случае его утраты; доли объявленной стоимости груза, соответствующей недостающей или поврежденной (испорченной) части груза, сданного для перевозки с объявлением его ценности, в случае недостачи или повреждения (порчи) груза.

Таким образом, перевозчик в случае несохранности груза возмещает грузополучателю либо грузоотправителю только реальный ущерб, но не упущенную выгоду.

При этом в соответствии со ст. 120 УЖТ право на предъявление к перевозчику претензии, связанной с осуществлением перевозок груза, имеют грузополучатель или грузоотправитель.

Так, истцу было отказано в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, поскольку суд установил, что истец (собственник груза) не является ни грузоотправителем, ни грузополучателем по транспортной железнодорожной накладной, поэтому должен урегулировать отношения, возникшие вследствие неполучения груза, через грузоотправителя (грузополучателя)[36].

Заключение

Изложенное показывает, что в содержание обязательств перевозчика, в том числе перевозчика груза железнодорожным транспортом, входит обеспечение сохранности вверенного ему груза.

Ответственность перевозчика по договору перевозки груза железнодорожным транспортом имеет следующие особенности: ответственность перевозчика за несохранность груза наступает независимо от наличия его вины; перевозчик несет ограниченную ответственность в случае несохранности груза, перевозимого железнодорожным транспортом.

Полагаем, что в целях максимальной защиты участников перевозочного процесса и единообразия применения норм права, регулирующих ответственность перевозчика за несохранность перевозимого транспортом общего пользования груза, транспортные кодексы и уставы следует дополнить определениями понятий «утрата груза», «недостача груза», «повреждение груза» и «порча груза», а до внесения изменений в законодательство необходимы соответствующие разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Карелина С. А. Актуальные направления исследовательских проектов в сфере права // Проектные практики школы XXI века : материалы I науч.-пед. форума (Москва, 23–24 марта 2021 г.) / отв. ред. И. А. Подругина. М. : МПГУ, 2022. С. 45–51.

---

[35] Аналогичное понятие упущенной выгоды содержится, например, в § 252 ГГУ.

[36] Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 3 июня 2013 г. № ВАС-6561/13 по делу № А43-12807/2012.

2. Абова Т. Е. Развитие судебной системы в России (гражданское судопроизводство) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 119–137.

3. Ананьева А. А. Конструкция договора смешанной перевозки груза и ответственность оператора смешанной перевозки // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 3. С. 24–30.

4. Тархов В. А. Гражданские права и ответственность. Уфа : Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1996. 124 с.

5. Морозов А. В. Классификация видов несохранности груза при железнодорожной перевозке // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 6. С. 92–93.

6. Лукьянов Б. П. Ответственность железной дороги за несохранность перевозимого груза : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1968. 19 с.

7. Джиоева Е. Г. Ответственность железнодорожного перевозчика за несохранность груза // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. № 1 (7). С. 44–47.

8. Савенкова О. В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 6–67.

9. Горюнов А. В. Правовое регулирование железнодорожных перевозок грузов по российскому законодательству : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 21 с.

10. Джиоева Е. Г. Обязательство перевозки груза железнодорожным транспортом: особенности ответственности участников и перспективы ее оптимизации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2010. 30 с.

11. Довгополов А. А. Договор перевозки грузов железнодорожным транспортом по российскому праву : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

12. Мякинина А. В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 278–328.

13. Ломакина И. Г. К вопросу об ответственности перевозчика при оказании услуг железнодорожной перевозки // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2007. № 18. С. 77–84.

14. Монастырский Ю. Э. Регулирование требований об убытках в Гражданском кодексе РФ и Принципах европейского контрактного и деликтного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 87–108.

References

1. Karelina S. A. Actual directions of research projects in the field of law. In: I. A. Podrugina. *Project practices of the school of the XXI century*. Materials of the First Scientific and Pedagogical Forum (Moscow, 23–24 March 2021). Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2022. P. 45–51. (In Russ.)

2. Abova T. E. The development of the judicial system in Russia (civil proceedings). *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2010;(3):119-137. (In Russ.)

3. Ananyeva A. A. Construction of the multimodal weight transport contract and the responsibility of the multimodal transport operator. *Juridical Journal of Samara University*. 2018;4(3):24-30. (In Russ.)

4. Tarkhov V. A. *Civil rights and responsibility*. Ufa: Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1996. 124 p. (In Russ.)

5. Morozov A. V. Classification of the types of cargo damage in railway transportation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1988;(6):92-93. (In Russ.)

6. Lukyanov B. P. *Responsibility of the railway for the non-preservation of the transported cargo*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 1968. 19 p. (In Russ.)

7. Dzhioeva E. G. Railway carrier's responsibility for the unsafety of cargoes. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*. 2016;(1):44-47. (In Russ.)

8. Savenkova O. V. Compensation of losses in modern civil law. In: M. A. Rozhkova, ed. *Losses and the practice of their compensation*. Collection of articles. Moscow: Statut; 2006. P. 6–67. (In Russ.)

9. Goryunov A. V. *Legal regulation of rail freight transportation under Russian legislation*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 21 p. (In Russ.)

10. Dzhioeva E. G. *The obligation to transport cargo by rail: features of the responsibility of participants and prospects for its optimization*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2010. 30 p. (In Russ.)

11. Dovgopolov A. A. *Contract for the carriage of goods by rail under Russian law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 26 p. (In Russ.)

12. Myakinina A. V. Limitation of the amount of recoverable damages in the civil law of the Russian Federation. In: M. A. Rozhkova, ed. *Losses and the practice of their compensation*. Collection of articles. Moscow: Statut; 2006. P. 278–328. (In Russ.)

13. Lomakina I. G. On the issue of the carrier's liability in the provision of railway transportation services. *The Siberian Transport University Bulletin*. 2007;(18):77-84. (In Russ.)

14. Monastyrsky Yu. E. Damages recovery claims regulation in Civil Code of RF and in Principles of European contract and tort law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(2):87-108. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Гаврилова – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права.

Information about the author

A. M. Gavrilova – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication 20.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 55–61
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 55–61
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.55-61

Научная статья

Правовая природа судебной неустойки

Николай Дмитриевич Грибов

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, ng.law@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8055-6628

Аннотация. Впервые возможность взыскания судебной неустойки (астрента) в судебной практике была введена в 2014 г. для субъектов экономической деятельности. В 2015 году нормы о судебной неустойке появились в гражданском законодательстве. В 2018 году астрент был закреплен в гражданском и административном судопроизводстве. В связи с фиксированием неустойки как в процессуальном, так и в материальном праве у судов возникли определенные вопросы, связанные с ее правоприменением, обусловленные природой этого института.

Цель работы: на основе правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации по делу С. С. Шапки выявить юридическую природу астрента.

Судебная неустойка является универсальным средством, связанным с обеспечением исполнимости судебного акта по делам об обязании ответчика совершить определенные действия, где стороны базируются на равном положении и нет властно-обязывающих функций. Ее процессуальная природа обусловливает применение этого института во всех судебных процессах, где заявляются требования об обязании ответчика совершить определенные действия, за исключением дел, рассматриваемых в рамках производства по спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Ключевые слова: судебная неустойка, природа астрента, исполнимость решения, злоупотребление правом, размер судебной неустойки

Для цитирования: Грибов Н. Д. Правовая природа судебной неустойки // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 55–61. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.55-61.

Original article

The Legal Nature of the Judicial Penalty

Nikolay D. Gribov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, ng.law@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8055-6628

Abstract. The concept of judicial penalties was first introduced into Russian judicial practice in 2014 specifically for economic entities. The foundation for its application was further solidified in 2015 when civil legislation began to include provisions regarding judicial penalties. By 2018, the principle of judicial penalties was formally adopted in both civil and administrative proceedings, leading to questions among courts regarding its enforcement due to the complexities associated with its nature.

This paper aims to explore the legal nature of judicial penalties based on the legal position established by the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of S. S. Shapka. The analysis will clarify how judicial penalties functions within the framework of judicial enforcement.

© Грибов Н. Д., 2026

The judicial penalty serves as a critical mechanism for ensuring compliance with judicial decisions, specifically in situations where a court orders a party to undertake specific actions. The positioning of judicial penalties as a tool emphasizes its procedural nature, suggesting that it is applicable across all judicial contexts that involve enforcement of such mandates, provided the dispute does not fall under administrative or public legal relationships.

Keywords: judicial penalty, nature of judicial penalties, enforceability of the decision, abuse of rights, amount of judicial penalty

For citation: Gribov N. D. The legal nature of the judicial penalty. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):55-61. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.55-61.

Впервые возможность взыскания неустойки (астрента) за неисполнение судебного акта по неденежному требованию была предоставлена в 2014 г. для субъектов экономической деятельности и распространялась сугубо на практику арбитражных судов[1]. Специальная норма о судебной неустойке (ст. 308.3 ГК РФ) введена 1 июня 2015 г. Верховный Суд Российской Федерации, толкуя положения этой статьи, отметил, что при рассмотрении трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой и возникающих из публичных отношений, астрент взысканию не подлежит[2]. Тем самым вышестоящей судебной инстанцией признана сугубо материальная природа астрента как способа побудить должника исполнить неимущественное обязательство через установленную судом денежную компенсацию.

Впоследствии Верховный Суд Российской Федерации отметил, что если решение суда о возложении на должника обязанности по исполнению обязательства в натуре исполняется после 1 июня 2015 г., то по заявлению кредитора на случай неисполнения указанного судебного акта в его пользу может быть присуждена судебная неустойка в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 308.3 ГК РФ[3]. Таким образом, учитывая специфику действия процессуальных норм во времени, связанную с их реализацией на момент начала совершения юридического действия, фактически вышестоящая судебная инстанция усматривала процессуальную природу неустойки в рамках гражданского законодательства. Причем Верховный Суд несколько раз отмечал процессуальную сущность иных норм, помещенных в гражданское законодательство[4].

Окончательную дилемму относительно материальной либо процессуальной природы неустойки решили изменения в процессуальные кодексы в 2018 г., когда астрент был закреплен в АПК РФ и ГПК РФ. Вместе с тем возникла проблема, касающаяся соотношения ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ и ст. 308.3 ГК РФ: являются ли эти нормы едиными и судебная неустойка подлежит взысканию только за неисполнение гражданско-правовых обязанностей, или положения ГК РФ выступают специальными относительно процессуальных норм.

Приведем судебную практику по таким делам.

---

[1] См. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» (п. 3). Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (п. 30).

[3] См. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019) (п. 7).

[4] См., например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 68).

В первом случае суды отказали во взыскании судебной неустойки по гражданскому делу об обязании провести ремонтные работы, сославшись на публичную природу данного иска[5].

В другом деле кассационная инстанция указала, что, несмотря на то что нижестоящие суды рассмотрели дело в порядке гражданского судопроизводства, предметом спора являлось оспаривание бездействия органа местного самоуправления в отношении реализации публичных полномочий, связанных с содержанием автомобильных дорог общего пользования. Поэтому спор не имеет гражданско-правового характера, в котором применяются нормы ГПК РФ о судебной неустойке[6].

Таким образом, практика исходила из того, что нормы материального права приоритетнее процессуальных.

В 2024 году иная точка зрения была высказана в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации. Рассмотрим его подробнее.

В соответствии с фактическими обстоятельствами дела в ходе рассмотрения трудового спора исковые требования гражданина С. С. Шапки о необходимости оформить с ним трудовой договор, издать приказ о приеме на работу и внести соответствующие записи в трудовую книжку были удовлетворены частично. Однако из-за неисполнения ответчиком данного судебного решения истец подал заявление о присуждении астрента. В удовлетворении этого заявления ему было отказано. Все судебные инстанции указали на то, что судебная неустойка не может быть установлена не в гражданско-правовых спорах, в частности, в данном конкретном случае при разрешении трудового спора. Однако орган конституционного контроля не согласился с такой интерпретацией и отметил, что она противоречит конституционным принципам[7].

Позиция суда базировалась на следующих правовых аргументах, связанных с юридической природой астрента.

Во-первых, Конституционный Суд определил цель судебной неустойки как принуждение должника к своевременному выполнению судебного акта посредством взыскания денежной суммы, которая рассчитывается с учетом критериев справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконных или недобросовестных действий. Размер этой суммы устанавливается на основании усмотрения суда и фактов дела. В этом контексте астрент понимается как «средство принуждения должника», что подчеркивает санкционный характер судебной неустойки, связанный с неисполнением судебного решения.

Во-вторых, Конституционный Суд обратил внимание на то, что законодатель, изначально ограничив сферу применения астрента только гражданско-правовыми обязательствами, мог учитывать их специфическую правовую природу, основанную на равенстве, автономии воли и имущественной независимости участников. Это не отменяет возможности расширения применения данного института в результате законодательных изменений, что и произошло в 2018 г.

В-третьих, анализируя наименования и содержание ст. 206 ГПК РФ и ст. 74 АПК РФ, Конституционный Суд указал, что данные нормы не упоминают материальную судебную не-

---

[5] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2023 г. № 88-18989/2023 по делу № 2-349/2008.

[6] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2023 г. № 88-6718/2023.

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. С. Шапки».

устойку и касаются всех актов суда, которые обязывают ответчика выполнять определенные действия, не связанные с передачей имущества или денег. Таким образом, астрент, который может быть назначен на основании процессуального законодательства, охватывает более широкий спектр применения по сравнению с судебной неустойкой, установленной в материальном праве.

В-четвертых, Конституционный Суд отметил, что в процессуальном законодательстве и нормах, регулирующих трудовые отношения, нет указаний на запрет применения судебной неустойки в трудовых спорах. Таким образом, за неисполнение судебного акта, обязывающего работодателя предпринимать определенные действия, может быть назначен астрент в разумной сумме, соответствующей критериям справедливости, соразмерности и запрета на извлечение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

В-пятых, орган конституционного контроля, ссылаясь на ранее изложенные правовые позиции, признал невозможным применение судебной неустойки в спорах, подпадающих под действие КАС РФ, из-за отсутствия в Кодексе соответствующих положений о возможности присуждения астрента. Более того, возможность использования судебной неустойки в спорах, связанных с публичными правоотношениями, регулируемыми АПК РФ, создавала бы неравное положение для истцов и ответчиков, нарушала бы справедливость при рассмотрении дел. Поэтому в случае наличия в споре элемента публичного права, основанного на властных отношениях между органами государственной власти и другими участниками, взыскание судебной неустойки является невозможным.

Таким образом, судебная неустойка является универсальным средством, связанным с обеспечением исполнимости судебного акта по делам об обязании ответчика совершить определенные действия при равном положении сторон и отсутствии властно-обязывающих функций.

В позиции Конституционного Суда прямо не говорится о возможности применения астрента в иных категориях споров, не связанных с защитой трудовых прав. Право суда использовать этот институт ставится в зависимость от усмотрения судьи и вытекает из общей природы судебной неустойки, обозначенной органом конституционного контроля и закрепленной в процессуальном законодательстве. Так, по мнению автора, целесообразно применять астрент в случаях, когда родитель создает препятствия в общении с ребенком, поскольку административный штраф, предусмотренный ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ, не всегда является эффективным инструментом для обеспечения исполнения судебного акта.

Кроме того, позиция Конституционного Суда, по нашему мнению, создает простор для злоупотребления правом в рамках легализации незаконной финансовой операции. Это выражается в том, что субъекты могут обращаться в суд при действительном отсутствии спора в целях получения исполнительных документов и перевода денежных средств на физическое лицо для последующего «кэширования» денег[8]. Подобные недобросовестные действия имеют место в трудовых спорах, где аффилированный с ответчиком фиктивный работник специально предъявляет иск в суд об установлении факта трудовых отношений, оформления трудового договора, взыскания заработной платы, морального вреда.

Выходом из сложившийся ситуации (помимо законодательной инициативы) выступают непосредственный контроль суда за отсутствием аффилированности между истцом и ответчиком, повышение стандарта доказывания в подобных трудовых спорах путем истребования доказательств реальной трудовой деятельности работника при наличии подозрений на

[8] См. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 08.07.2020).

злоупотребление правом, проверка сторон на отнесение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к группе риска совершения подозрительных операций и иные действия, направленные на недопущение недобросовестного поведения. Правосудие не должно использоваться для обхода предписаний писаного права в сфере экономических отношений и разрешения фиктивных споров.

Если же ситуацию разрешать в законодательном порядке, то астрент должен взыскиваться не в пользу частного лица, а в пользу государства, т. е. следует осуществить перевод неустойки из частного механизма принуждения в публичный. Возможен и другой вариант: установление процентного соотношения от взыскания между публичным образованием и индивидом, что создаст условия для оказания давления на адресата исполнения, будет нивелировано условие *mala fides*, а также произойдет наполнение бюджета для реализации социальных обязанностей государства.

Другой вопрос, связанный с судебной неустойкой, упирается в природу спора. Как отмечалось ранее, в административном судопроизводстве не предусмотрено взыскание астрента, что некоторыми учеными оценивается критически, так как нарушает принцип справедливости [1]. Вместе с тем часто в рамках гражданского дела могут рассматриваться требования, взаимосвязанные с публично-правовым элементом. Для иллюстрации приведем два примера.

Первый – иск прокурора об обязании публичного субъекта выполнить определенные действия, если соответствующие полномочия ему предоставлены, а деятельность не осуществляется, где истец не просит признать бездействие незаконным[9].

Второй – споры об обязании предоставить физическим лицам жилое помещение по договору социального найма. Подобные исковые заявления суды общей юрисдикции рассматривают в порядке гражданского судопроизводства. Причем в последнем случае судебные инстанции, констатируя, что спор не основан на неисполнении администрацией района гражданско-правовых обязанностей, отказали в удовлетворении ходатайства о взыскании судебной неустойки[10].

Такая практика негативно воспринимается автором исследования, поскольку судебная неустойка, закрепленная в ГПК РФ, является универсальной и при рассмотрении спора по правилам гражданского судопроизводства должна взыскиваться в любом случае независимо от констатации, имеются гражданско-правовые обязанности или нет. При наличии публичной природы у спора, обусловленной неравенством его участников, наличием у одного из них государственных функций, данный конфликт должен быть рассмотрен по правилам КАС РФ, где возможность взыскания астрента нивелирована. Иное делает бессмысленным деление процесса рассмотрения дел по различным процессуальным кодексам. Подобное не распространяется на арбитражное судопроизводство, где суды анализируют дела, возникающие из публичных отношений, в которых исполнимость решения обусловлена иными процессуальными механизмами.

Следующей проблемой, связанной с природой астрента, является вопрос конкретной денежной суммы, которая подлежит взысканию. В настоящий момент она зависит от внутреннего убеждения суда. Критериями, обозначенными в законодательстве для ее определения, выступают принципы справедливости, соразмерности, недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, т. е. понятия без конкретизации в законодательстве и актах правоприменения, толкование которых зависит от субъективного воспри-

[9] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2022 г. № 88-9227/2022.
[10] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2024 г. по делу № 88-7439/2024.

ятия действительности. Поэтому в научной литературе выдвинуты рациональные предложения о возможности закрепления минимальной и максимальной суммы судебной неустойки [2]. Причем в судебной практике встречаются примеры, когда суды ограничивают предельную сумму взыскания астрента. Так, в корпоративных спорах, связанных с истребованием информации, арбитражные суды в ряде случаев устанавливают ограничение максимального размера судебной неустойки [2]. Подобное следует из недопустимости обогащения кредитора за счет недобросовестного использования механизма судебной неустойки.

Если говорить о критериях определения суммы астрента вне принципов справедливости, соразмерности, добросовестности, то следует найти баланс между двумя основными задачами судебной неустойки. Первая – стимулирующая (процессуальная). Она заключается в том, чтобы принудить должника к своевременному исполнению судебного решения, используя возможность применения дополнительных штрафных санкций [3, с. 176]. Вторая – компенсаторная (материальная), ориентированная на возмещение вреда бенифециару астрента от действий ответчика, уклоняющегося от исполнения судебного акта. Так, в научной литературе отмечается, что, учитывая компенсаторную природу института судебной неустойки, можно предположить, что ее величина должна быть соразмерна возможным убыткам взыскателя [4]. По мнению автора, необходимо учитывать как стремление к принуждению должника к исполнению судебного решения, так и необходимость возмещения потенциального ущерба истцу в результате неисполнения обязательств. Таким образом, подход к определению суммы астрента должен быть прагматичным, чтобы эффективно выполнять обе функции.

Соответственно, суд должен установить, что, во-первых, кредитор не получит существенной выгоды от назначения судебной неустойки, во-вторых, будут создаваться условия давления на должника в целях понуждения его к исполнению судебного акта. Поэтому целесообразно применять в практике прогрессивную шкалу за неисполнение судебной неустойки, зависящую от времени просрочки исполнения акта, ограничивать неустойку предельной суммой, тем самым создавая препятствия для извлечения выгоды от злоупотребления правом.

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можно отметить следующее.

Первое: судебная неустойка является универсальным средством, позволяющим обеспечить исполнимость судебного акта по делам об обязании ответчика совершить определенные действия при равном положении сторон и отсутствии властно-обязывающих функций.

Второе: процессуальная природа неустойки обусловливает применение этого института во всех судебных процессах, где заявляются требования об обязании ответчика совершить определенные действия, кроме дел, рассматриваемых в рамках производства по спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Третье: автор считает целесообразным применять при отправлении правосудия прогрессивную шкалу за неисполнение судебной неустойки, зависящую от времени просрочки исполнения акта. Неустойка должна быть ограничена предельной суммой, что будет создавать препятствия для извлечения выгоды от недобросовестного поведения.

Список источников

1. Петрова Е. С. О некоторых проблемных аспектах применения института астрента в российском праве // Российский судья. 2023. № 4. С. 53–56.

2. Мохрат П. М. Судебная неустойка за неисполнение судебного акта: ключевые позиции Верховного Суда РФ // Российский судья. 2020. № 2. С. 9–15.

3. Зардов Р. С. Законная неустойка: теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 245 с.

4. Луценко Е. С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика // Юридический мир. 2016. № 7. С. 57–60.

References

1. Petrova E. S. On some challenging aspects of application of the astreinte institution in Russian law. *Russian Judge*. 2023;(4):53-56. (In Russ.)

2. Morkhat P. M. Judicial fine for non-fulfillment of a judicial act: key positions of the Supreme Court of the Russian Federation. *Russian Judge*. 2020;(2):9-15. (In Russ.)

3. Zardov R. S. *Statutory penalty: theoretical and practical aspects*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnoyarsk; 2019. 245 p. (In Russ.)

4. Lutsenko E. S. Judicial penalty (astreinte): theory issues and legal practice. *Juridical World*. 2016;(7):57-60. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Д. Грибов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства.

Information about the author

N. D. Gribov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 15.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 62–68
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 62–68
УДК 347.426.42 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.62-68

Научная статья

Компенсация морального вреда: тенденции судебной практики

Тамара Владимировна Сазонова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, t.sazonova@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0002-4506-4791

Аннотация. В настоящее время граждане все чаще выбирают такой способ защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда. В связи с этим в судебной практике при рассмотрении дел о компенсации морального вреда появились вопросы, требующие детального анализа, к которым можно отнести следующие: условия компенсации морального вреда; критерии определения его размера; круг субъектов, имеющих право на компенсацию морального вреда. Поэтому была проанализирована судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации за последние пять лет и сделаны выводы сложившихся правовых позиций этих судов.

Цель исследования – рассмотреть условия компенсации морального вреда в результате нарушения личных неимущественных прав, имущественных прав, а также посягательств на нематериальные блага.

Использованные методы: анализ, синтез и сравнение.

Институт компенсации морального вреда был рассмотрен как комплексное многогранное правовое явление, имеющее свои особенности исходя из сферы его применения.

Исследованы нарушения в разных видах правоотношений с точки зрения возможности компенсации морального вреда. Проанализирована сложившаяся судебная практика на предмет определения размера компенсации морального вреда, его критериев, круга лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда. Выявлена положительная тенденция в судебной практике – увеличение размера компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав граждан.

Ключевые слова: личные неимущественные права и нематериальные блага, компенсация морального вреда, физические и нравственные страдания, размер компенсации морального вреда, потерпевший, причинитель вреда, презумпция вины причинителя вреда, условия компенсации морального вреда

Для цитирования: Сазонова Т. В. Компенсация морального вреда: тенденции судебной практики // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 62–68. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.62-68.

Original article

Compensation for Moral Damage: Trends in Judicial Practice

Tamara V. Sazonova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, t.sazonova@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0002-4506-4791

Abstract. Nowadays, citizens are increasingly choosing a way to protect their civil rights, such as compensation for moral damage. In this regard, in judicial practice, when considering cases on compensation

© Сазонова Т. В., 2026

for moral damage, issues have arisen that require detailed analysis, which include the following: conditions for compensation for moral damage; criteria for determining its size; the range of subjects entitled to compensation for moral damage. Therefore, the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation over the past five years has been analyzed and the conclusions of the established legal positions of these courts are drawn.
The purpose of the study is to consider the conditions for compensation for moral damage resulting from violations of personal non–property rights, property rights, as well as encroachments on intangible assets.
Methods: analysis, synthesis and comparison.
The institution of compensation for moral damage was considered as a complex, multifaceted legal phenomenon that has its own characteristics based on the scope of its application.
Violations in different types of legal relations are investigated from the point of view of the possibility of compensation for moral damage. The current judicial practice has been analyzed to determine the amount of compensation for moral damage, its criteria, and the range of persons entitled to compensation for moral damage. A positive trend has been identified in judicial practice to increase the amount of compensation for moral damage in cases of violation of personal non-property rights of citizens.

Keywords: personal non-property rights and non-material benefits, compensation for moral harm, physical and moral suffering, amount of compensation for moral harm, victim, causer of harm, presumption of guilt of the causer of harm, conditions of compensation for moral harm

For citation: Sazonova T. V. Compensation for moral damage: trends in judicial practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):62-68. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.62-68.

Институт компенсации морального вреда является достаточно дискуссионным, в том числе в связи с его оценочной природой [1, с. 25]. При компенсации морального вреда важна ее направленность на уменьшение перенесенных душевных страданий.

Следует обратить внимание на то, что не все ученые согласны с использованием именно термина «моральный вред». Так, А. М. Эрделевский считает некорректным его применение, так как «мораль» относительно личности закрепляет совокупность мнений о добре, зле, справедливости[1]. Англо-американская судебная практика под «моральным вредом» понимает психологический вред, который включает в себя физические и психические страдания[2].

Моральный вред как категория не был известен советскому законодательству. И лишь в 1991 г. данное определение появилось в законодательстве[3], которое нашло свое продолжение в ГК РФ. Отсутствие в правовом регулировании понятия «моральный вред» лишает права на компенсацию морального вреда. Можно привести следующий пример из практики применения института компенсации морального вреда.

Истцы просили о компенсации морального вреда, но им было отказано в связи с тем, что законодательство, действующее на момент причинения вреда, не закрепляло нормы о возможности компенсации морального вреда[4].

Более того, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вре-

---

[1] *Эрделевский А. М.* Моральный вред и компенсация за страдания : науч.-практ. пособие. М. : БЕК, 1997. С. 9.

[2] Там же. С. 63.

[3] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (ст. 131). Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 48-КГ24-10-К7.

да» (далее – Постановление № 33) подчеркивается, что закон, регулирующий компенсацию морального вреда, но усиливающий ответственность, не имеет обратной силы.

За последние пять лет в практику рассмотрения судебных споров о компенсации морального вреда внесены значительные корректировки, которые были необходимыми и своевременными, а именно: увеличен размер компенсации морального вреда; появились новые определения существующих правовых институтов.

Безусловно, уже сейчас можно говорить о том, что Постановление № 33 стало определяющим положительным вектором современной судебной практики.

Условиями компенсации морального вреда являются: вред, т. е. физические или нравственные страдания; противоправность действий (бездействия) причинителя вреда; причинная связь между противоправным действием и моральным вредом; вина причинителя вреда. Именно эти четыре условия в совокупности необходимы для компенсации морального вреда, за исключением случаев компенсации морального вреда независимо от вины.

Основополагающим условием компенсации морального вреда является наличие вреда. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что одним из юридически значимых обстоятельств являются именно нравственные страдания, моральный вред подлежит компенсации только в случае их наличия, т. е. суду необходимо установить, испытал истец душевные страдания или нет, даже если имеет место нарушение прав[5].

Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает важность именно душевных страданий, не ограничиваясь кругом тех возможных субъектов, кто может их испытать.

> *Так, несовершеннолетнему потерпевшему был причинен вред здоровью, в результате чего он получил инвалидность. С исковыми заявлениями о компенсации морального вреда обратились мама в интересах несовершеннолетнего потерпевшего, родители, его брат и сестра. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что право на компенсацию морального вреда имеют несовершеннолетний, его родители, брат и сестра, так как каждый из них испытал ощущение бессилия, страха за дальнейшую судьбу несовершеннолетнего, а также в связи с этим изменился обычный образ жизни всей семьи, т. е. все истцы испытали нравственные страдания*[6].

Следующим условием компенсации морального вреда является противоправность действий (бездействия) причинителя вреда. На примере медицинских услуг это может выражаться в нарушении работниками медицинских учреждений порядка оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи.

> *Например, истица подала в суд исковое заявление о компенсации морального вреда в связи со смертью ее матери, которая обратилась в медицинское учреждение с жалобами на почки, но умерла от пневмонии. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул необходимость установления того, насколько действия врачей соответствовали правилам оказания медицинской помощи или врачи действовали с их нарушением. То есть совершили ли врачи все действия, необходимые для проведения полного обследования, определения правильного диагноза, назначения соответствующего лечения*[7].

Одним из условий компенсации морального вреда является наличие причинно-следственной связи между противоправным действием и моральным вредом. Верховный Суд

---

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 84-КГ17-6.

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2020 г. № 56-КГ19-26.

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2021 г. № 18-КГ20-122-К4.

Российской Федерации подчеркнул, что причинно-следственная связь может быть не только прямой, но и косвенной. То есть для компенсации морального вреда достаточно действия (бездействия), которое могло способствовать наступлению вредных последствий[8].

Рассматривая вопрос о наличии вины, можно выделить умысел и неосторожность, которая может быть простой и грубой. Простая неосторожность характеризуется тем, что лицо совершило действия с определенной осмотрительностью, но которые оказались недостаточными для предотвращения наступления вредных последствий. При грубой неосторожности лицо действовало без необходимой внимательности для ненаступления негативных последствий. Но одновременно с этим, как справедливо отмечает А. М. Эрделевский, моральный вред подлежит компенсации вне зависимости от формы вины, но которая при этом влияет на размер компенсации морального вреда [2, с. 17]

Один из острых вопросов правового регулирования института компенсации морального вреда – определение ее размера, учитывая субъективный характер такого вреда. Верховный Суд Российской Федерации подчеркивал необходимость адекватности размера компенсации морального вреда и рассматривал ее небольшой размер как нарушение действующего законодательства[9]. То есть Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что основания для уменьшения размера компенсации морального вреда могут применяться только в исключительных случаях [3, с. 37]. Также не следует забывать и о принципе разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда.

Постановление Пленума № 33 установило критерии определения размера компенсации морального вреда: характер нарушенных неимущественных прав и нематериальных благ; способ их нарушения; последствия нарушения; степень вины каждого из участников правоотношения; имущественное положение причинителя вреда; индивидуальные особенности потерпевшего. Данный перечень подлежит расширительному толкованию в каждом конкретном случае.

Действующее законодательство предусматривает возможность уменьшения размера компенсации морального вреда в случае грубой неосторожности самого потерпевшего. Одновременно Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что если вред причинен малолетним, то к нему нормы о грубой неосторожности применяться не могут, так как он в силу возраста не способен понимать опасность своих действий и предвидеть наступление вредных последствий[10].

Анализ судебной практики позволяет говорить об увеличении размера компенсации морального вреда. Это обусловлено и тем, что в современном обществе большее внимание уделяется именно душевному состоянию человека и, как следствие, его нравственным страданиям. Именно в последнее десятилетие институт компенсации морального вреда стал самостоятельным, часто применяемым, не зависящим от возмещения имущественного вреда [4, с. 20].

Одним из спорных в практике применения норм о компенсации морального вреда является вопрос о компенсации морального вреда в случае нарушения имущественных прав. В этом вопросе поставил точку Конституционный Суд Российской Федерации, который закрепил возможность компенсации морального вреда при одновременном нарушении иму-

---

[8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2021 г. № 18-КГ20-122-К4.

[9] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 октября 2024 г.) (п. 8).

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июля 2019 г. № 56-КГПР19-7.

щественных и личных неимущественных прав[11]. Данной позиции следует и Верховный Суд Российской Федерации[12].

Рассматривая особенности применения норм о компенсации морального вреда, следует остановиться на возможности компенсации морального вреда в случае нарушения прав потребителей. Здесь интересным является то, что потребитель имеет право на компенсацию морального вреда даже в том случае, если он не состоит с исполнителем в договорных отношениях[13].

Интересным с точки зрения судебной практики в контексте компенсации морального вреда является и вопрос о соотношении деликтных правоотношений и норм о защите прав потребителей. Верховный Суд Российской Федерации указал, что потребителем является гражданин, не только купивший товар, но и планирующий это сделать[14]. Более того, продавец должен обеспечить при продаже товаров безопасные условия для потребителя. То есть наличие деликтного правоотношения не исключает возможность одновременного применения норм Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» и, следовательно, компенсации морального вреда[15].

Длительный период времени в судебной практике вопрос о том, имеет ли ребенок, не родившийся на момент причинения вреда, право на компенсацию морального вреда, решался отрицательно. Но Конституционный Суд Российской Федерации изменил данный подход, указав: ребенок, рожденный после причинения вреда, имеет право на компенсацию морального вреда в лице законных представителей в связи с нарушением его личных неимущественных прав, таких как право на родственные отношения[16].

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на необходимость правильного установления ответчика в делах о компенсации морального вреда, особенно в случае нарушения трудовых прав. То есть если вред причинен работником третьему лицу, то он подлежит компенсации работодателем[17].

При рассмотрении вопроса о возможности компенсации морального вреда следует учитывать принцип добросовестности при осуществлении прав и исполнении своих обязанностей участниками гражданских правоотношений. Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает важность п. 4 ст. 1 ГК РФ о запрете возможности извлекать преимущество из своего незаконного положения. Истец обратился в суд с требованием о компенсации морального вреда в связи с тем, что в период отбывания им наказания в исправительном учрежде-

---

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского».

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2022 г. № 15-КГ22-1-К1.

[13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 16-КГ22-27-К4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2023 г. № 4-КГ23-37-К1.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» (п. 1).

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2023 г. № 66-КГПР22-15-К8.

[16] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 ГК РФ в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой».

[17] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. № 91-КГ20-4-К3.

нии были нарушены санитарно-гигиенические нормы, из-за чего он испытывал нравственные страдания. Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении данного дела указал на необходимость оценки добросовестности действий истца, который обратился в суд с заявлением о компенсации морального вреда лишь только по истечении четырех лет после отбывания наказания и по совету знакомого. То есть суду следует установить, являются ли действия истца добросовестными, и дать правовую оценку самому исковому заявлению на предмет его надуманности[18].

В подтверждение необходимости добросовестности исполнения своих обязанностей можно привести следующее дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации.

Истец обратился в суд с исковым заявлением о компенсации морального вреда в связи с тем, что он испытывал нравственные страдания из-за сигаретного дыма, попадающего в его квартиру от соседа. Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что, безусловно, собственник может свободно использовать принадлежащее ему помещение, в том числе курить в нем. Но осуществлять это он может таким образом, чтобы табачный дым не попадал к соседям, т. е. без причинения вреда третьим лицам[19].

Заключение

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что важным в судебном процессе о компенсации морального вреда является правильное распределение бремени доказывания юридически значимых обстоятельств. Потерпевшему следует доказать, что он испытал душевные или физические страдания. Потерпевший представляет доказательства факта причинения вреда и причастности лица, являющегося причинителем вреда. Презюмируется, что причинитель вреда виновен, следовательно, он представляет доказательства отсутствия своей вины, а также правомерности своих действий[20].

В настоящее время моральный вред является сложным многоаспектным правовым институтом, особенности правового регулирования которого определяются, в том числе, и сферой его применения.

Список источников

1. Белоусова Е. В. Компенсация морального вреда в строительных отношениях с участием потребителей // Юрист. 2023. № 5. С. 24–28.

2. Эрделевский А. М. О некоторых вопросах компенсации морального вреда // Экономика. Право. Общество. 2023. № 4. С. 14–22.

3. Иванов С. В., Хархардин Д. Н. Компенсация морального вреда в связи с причинением вреда жизни или здоровью граждан на железнодорожном транспорте // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 35–42.

4. Ачкасова Е., Сторчак В. Верховный Суд выпустил разъяснения о компенсации морального вреда // Трудовое право. 2024. № 3. С. 15–23.

References

1. Belousova E. V. Compensation for moral harm in construction relations involving consumers. *Jurist.* 2023;(5):24-28. (In Russ.)

[18] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 84-КГ17-6.

[19] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г.) (п. 2).

[20] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 июля 2019 г.).

2. Erdelevsky A. M. About some issues of compensation for moral damage. *Economics Law Society*. 2023;(4):14-22. (In Russ.)

3. Ivanov S. V., Kharkhardin D. N. Compensation for non-pecuniary damage due to infliction of damage to life or health of citizens on the railway transport. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice.* 2024;(8):35-42. (In Russ.)

4. Achkasova E., Storchak V. The Supreme Court issued clarifications on compensation for moral damage. *Labor Law.* 2024;(3):15-23. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Сазонова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

Information about the author

T. V. Sazonova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 15.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 69–77
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 69–77
УДК 347.97/99, 342.56 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.69-77

Научная статья

Цифровизация судопроизводства как фактор повышения эффективности судебной власти: анализ рисков и перспектив

Эльвина Харисовна Грипп

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ElvinaGr@yandex.ru

Аннотация. На основании проведенного системного анализа правового регулирования цифровизации судопроизводства автором сформулированы выводы и предложения по совершенствованию современного российского законодательства.

В качестве основной особенности феномена цифровизации судебной системы отмечается дуальный характер ее последствий. С одной стороны, цифровизация выступает в качестве инструмента оптимизации процессов судопроизводства, снижения нагрузки на судебный штат, повышения качества и оперативности судебных решений и др. При этом главной задачей цифровизации судопроизводства в условиях стремительного информационно-цифрового развития общества и государства обозначено обеспечение основных прав и свобод граждан и улучшение качества и эффективности работы судебной системы. С другой же стороны, реализация рассматриваемого феномена порождает новые вызовы и риски в сфере информационной безопасности и правового регулирования; риски неопределенности интерпретации базовых теоретико-правовых категорий и пределов использования «информационно-цифровых помощников» в судопроизводстве, нарушения принципа равного доступа к правосудию (ввиду региональных различий уровня цифровой инфраструктуры, технической оснащенности) и др. Среди фундаментальных теоретико-правовых проблем выделяется отсутствие четкого нормативного закрепления понятий «цифровое правосудие» и «цифровизация судопроизводства». В рамках исследования автором предлагаются возможные формулировки указанных понятий и вносится предложение об обновлении терминологического аппарата и формализации ключевых дефиниций в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В части регламентации основных терминов оптимальным решением видится внесение дополнений в подзаконные нормативные акты (ввиду более упрощенного механизма редактирования). Однако на долгосрочную перспективу видится целесообразным принятие отраслевого федерального закона «О цифровом правосудии», направленного на развитие и устойчивое регулирование правоотношений в области цифровизации судопроизводства в России. Отмечены высокая степень важности использования комплексного подхода в регулировании цифровизации судопроизводства и необходимость издания дополнительных Методических рекомендаций, закрепляющих системные положения о пределах и способах использования искусственного интеллекта, включая конкретные скрипты для обеспечения делегируемых задач.

Ключевые слова: цифровизация, судебная система, судопроизводство, цифровое судопроизводство, цифровое правосудие, электронное правосудие

Для цитирования: Грипп Э. Х. Цифровизация судопроизводства как фактор повышения эффективности судебной власти: анализ рисков и перспектив // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 69–77. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.69-77.

© Грипп Э. Х., 2026

Original article

Digitalization of Court Proceedings as a Factor in Increasing the Efficiency of the Judiciary: Analysis of Risks and Prospects

Elvina H. Gripp

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
St. Petersburg, Russian Federation, ElvinaGr@yandex.ru

Abstract. Based on a systematic analysis of the legal regulation of the digitalization of legal proceedings and its practical application, the author formulates conclusions and suggestions for improving modern Russian legislation.

As the main feature of the phenomenon of digitalization of the judicial system the dual nature of the consequences of application is noted. Thus, on the one hand, digitalization acts as a tool to optimize court proceedings, reduce the burden on court staff, improve the quality and timeliness of court decisions, etc. At the same time, the main task of digitalization of court proceedings in the conditions of rapid information and digital development of society and the state is to ensure fundamental rights and freedoms of citizens and improve the quality and efficiency of the judicial system. On the other hand, the realization of the phenomenon in question gives rise to new challenges and risks in the field of information security and legal regulation; risks of uncertainty in the interpretation of basic theoretical and legal categories and limits of the use of "information and digital assistants" in legal proceedings; violation of the principle of equal access to justice (due to regional differences in the level of digital infrastructure and technical equipment), etc.

Among the fundamental theoretical and legal problems is the lack of a clear normative fixation of the concepts of "digital justice" and "digitalization of legal proceedings". Within the framework of the study, the author proposes possible formulations of these concepts and makes a proposal to update the terminological apparatus and formalize key definitions in the short and long term. In terms of regulation of key terms, the optimal solution seems to be the introduction of additions to the subordinate legislation, due to a more simplified mechanism of editing. However, in the long term it seems advisable to adopt a sectoral federal law "On Digital Justice" aimed at the development and sustainable regulation of legal relations in the field of digitalization of legal proceedings in Russia. It is noted that it is highly important to use an integrated approach in regulating the digitalization of court proceedings and to issue additional Methodological Recommendations setting out systemic provisions on the limits and ways of using artificial intelligence, including specific scripts for ensuring delegated tasks.

Keywords: digitalization, judicial system, judicial proceedings, digital legal proceedings, digital justice, e-justice

For citation: Gripp E. H. Digitalization of court proceedings as a factor in increasing the efficiency of the judiciary: analysis of risks and prospects. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):69-77. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.69-77.

Современное общество на этапе своей информационно-технологической эволюции немыслимо без активного вовлечения информационных и цифровых решений как в сферу государственного управления в целом, так и в судопроизводство в частности. При этом цифровизация судопроизводства обладает сложной природой, предполагающей дуальность последствий применения данной системы. Цифровизация, с одной стороны, выступает в качестве инструмента оптимизации процессов судопроизводства, снижения бюрократической нагрузки, повышения качества и оперативности судебных решений, с другой же стороны, порождает новые вызовы и риски в сфере информационной безопасности (как в случае кибератаки на систему ГАС «Правосудие» в 2024 г.), неравенство доступа к электронным сервисам (например, из-за отсутствия технической готовности некоторых субъектов)[1] и др. Такая функциональная дуальность, а так-

[1] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации» (утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 28 февраля 2025 г.). URL: https://www.klerk.ru/yindex.php/v4/attachment/download?id=16305 (дата обращения: 20.06.2025).

же наблюдаемые проблемы правоприменения рассматриваемой категории (фрагментарность нормативного регулирования; различия в уровне «цифровой зрелости» судов и их кадров) обусловливают актуальность и значимость научного осмысления практического применения цифровизации судопроизводства в России.

Необходимо отметить высокую степень актуальности рассматриваемой категории в современных научных трудах. Однако, несмотря на широкое распространение научных исследований цифровизации российского судопроизводства сквозь призму как теоретико-правовых, так и прикладных особенностей, наблюдается большое количество актуальных дискуссионных вопросов, требующих не только научного освещения, но и реализации конкретных правовых решений по их разрешению.

В первую очередь необходимо обратить внимание на вопросы терминологического аппарата и его законодательного закрепления. В научно-правовом поле используются такие понятия, как «цифровизация судопроизводства», «цифровое правосудие», «электронное правосудие» и др. При этом анализ широкого перечня используемых терминов позволил установить наличие значительной терминологической неоднородности и разночтений в соотношении этих категорий.

Официальное закрепление получил лишь термин «электронное правосудие» в Перечне терминов и определений, утвержденном приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, как «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»[2]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что законодатель отождествляет понимание «электронного» и «цифрового» («…в электронном (цифровом) виде»). Однако в доктрине термин «цифровое правосудие» чаще рассматривается как более общее понятие, включающее в себя «не только технологические, но и социальные, этические и правовые аспекты; направленное на улучшение всей системы правосудия с использованием цифровых технологий» [1, с. 27].

В подзаконных нормативных актах закреплено понятие «цифровизация», отождествляемое с термином «цифровое развитие»[3], однако на федеральном уровне все еще отсутствует законодательное закрепление таких категорий, как «цифровое правосудие», «цифровизация» и «цифровизация судопроизводства». Соответственно, как объем, так и границы применения рассматриваемых категорий обладают не полной степенью ясности и определенности, что затрудняет формирование единого подхода к их правовому регулированию и правоприменению. В данном аспекте согласимся с мнением В. Р. Кашапова и Т. С. Касимова о наличии необходимости законодательного разрешения большого количества дискуссионных аспектов, «которые требуют уточнения и дальнейшего развития в сторону исправления для единообразного понимания сущности и структурирования основных его базовых и правовых институтов» [2, с. 588].

Наиболее оптимальным решением видится внесение дополнений в подзаконные нормативные акты. При этом последняя редакция упоминавшегося ранее Перечня терминов и

---

[2] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 (ред. от 28.08.2019) «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

[3] Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2019 г. № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» (документ не был опубликован). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (дата обращения: 20.06.2025).

определений Судебного департамента – 2019 г., что также указывает на необходимость обновления данного акта. С учетом современных научных разработок целесообразным представляется предложение о внесении следующих дополнений, направленных на обеспечение согласованности цифровых решений с процессуальными и юрисдикционными принципами и повышение правовой определенности в сфере регулирования цифрового развития судебной власти. Так, необходимо зафиксировать:

– понятие цифрового правосудия, которое может рассматриваться как комплексная правовая, организационная и технологическая модель осуществления юрисдикционной деятельности, основанная на использовании современных информационно-коммуникационных технологий (включая интеллектуальные системы, в том числе искусственный интеллект, электронный документооборот, автоматизированное распределение дел и др.);

– понятие цифровизации судопроизводства как процесса системного внедрения актуальных цифровых инструментов в процедурную и административную составляющие судебной деятельности.

На долгосрочную перспективу видится целесообразным предложение о разработке и принятии отраслевого федерального закона «О цифровом правосудии в Российской Федерации», что даст возможность обеспечения системного правового регулирования данной области, а также создания условий для устойчивого развития судебной системы в цифровой среде.

Для обозначения основных рисков и перспектив цифровизации российского судопроизводства был проведен сравнительно-правовой и системный анализ действующего нормативного правового регулирования, показывающий наличие широкого перечня концептуально-стратегических правовых актов, в числе которых Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490)[4]; Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.)[5] и др. Однако, несмотря на законодательное признание цифровой трансформации в качестве приоритетного направления развития общества и государства и имеющиеся достижения в реализации базовых аспектов цифровизации и информатизации судебной системы, цифровизация судопроизводства сталкивается с рядом устойчивых и структурных проблем, препятствующих достижению заявленных стратегических целей.

Можно выделить следующие ключевые моменты. Фундаментальной перспективой использования информационных и цифровых технологий в работе судебной системы является решение вопроса высокого уровня загруженности судей и работников судов как наиболее важной проблемы эффективного судопроизводства. Количество судебных обращений и соответствующей «бумажной работы» с каждым годом увеличивается, что подтверждают статистические данные. Например, за 2021–2024 гг. наблюдалась стабильная динамика прироста судебных обращений в Верховный Суд Российской Федерации на 3–5%, при этом «рост обращений в электронной форме составил 32,4%»[6].

Таким образом, изучив аналитико-статистические показатели, можно говорить о том, что использование цифровых технологий в судопроизводстве позволяет снижать уровень нагрузки на штат сотрудников судебной системы путем делегирования технических, операционных задач искусственному интеллекту, автоматизации различных задач судопроизводства через специальные системы (например, ГАС «Правосудие») и др.

---

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

[5] СПС «Гарант».

[6] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации».

При этом анализ зарубежного опыта цифровизации позволяет отметить положительную динамику в успехе использования электронного правосудия, цифровых систем и платформ, что также указывает на глобальные перспективы развития данного института. В контексте цифровой трансформации судебной власти в Российской Федерации представляется целесообразным проанализировать успешные международные модели функционирования электронного судопроизводства с целью возможного заимствования проверенных инструментов и организационно-правовых решений.

В качестве репрезентативных примеров мировой практики, достигших значительного прогресса в сфере цифровизации судебных процессов, обоснованным представляется обращение к опыту *Эстонской Республики*. Именно Эстония в научно-правовом поле рассматривается в качестве «мирового лидера в цифровой трансформации государственных услуг» [3, с. 59], успешный опыт организации которой заимствуют ведущие государства, в том числе страны Европейского Союза. Например, Регламент Европейского Союза eIDAS 2014 г.[7] основан в том числе на эстонских правовых разработках (внедрение унификации электронной подписи, использование e-ID и др.).

Организация рассматриваемого института в Эстонии демонстрирует глобализированный подход, поскольку на практике применяется сквозная цифровизация, включающая несколько базовых принципов:

– преимущественное использование электронных исков (т. е. подача исков, заявлений осуществляется только в электронной форме, и лишь в исключительных случаях – на бумажном носителе), что позволило сократить время обработки исков в четыре раза, поскольку 94% исков подаются электронно [3, с. 61];

– систематизация межведомственного электронного взаимодействия, осуществляемая в Эстонии через платформу X-Road; большинство государственных органов «подключены» к платформе, что позволяет повышать эффективность работы как отдельно каждого из них, так и системы государственного управления вообще, поскольку уменьшается длительность обмена данными между структурами, повышается прозрачность функционирования государственной системы и др. В частности, суд, используя платформу, может в кратчайшие сроки получить электронные данные об участнике судопроизводства (проверка личности, сведения об имуществе и др.);

– автоматизация правосудия через ведение электронного делопроизводства, включающего и отражающего каждый из этапов судопроизводства, что позволяет создавать автоматические электронные картотеки, повышая прозрачность правосудия и снижая функциональную нагрузку на судебный штат по распределению дел и обработке документов, формированию аналитико-статистической отчетности и др.

При этом, безусловно, в обеспечении цифровизации эстонского судопроизводства тоже имеются проблемы, среди которых в качестве основных стоит отметить вопросы обеспечения кибербезопасности (поскольку в Эстонии, как и в России, имеется опыт «успешных» кибератак на цифровые платформы), а также трудности обеспечения массовой цифровой грамотности населения.

В Российской Федерации аналогично, несмотря на положительные результаты и перспективы использования цифровых помощников, ряд практико-применительных аспектов, требуют усиленного внимания и дальнейшего развития, что в первую очередь касается использования Государственной автоматизированной системы «Правосудие». Анализируя отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния ин-

[7] Регламент (ЕС) 910/2014 от 23 июля 2014 г. об электронной идентификации и трастовых услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке. Доступ из СПС «Гарант».

форматизации судебной системы Российской Федерации», можно резюмировать наличие неутешительной динамики работы ГАС «Правосудие»: «Из 47 программных изделий используется всего 27 (57,0%), остальные 20 программных изделий (43,0%) устарели и не используются»[8]. В отчете аудитором также обращается особое внимание на наличие фрагментарного несоответствия программного обеспечения современным технологиям, необходимость импортозамещения программного обеспечения и др.

Среди актуальных проблем обеспечения цифровизации судопроизводства нельзя не отметить неравномерность распределения материально-технических возможностей и институционально-технологического развития. «В 9 субъектах Российской Федерации (10,6% общего количества субъектов), или в 632 участках мировых судей (8,2% от общего числа), отсутствует техническая готовность подключения к модулю "Электронное правосудие" и не осуществляется подача документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»[9]. Таким образом, существуют риски создания неравных условий обеспечения прав и свобод граждан на доступ к правосудию, поскольку региональный контекст вносит коррективы в процесс запланированной цифровизации. В данном аспекте речь также идет и о проблемных вопросах финансирования судебной системы, поскольку внедрение новых информационных и цифровых элементов требует больших материальных вложений[10].

Одним из наиболее актуальных аспектов цифровизации судопроизводства является правовая неопределенность применения искусственного интеллекта, которая отражается в отсутствии четкого понимания пределов использования нейросетей. Некоторые авторы высказывают небезосновательные (с одной стороны) опасения по вопросу использования искусственного интеллекта, говоря о перспективах «замены судьи-человека на судью-робота» [1, с. 29], а также риски «феномена искажения автоматизации (automation bias), который влечет чрезмерное полагание судей на системы ИИ, а вместе с этим – поверхностную оценку ими доказательств» [4, с. 4–5]. С другой стороны, внедрение и использование искусственного интеллекта на современном этапе носит в основном вспомогательный характер, отражающий работу данной системы преимущественно в области технических решений (например, систематизация судебной практики, анализ типовых ошибок в документах и другие задачи, не связанные с непосредственным принятием процессуальных решений). Здесь стоит согласиться с мнением Д. А. Добрякова и А. Д. Евдокимова о необходимости восприятия цифровых и информационно-телекоммуникационных систем не как альтернативы человеческому правосудию, а как инструмента повышения продуктивности и оптимизации деятельности судейского корпуса [5, с. 149].

Следует подчеркнуть, что обозначенная проблематика во многом может быть обусловлена институциональной новизной цифровизации судопроизводства как правового и технологического явления. Формально процесс внедрения цифровых решений в российскую судебную систему начался с запуска ГАС «Правосудие», введенной в 2003 г.[11] Однако полноценное распространение ключевых элементов цифровизации, таких как электронная подача документов, видео-конференц-связь, автоматизированное распределение дел и др., началось

---

[8] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации».

[9] Там же.

[10] Так, в 2024 г. из заявленных потребностей на информатизацию Судебного департамента в 19 309 089,6 тыс. руб. было утверждено 8 380 152,2 тыс. руб. (см. там же).

[11] Постановление Совета судей Российской Федерации от 16 декабря 2003 г. № 170 «О реализации мероприятий федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России" на 2002–2006 годы по информатизации судов общей юрисдикции и задачах в свете федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России" на 2007–2011 годы». Доступ из СПС «Гарант».

значительно позже (в период 2015–2020 гг.), что позволяет квалифицировать данный институт для системы российского правосудия как относительно молодой. Можно предположить, что первоначально приоритет отдавался наращиванию необходимого уровня развития цифровой инфраструктуры, техническому тестированию решений, формированию управленческой практики и обучению участников процесса, накоплению реализационного опыта как основания дальнейшей нормативно-правовой модернизации.

Заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству А. Шейкин заявил: «В скором времени в Государственную Думу могут внести законопроект об использовании нейросетей в судопроизводстве»[12], что видится весьма целесообразным и своевременным. Однако на данном этапе более оптимальна разработка (и дальнейшее издание) общего законопроекта, направленного на развитие и устойчивое регулирование правоотношений в области цифровизации судопроизводства в России. Необходимо отметить высокую степень важности использования комплексного подхода в регулировании цифровизации судопроизводства и издание не только специального федерального закона, но и методических рекомендаций, закрепляющих системные положения о пределах и способах использования искусственного интеллекта в рамках судопроизводства и правосудия, включая конкретные скрипты для обеспечения делегируемых задач, и др.

Однако стоит отметить, что для более эффективного правоприменения указанных нормативных актов необходимы организация подготовительных этапов, состоящих из сбора и оформления аналитико-статистических данных, выявление и обсуждение на государственном и межгосударственном уровнях основополагающих проблем и перспектив применения цифровизации в судопроизводстве, обмен опытом и др. Разработка и принятие специального федерального закона «О цифровом правосудии» представляет собой сложную институциональную и правотворческую задачу, требующую системного подхода, основанного на предварительном нормативном, эмпирическом и организационно-правовом анализе.

В качестве одного из важнейших этапов перспективным видится проведение комплексной всероссийской оценки состояния цифровизации судопроизводства, в которую могут быть включены: системный правовой анализ нормативно-правового регулирования, в том числе подзаконных актов и внутренних регламентов; статистика и оценка применения цифровых систем по регионам; оценка готовности инфраструктуры, кадров и финансирования и др.

Такой анализ может быть проведен совместно Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации как органом, обеспечивающим организационную деятельность судов общей юрисдикции, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Счетной палатой Российской Федерации, с подключением ведущих вузов страны для организации и обеспечения научного анализа и научно-правового обоснования необходимости регулирования рассматриваемой области (возможно, в рамках проведения научной конференции). По результатам комплексной всероссийской оценки также необходимо опубликование Национального доклада о цифровизации судопроизводства в России.

Следующим этапом, ввиду стратегической значимости вопросов цифровизации судопроизводства в контексте государственной политики в сфере цифровой трансформации и развития государственного управления, может стать проведение национального совещания (форума) по вопросам цифровой трансформации правосудия с участием Президента Российской Федерации и представителей государственных структур, руководителей субъектов Российской Федерации, представителей научного и экспертного сообщества. Организация и проведение подобного форума необходимы для формирования консолидированной государственной позиции по направлению и границам цифровизации судебной системы, с последующим

[12] Законопроект о применении нейросетей в судопроизводстве готовят к внесению в Госдуму // Медиа новости. 17.04.2025. URL: https://www.bfm.ru/news/571725 (дата обращения: 23.06.2025).

поручением о подготовке проекта федерального закона с учетом данных Национального доклада о цифровизации судопроизводства в России.

В условиях трансформации судебной власти под влиянием цифровых и интеллектуальных технологий особую значимость приобретает также и формирование устойчивых международных каналов институционального сотрудничества, поскольку исключительно национальных усилий для эффективного и безопасного внедрения цифровых решений в правосудие бывает недостаточно. Заостряя внимание на межгосударственном и институциональном сотрудничестве, считаем перспективным проведение Международного саммита по цифровизации судопроизводства с участием:

– Эстонии как государства – лидера в сфере организации и функционирования цифрового государственного управления, участие которой даст возможность заимствования успешного опыта работы не только электронных судов, но и межведомственного электронного взаимодействия;

– Китайской Народной Республики как лидера в сфере производства и интеграции передовых технологий. Несмотря на узкоспециализированное использование электронного судопроизводства в Китае («умный суд» действует как специальный суд, и такое электронное производство применяется только для дел, связанных с правонарушениями, совершенными в интернет-пространстве и с использованием сети «Интернет»), достижения Китая в современных цифровых разработках признаны ведущими на международной арене, что также может служить объектом заимствования для опыта других стран, в частности Российской Федерации и Эстонии.

При этом важно отметить, что политика проведения саммита должна основываться на обмене не только успешным, но и отрицательным опытом организации и интеграции цифровых технологий в государственное управление и судопроизводство, что позволит избежать декларативного характера проводимого мероприятия и повысить эффективность интеграций и заимствований опыта государств. Указанные государства-участники, несмотря на различие политико-правовых систем и стратегий цифровизации, сталкиваются с общими проблемами, которые отражаются в: обеспечении кибербезопасности и защите персональных данных; правовом обеспечении границ применения искусственного интеллекта и «цифровых помощников», организации цифровой грамотности населения и сотрудников и др.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть особую значимость интеграции современных цифровых решений в сферу российского судопроизводства, поскольку уровень информационно-технологического развития судебной системы напрямую коррелирует с ее институциональной эффективностью и способностью обеспечивать доступное, своевременное и качественное правосудие. Использование автоматизированных систем, искусственного интеллекта и других цифровых возможностей в судопроизводстве призвано в первую очередь снизить нагрузку судебного штата через делегирование базовых технических и рутинных задач (систематизация, создание картотек, информационный обмен, заполнение форм, транскрибирование, сбор информации и другие задачи). Это дает возможность совершенствования судопроизводства в части повышения уровня прозрачности и доступности правосудия, сокращения сроков рассмотрения дел, оптимизации внутренней судебной логистики и др.

Однако новые возможности и перспективы также порождают новые вызовы и риски, среди которых в особенной степени стоит выделить необходимость усиленного правового регулирования с учетом комплексного подхода, поскольку отсутствие четких законодательных ориентиров влечет за собой риск фрагментарного правоприменения, неопределенности интерпретации базовых теоретико-правовых категорий и пределов использования «информационно-цифровых помощников» в судопроизводстве, а также риски нарушения принци-

па равного доступа к правосудию (ввиду региональных различий уровня цифровой инфраструктуры, технической оснащенности и соответствующего финансирования) и др.

В связи с этим предлагаются внесение дополнений в подзаконные акты, а также разработка и принятие специального федерального закона «О цифровом правосудии в Российской Федерации», подкрепленного предварительными этапами подготовки (проведение Всероссийской оценки состояния цифровизации судопроизводства; организация национального форума с участием Президента и представителей государственных структур и др.). Такой шаг обеспечит комплексность и преемственность цифровой трансформации судопроизводства, снизит риски правовой неопределенности и создаст основу для безопасного внедрения интеллектуальных технологий в процесс отправления правосудия.

Список источников

1. Журавлева М. Д. Цифровизация гражданского судопроизводства: вызов правосудию или благо для современного общества // Социальные нормы и практики. 2024. № 2. С. 22–35.

2. Кашапов В. Р., Касимов Т. С. Понятие и признаки цифровизации в публичном праве Российской Федерации // Вопросы российской юстиции : сетевое изд. 2023. № 27. С. 584–590.

3. Грудцына Л. Ю. Цифровое правосудие в Эстонии // Цифровое право. 2024. № 4. С. 59–65.

4. Дрозд Д. О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 249 с.

5. Добряков Д. А., Евдокимов А. Д. К вопросу о перспективах использования цифровых технологий в судопроизводстве // Закон и право. 2025. № 3. С. 144–150.

References

1. Zhuravleva M. D. Digitalization of civil proceedings: a challenge to justice or a benefit for modern society. *Social Norms and Practices*. 2024;(2):22-35. (In Russ.)

2. Kashapov V. R., Kasimov T. S. The concept and signs of digitalization in the public law of the Russian Federation. *Voprosy rossijskoj yustitsii = Issues of Russian Justice*. E-edition. 2023;(27):584-590. (In Russ.)

3. Grudtsina L. Yu. Digital justice in Estonia. *Digital Law*. 2024;(4):59-65. (In Russ.)

4. Drozd D. O. *Procedural forms of using artificial intelligence elements in modern arbitration and civil proceedings*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 249 p. (In Russ.)

5. Dobryakov D. A., Evdokimov A. D. To the issue of the using digital technologies in legal proceedings prospects. *Law and Legislation*. 2025;(3):144-150. (In Russ.)

Информация об авторе

Э. Х. Грипп – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Information about the author

E. H. Gripp – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the State and Legal Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 05.07.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 15.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 78–85
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 78–85
УДК 349.2 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.78-85

Научно-практическая статья

Судебная практика защиты прав и правовых интересов участников «фактических трудовых отношений»

Валентин Валентинович Ершов (мл.)
Москва, Российская Федерация, ershov_valentin@mail.ru

Аннотация. Трудовые споры, связанные с защитой прав и правовых интересов участников фактических трудовых правоотношений, активно исследуются в специальной юридической литературе. Вместе с тем в связи с недостаточно определенными способами защиты трудовых прав, установленными в Трудовом кодексе Российской Федерации, единая точка зрения так и не выработана. Автор свою позицию сформулировал на основе анализа актуальной судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по соответствующим делам.
Наряду с общим диалектическим методом познания использованы общенаучные и общетеоретические методы познания – анализ, синтез, дедукция, индукция, логический и системный, а также частнонаучные методы – формально-логический, юридического анализа и исторический.
На основе анализа судебной практики автор пришел к выводу о дискуссионности способа защиты, установленного ст. 19.1 Трудового кодекса Российской Федерации. Это позволило разработать предложение о дополнении раздела «Общие положения» Трудового кодекса Российской Федерации статьей «Способы защиты трудовых прав и правовых интересов», охватывающей способы, предусмотренные федеральным законом.

Ключевые слова: трудовые правоотношения, фактические трудовые правоотношения, правовые интересы, законные интересы, фактические отношения, основополагающие, общие и сингулярные (специальные) правовые регуляторы, институт аналогии, признаки «сходных» правоотношений, установление факта трудовых правоотношений, судебное решение о заключении трудового договора

Для цитирования: Ершов В. В. (мл.). Судебная практика защиты прав и правовых интересов участников «фактических трудовых отношений» // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 78–85. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.78-85.

Scientific and practical article

Judicial Practice on Protecting the Rights and Legal Interests of Participants in "De Facto Employment Relationships"

Valentin V. Ershov, Jr.

Moscow, Russian Federation, ershov_valentin@mail.ru

Abstract. Labor disputes concerning the protection of the rights and legal interests of participants in de facto employment relationships are actively explored in specialized legal literature. However, authors present diverse viewpoints due to the insufficiently defined methods of protection established in the Labor Code of the Russian Federation. This article analyzes the current judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation.
In accordance with the general dialectical method of cognition, general scientific and general theoretical methods of cognition were employed – analysis, synthesis, deduction, induction, logical and systemic

© Ершов В. В. (мл.), 2026

approaches – as well as specialized scientific methods, including formal-logical, legal analysis, and historical methods.
Based on an analysis of judicial practice, the author concludes that the method of protection established in Art. 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation is subject to debate. This has led to the development of a proposal to supplement the "General Provisions" section of the Labor Code of the Russian Federation with an article titled "Methods of Protecting Labor Rights and Legal Interests," encompassing methods provided for by federal law.

Keywords: employment relationships, de facto employment relationships, legal interests, legitimate interests, factual relationships, fundamental, general, and specific (special) legal regulators, doctrine of analogy, characteristics of "similar" legal relationships, determination of the existence of employment relationships, court decision ordering the conclusion of an employment contract

For citation: Ershov V. V., Jr. Judicial practice on protecting the rights and legal interests of participants in "de facto employment relationships". *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):78-85. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.78-85.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова в докладе «Защита трудовых прав как одно из приоритетных направлений деятельности института уполномоченных по правам человека» подчеркнула важность этого направления деятельности и отметила, что только в 2018 г. к Уполномоченному поступило 1611 обращений по вопросам трудовых правоотношений. При этом среди поступивших обращений 239 – по поводу оформления «трудовых отношений», причем многие из них связаны с судебными спорами о признании отношений трудовыми [1, с. 18, 20]. В докладах 2016–2024 гг. о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в целом констатируется, что особую значимость приобретают вопросы о защите прав работников, которые были привлечены к работе без надлежащего оформления трудовых отношений; о признании неоформленных отношений трудовыми посредством закрепления презумпции наличия трудовых отношений при доказанности факта выполнения работы.

Действительно, Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ[1] ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации дополнена частью третьей, согласно которой трудовые отношения между работником и работодателем возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен. Вместе с тем между участниками «фактических трудовых отношений», как правило, заключаются гражданско-правовые договоры, в том числе возмездного оказания услуг, либо иные неопределенные соглашения сторон [2].

Такого рода практика обусловила введение Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ[2] в ТК РФ ст. 19.1 «Трудовые отношения, возникающие на основании трудового договора в результате признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями». В соответствии с данной статьей, если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии в порядке, установленном частями первой – третьей настоящей статьи, были признаны трудовыми отношениями, такие трудовые отношения между работником и работодателем считаются возникшими со дня фактического допуще-

[1] Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[2] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О специальной оценке условий труда"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6986.

ния физического лица, являющегося исполнителем по указанному договору, к исполнению предусмотренных указанным договором обязанностей. В результате установления такого, на мой взгляд, недостаточно определенного правового регулирования «фактических трудовых отношений» в суды поступают исковые требования о признании сложившихся отношений трудовыми.

В этом вопросе возникла разнообразная судебная практика.

Например, истец С. обратился в суд первой инстанции с исковым требованием о признании трудовыми отношений, возникших на основании гражданско-правовых договоров, об обязании внести запись о работе в трудовую книжку, произвести отчисления обязательных взносов, о взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск, компенсации за несвоевременную выплату денежных средств, компенсации морального вреда. В обоснование исковых требований С. указал, что с января 2021 г. по июнь 2023 г. работал по договорам возмездного оказания услуг. Ответчик иск не признал, заявил о пропуске без уважительных причин установленного ч. 2 ст. 392 ТК РФ годичного срока обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора.

Решением суда первой инстанции исковые требования гражданина С. удовлетворены частично. Отношения, возникшие между сторонами на основании гражданско-правовых договоров, признаны трудовыми, на ответчика возложена обязанность внести в трудовую книжку истца С. запись о работе.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам решение суда первой инстанции было частично изменено. Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение суда апелляционной инстанции отменено, оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации сделала обоснованный вывод о том, что кассационным судом общей юрисдикции допущены существенные нарушения материального и процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и правовых интересов участников фактических правоотношений[3]*.*

Действительно, согласно ч. 1 ст. 14 ТК РФ течение сроков, с которыми настоящий Кодекс связывает возникновение трудовых прав и обязанностей, начинается с календарной даты, которая и определяет начало возникновения указанных прав и обязанностей. Такой датой считается для трудовых отношений, ставших предметом спора в суде, дата вынесения соответствующего решения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации поэтому обоснованно подчеркнула, что, будучи определены судом как трудовые, отношения между сторонами подлежат оформлению в установленном порядке. Только после признания их таковыми судом возникает право работника требовать распространения на такие отношения норм трудового права. Именно наличие трудовых (но не гражданско-правовых!) отношений между сторонами установлено решением суда первой инстанции. Следовательно, суд апелляционной инстанции принял обоснованное решение о том, что гражданин С. не нарушил годичный срок обращения в суд с названными требованиями. Не согласившись с этим выводом, кассационный суд общей юрисдикции высказал суждение о том, что такой вывод противоречит установленным по делу обстоятельствам и положениям ч. 2 ст. 392, ч. 6 ст. 136 ТК РФ. Кассационный суд общей юрисдикции исходил из того, что трудовые отношения между сторонами имели место с другой даты, и оставил в силе решение суда первой инстанции.

С тем, чтобы внести ясность и определенность в решение данного вопроса, обратимся к позиции высшего суда государства.

---

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2024 г. № 64-КГ24-4-К9. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

В абзаце третьем п. 24 Постановления от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»[4] Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал толкование правовых регуляторов «трудовых отношений», что имеет существенное значение для данной категории судебных споров. Согласно толкованию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если стороны заключили гражданско-правовой договор, но в ходе судебного разбирательства установлено, что этим договором регулируются фактически трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям в силу ч. 4 ст. 11 ТК РФ применяются положения трудового права. Течение сроков, с которыми Трудовой кодекс связывает возникновение трудовых прав и обязанностей, в этом случае начинается с календарной даты, которой определено начало возникновения указанных прав и обязанностей (ч. 1 ст. 14).

Принимая во внимание разъяснение в названном Постановлении Пленума Верховного Суда, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определила: право признать имевшие место отношения трудовыми возникает только после признания их судом таковыми. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации аргументированно подчеркнула, что именно из такого толкования течения сроков исходил суд апелляционной инстанции, сделавший вывод: отношения между сторонами были признаны трудовыми только в судебном порядке. Таким образом, срок обращения в суд не был пропущен.

Следовательно, истец С. не пропустил установленный ч. 2 ст. 392 ТК РФ срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора. Кроме того, гражданин С. обратился в суд с исковыми требованиями о взыскании заработной платы и других выплат одновременно с исковыми требованиями о признании отношений трудовыми. В этой связи суд апелляционной инстанции обоснованно применил нормы Трудового кодекса Российской Федерации.

Иное применение ч. 2 ст. 392 ТК РФ, как определила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, было бы спорным, поскольку права гражданина как экономически более слабой стороны в отношениях с работодателем не будут защищены в полном объеме в нарушение ст. 2 ТК РФ об основных принципах регулирования трудовых отношений и иных связанных с ними отношений. В таком случае не будет обеспечена и гарантированная ст. 37 Конституции Российской Федерации защита трудовых прав, беспрепятственная реализация которых является необходимым условием достойного человека существования – как самого работника, так и членов его семьи. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла на этом основании к следующему выводу: нельзя признать законным определение кассационного суда общей юрисдикции, принятое с существенными нарушениями норм материального права, без устранения которых невозможна защита прав гражданина С. Согласно же ст. 390.14 ГК РФ это является основанием для отмены указанного судебного постановления и оставления в силе апелляционного определения суда апелляционной инстанции, разрешившего спор по исковым требованиям гражданина С. в соответствии с законом.

Достаточно подробный разбор дела важен для всех подобных трудовых споров, а их, как известно, довольно много.

Необходимо упомянуть, что 8 октября 2025 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Обзор судебной практики № 3 (2025), включающий в том числе проанализированное Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. В дополнение к изложенному по рассмотренному делу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации обоснованно констати-

[4] Российская газета. 2018. 6 июня.

ровала, что право на взыскание заработной платы и других выплат, причитающихся гражданину С. как работнику, было нарушено ответчиком с даты признания отношений трудовыми. До этой даты было бы возможно обратиться в суд с исковыми требованиями о нарушении не прав, а правовых интересов, так как право гражданина С. на данные выплаты судом еще не было установлено. В связи с этим укажу: как известно, в ч. 2 ст. 353 ТК РФ содержится термин «законные интересы». На мой взгляд, поскольку правовое регулирование трудовых правоотношений включает не только «законы», но и другие правовые регуляторы трудовых правоотношений, в Трудовом кодексе Российской Федерации и других национальных правовых актах теоретически более обоснованно применять термин «правовые интересы». В связи с этим предлагаю указанную статью назвать «Судебная защита прав и правовых интересов участников фактических трудовых правоотношений». Кроме того, как представляется, в Трудовом кодексе Российской Федерации термин «трудовые отношения» целесообразно заменить термином «трудовые правоотношения». В результате закрепления этого термина в ч. 3 ст. 16 ТК РФ логичным было бы введение термина «фактические трудовые правоотношения».

Анализируя затронутые в статье проблемы, научные работники нередко исследуют Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 597-О-О[5], также касающееся установления правовой природы договоров возмездного оказания услуг.

Согласно данному Определению установлено, что гражданкой Р. и ответчиком неоднократно заключались договоры на оказание услуг. Р. обратилась в суд с иском о признании сложившихся отношений трудовыми. Решением от 18 июля 2007 г. суда первой инстанции истице было отказано в исковых требованиях о признании существующих отношений трудовыми, возложении обязанности внести в трудовую книжку запись о приеме на работу, взыскании заработной платы и других выплат. Жалоба Р. в порядке надзора также не была удовлетворена.

Конституционный Суд Российской Федерации по этому делу признал, что договорно-правовыми формами могут быть как трудовой договор, так и гражданско-правовые договоры. По вопросу оценки несогласия гражданки Р. с вынесенными по ее делу судебными решениями Конституционный Суд Российской Федерации определил, что правильность применения закона при разрешении конкретного дела не относится к его полномочиям.

Комментируя это Определение Конституционного Суда Российской Федерации, согласимся с мнением заявительницы относительно того, что оспариваемые ею положения закона позволяют работодателям, ссылаясь на отсутствие в штатном расписании соответствующих должностей, заключать с работниками вместо трудовых договоров договоры гражданско-правового характера, нарушая тем самым конституционный принцип свободы труда.

Еще более показательным представляется Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 957-О[6]. В данном Определении относительно иска гражданина Я., оспаривающего конституционность ст. 19.1 ТК РФ, которая определяет порядок признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями, Конституционный Суд сделал вывод о том, что разрешение вопроса об отнесении отношений, в которые вступил заявитель, к трудовым или гражданско-правовым связано с исследованием фактических обстоятельств конкретного дела, что не относится к полномочиям Конституционного Суда.

---

[5] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации».

[6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 957-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якимова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 19.1 Трудового кодекса Российской Федерации».

В связи с рассмотренными в статье вопросами уместно напомнить, что специалисты в сфере трудового права достаточно активно исследуют разнообразные проблемы регулирования трудовых правоотношений. Например, И. Ю. Воронов выделил три группы мнений отечественных научных работников относительно применения гражданско-правовых договоров к фактическим трудовым отношениям, причем в первой такая возможность отрицается, но есть поддерживающая эту точку зрения вторая группа исследователей. В третью группу входят те, кто признает возможность применения гражданско-правовых регуляторов в определенных условиях [2, с. 38]. Известный ученый Л. С. Таль теоретически обоснованно подчеркивал необходимость разграничения общих и сингулярных (от лат. singularis) особенных (специальных) норм, по сути – основополагающих, общих и специальных правовых регуляторов, прежде всего трудовых правоотношений [3, с. 398]. Л. Я. Гинцбург, признавая правовые регуляторы трудовых правоотношений самодостаточными, а потому автономными, сделал излишне категорический, по-моему, вывод, о том, что они не нуждаются в какой-либо внешней поддержке [4]. В качестве такой «внешней поддержки» в случаях пробелов в трудовом праве, полного или частичного отсутствия правовых регуляторов трудовых правоотношений, считаю возможным применение основополагающих принципов права, в том числе закрепленных в Конституции Российской Федерации. В. Г. Сойфер без убедительного правового обоснования сформулировал вывод об отсутствии нужды в гибких формах регулирования труда [5, с. 44].

В. А. Процевский и В. Н. Коваль, по сути, разделяют третье мнение, считая, что имеется тенденция к усилению перекрестного диалога между трудовым и гражданским правом, осуществляемого через использование института аналогии [6, с. 346]. Как известно, в п. 1 ст. 6 ГК РФ действительно предусмотрен институт аналогии, однако для регулирования лишь «сходных отношений». На мой взгляд, В. А. Процевский и В. Н. Коваль не привели необходимых правовых аргументов, доказывающих наличие сходных признаков трудовых и гражданских правоотношений.

Многие известные российские ученые признавали возможность применения аналогии права, но только лишь в ситуации действительно сходных правоотношений. Так, М. С. Строгович отрицал применение института аналогии при отсутствии сходства[7]. В свою очередь А. А. Старченко в специальной работе, изданной еще в 1961 г., аргументированно подчеркивал, что по аналогии «устанавливаются» только «сходные» признаки различных социальных явлений [7, с. 36].

По-моему, «соблюдение определенных условий» применения по аналогии гражданско-правовых регуляторов к трудовым правоотношениям – весьма неопределенное средство их реализации, что на практике может привести (и в действительности приводит) к нарушениям прав и правовых интересов участников трудовых правоотношений.

В соответствии с ч. 1 ст. 352 ТК РФ каждый имеет право защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. К сожалению, на практике нередко в суд обращаются с самыми разнообразными и весьма неопределенными требованиями, которые должен был бы разрешить работодатель в случаях своевременного заключения трудового договора. Так, учитывая редакцию ст. 19.1 ТК РФ, участники фактических «трудовых отношений» зачастую обращаются в суд с исковыми требованиями не только о признании отношений трудовыми, но и обязанности внести запись о работе в трудовую книжку, произвести отчисление обязательных взносов, о взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за неиспользованный отпуск, компенсации за несвоевременную выплату денежных средств, компенсации морального вреда и даже компенсации за несвоевременную выплату компенсации отпускных. Это происходит потому, что в ч. 3 ст. 352 ТК РФ не установлены конкретные способы судебной защиты, лишь констатировано – «судебная защита».

[7] *Кечекьян С. Ф., Маньковский Б. С., Строгович М. С. и др.* Теория государства и права : учеб. для высш. учеб. заведений / ред. М. П. Карева. М. : Госюриздат, 1949. С. 431.

В то же время в ГК РФ имеется значимая ст. 12 «Способы защиты гражданских прав», в которой установлены некоторые конкретные способы защиты, в том числе признание права и восстановление положения, существовавшего до нарушения права, а также пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Учитывая анализ способов судебной защиты прав и правовых интересов участников «фактических трудовых правоотношений», обратим внимание на последний абзац ст. 12 ГК РФ: здесь четко закреплено, что защита осуществляется также иными способами, предусмотренными законом (но не способами, не запрещенными законом, как это имеет место в ч. 1 ст. 352 ТК РФ).

При таком правовом регулировании трудовых правоотношений некоторые исследователи на основании ст. 19.1 ТК РФ считают возможным признавать «подмену трудовых отношений различными путями» [8, с. 42]. А. Сапфирова, как и многие другие исследователи в сфере трудового права, полагает, что возможно обратиться в суд с заявлением об установлении факта трудовых отношений [8]. Считаю такой способ защиты весьма непродуктивным, очевидно недостаточным, а судебный акт, принятый с использованием такого способа защиты, – неисполнимым.

Изложенные ситуации сложные и теоретически, и на практике. В целях их решения считаю обоснованным сформулировать соответствующие выводы и предложения.

1. В абзаце 5 ч. 2 ст. 16 ТК РФ закреплен такой способ защиты прав и правовых интересов участников фактических трудовых правоотношений, как вынесение судебного решения о заключении трудового договора с указанием его обязательных условий, предусмотренных ч. 2 ст. 57 ТК РФ. Как известно, трудовые правоотношения возникают в том числе на основании фактического допущения к работе в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен (ч. 3 ст. 16 ТК РФ). Следовательно, надлежащим образом оформить трудовой договор с фактическим работником – это не право, а *обязанность* фактического работодателя. Отказ в заключении трудового договора может быть обжалован в суд (ч. 6 ст. 64 ТК РФ «Гарантии при заключении трудового договора»).

2. Принимая во внимание сложившуюся современную судебную практику, считаю целесообразным объективно проанализировать действительные последствия принятия ст. 19.1 «Трудовые отношения, возникающие на основании трудового договора в результате признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями» Трудового кодекса Российской Федерации. На мой взгляд, учитывая разнообразную практику судов различных инстанций и многочисленные обращения работников в Верховный Суд Российской Федерации, возможно сделать вывод о том, что данная ст. 19.1 ТК РФ является недостаточно эффективной, следовательно, подлежит исключению.

3. С целью более эффективной защиты прав и правовых интересов участников трудовых правоотношений считаю целесообразным и обоснованным дополнение раздела «Общие положения» Трудового кодекса Российской Федерации статьей «Способы защиты трудовых прав и правовых интересов». Вношу предложение следующей редакции этой статьи:

«Защита трудовых прав и правовых интересов осуществляется посредством:

– признания прав и правовых интересов;

– прекращения гражданских или иных правоотношений и признания трудовых правоотношений;

– вынесения судебного решения о заключении трудового договора со дня допущения фактического работника к выполнению трудовых обязанностей управомоченными субъектами фактических трудовых правоотношений;

– компенсации морального вреда;

– иными способами, предусмотренными федеральными законами».

Список источников

1. Москалькова Т. Н. Защита прав человека в современном мире : сб. ст., выступлений и интервью : в 2 т. Т. 1. М. : Проспект, 2025. 592 с.

2. Воронов И. Ю. Применение правовых регуляторов гражданских правоотношений при разрешении трудовых споров // Российское правосудие. 2024. № 10. С. 37–51.

3. Таль Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование : в 2 ч. Ч. 1 : Общие учения. Ярославль : Тип. губ. правления, 1913. XII, 422 с.

4. Гинцбург Л. Я. Соотношение советского трудового и гражданского права // Советское государство и право. 1978. № 1. С. 62–68.

5. Сойфер В. Г. Стабильность и динамика трудового правоотношения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатернбург, 2005. 48 с.

6. Процевский В. А., Коваль В. Н. Применение гражданско-правового института аналогии при регулировании общественных отношений в сфере труда // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 4. С. 340–348.

7. Старченко А. А. Роль аналогии в познании. М. : Высш. шк., 1961. 52 с.

8. Сапфирова А. «Скрытые» трудовые отношения: проблемы защиты трудовых прав работников // Вопросы трудового права. 2015. № 3. С. 41–47.

References

1. Moskalkova T. N. *Protection of human rights in the modern world.* Collection of articles, speeches and interviews. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Prospekt; 2025. 592 p. (In Russ.)

2. Voronov I. Yu. The use of legal regulators of civil relations in the resolution of labor disputes. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(10):37-51. (In Russ.)

3. Tal L. S. *Labor contract: a civilistic study.* In 2 pts. Pt. 1: General exercises. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government; 1913. XII, 422 p. (In Russ.)

4. Gintsburg L. Ya. Correlation of Soviet labor and civil law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law.* 1978;(1):62-68. (In Russ.)

5. Soifer V. G. *Stability and dynamics of labor law relations.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2005. 48 p. (In Russ.)

6. Protsevsky V. A., Koval V. N. Application of the civil law institute of analogy in the regulation of public relations in the field of labor. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences.* 2021;7(4):340-348. (In Russ.)

7. Starchenko A. A. *The role of analogy in cognition*. Moscow: Vysshaya shkola; 1961. 52 p. (In Russ.)

8. Saphirova A. The labor relations hidden: problem of protection of the labor law of workers. *Voprosy trudovogo prava = Labor Law Issues*. 2015;(3):41-47. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Ершов (мл.) – кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Ershov, Jr. – Candidate of Science (Law).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 86–93
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 86–93
УДК 343.14 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.86-93

Научная статья

Документы-доказательства в уголовном процессе стран континентальной Западной Европы: сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования

Татьяна Геннадьевна Бородинова[1], Роман Валерьевич Костенко[2]

[1, 2] Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

[1] tgborodinova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3123-5630

[2] rom-kostenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5807-6871

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования документальных доказательств в уголовном процессе стран континентальной Западной Европы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения зарубежного опыта правового регулирования документов в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства и отсутствием комплексных компаративистских работ по данной проблематике. Исследование проводится по текстам уголовно-процессуальных кодексов европейских государств, включая Германию, Францию, Италию, Испанию, скандинавские страны и другие юрисдикции романо-германской правовой семьи.

Применялись сравнительно-правовой метод, системный анализ нормативных актов и исторический подход при изучении эволюции доказательственного права. Авторы анализируют переход от формальной системы доказательств к принципу свободной оценки, что создало предпосылки для гибкого подхода к документальным доказательствам. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на правовое регулирование, появлению новых форм электронных доказательств и адаптации традиционных правовых институтов к технологическим вызовам. В результате исследования установлено, что европейские правовые системы не используют прямого аналога российского термина «иные документы», но функционально признают широкий спектр документальных доказательств через различную терминологию и процессуальные механизмы.

Выявлены три основных подхода к регулированию: расширительное толкование понятия «документ», прямое включение электронных документов в законодательство, создание специальных процедур защиты конфиденциальной информации. Исследование показывает способность континентальных правовых систем к адаптации в условиях технологических изменений при сохранении фундаментальных принципов справедливого уголовного судопроизводства. Результаты могут быть использованы для совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства в части регулирования документальных доказательств.

Ключевые слова: документальные доказательства, уголовный процесс, цифровые доказательства, доказательственное право, романо-германская правовая семья, технологические вызовы

Для цитирования: Бородинова Т. Г., Костенко Р. В. Документы-доказательства в уголовном процессе стран континентальной Западной Европы: сравнительно-правовой анализ за-

© Бородинова Т. Г., Костенко Р. В., 2026

конодательного регулирования // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 86–93. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.86-93.

Original article

Documentary Evidence in Criminal Proceedings of Continental Western European Countries: A Comparative Legal Analysis of Legislative Regulation

Tatiana G. Borodinova[1], Roman V. Kostenko[2]

[1, 2] North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation
[1] tgborodinova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3123-5630
[2] rom-kostenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5807-6871

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the legislative regulation of documentary evidence in the criminal procedure of continental Western European countries. The relevance of the study is determined by the need to examine foreign experience in the legal regulation of documents under the conditions of digital transformation of criminal proceedings, as well as by the lack of comprehensive comparative works on this issue. The research is based on the criminal procedure codes of European states, including Germany, France, Italy, Spain, the Scandinavian countries, and other jurisdictions of the Romano-Germanic legal family.
The study employs the comparative legal method, a systematic analysis of normative acts, and a historical approach to the evolution of evidentiary law. The authors analyze the transition from the formal system of evidence to the principle of free evaluation, which created the prerequisites for a flexible approach to documentary evidence. Special attention is given to the impact of digitalization on legal regulation, the emergence of new forms of electronic evidence, and the adaptation of traditional legal institutions to technological challenges. The study establishes that European legal systems do not employ a direct analogue of the Russian term “other documents”, but functionally recognize a wide range of documentary evidence through diverse terminology and procedural mechanisms.
Three main approaches to regulation are identified: expansive interpretation of the concept of “document”, direct incorporation of electronic documents into legislation, and the establishment of special procedures for protecting confidential information. The research demonstrates the ability of continental legal systems to adapt under technological change while preserving the fundamental principles of fair criminal proceedings. The findings may be used to improve Russian criminal procedure legislation concerning the regulation of documentary evidence.

Keywords: documentary evidence, criminal proceedings, digital evidence, evidence law, Romano-Germanic legal family, technological challenges

For citation: Borodinova T. G., Kostenko R. V. Documentary evidence in criminal proceedings of continental Western European countries: a comparative legal analysis of legislative regulation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):86-93. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.86-93.

Проблема правового регулирования использования документов как доказательств в уголовном судопроизводстве приобретает особую актуальность в условиях стремительной цифровизации общественных отношений и появления новых форм фиксации информации. Современные правовые системы континентальной Европы демонстрируют различные подходы к определению места и роли документов в системе уголовно-процессуальных доказательств, что обусловливает необходимость комплексного исследования данной проблематики. Эволюция понятия «документ» от традиционных письменных актов к современным электронным носителям информации требует переосмысления классических доктринальных подходов и адаптации правовых механизмов к новым технологическим реалиям.

Исторически развитие доказательственного права в континентальной Европе характеризовалось переходом от формальной системы доказательств к свободной оценке доказательств. Этот процесс, начавшийся в XVIII–XIX вв., создал предпосылки для гибкого под-

хода к различным видам доказательств, включая документы. В прошлом закон строго определял, какие виды доказательств допустимы и какую доказательственную силу они имеют. Современный подход, напротив, основан на принципе свободной оценки доказательств, который позволяет принимать решения на основе внутреннего убеждения, сформированного в ходе состязательного правосудия. Отказ от строгих, заранее определенных правил позволяет субъектам уголовной юрисдикции адаптироваться к изменяющимся реалиям, в частности к появлению новых типов доказательств, таких как цифровые данные, которые не могли быть предусмотрены законодательством прошлого. Принцип свободной оценки является ключевым фактором, который делает феномен «документов» функционально возможным в современном доказательственном праве, поскольку субъекты уголовной юстиции могут оценивать любые формы документации, если они не противоречат закону, и определять их ценность для уголовного дела. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство не всегда должно успевать за технологическим прогрессом, так как судебная практика, основанная на этом принципе, может использовать новые виды доказательств, не запрещенные законом.

Современная концепция документальных доказательств формировалась под влиянием нескольких факторов: развития письменности и делопроизводства, появления технических средств фиксации информации, а также необходимости противодействия новым формам преступности, связанным с использованием информационных технологий.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что большинство европейских правовых систем, принадлежащих к романо-германской правовой семье, признают документы в качестве самостоятельного вида доказательств, однако используют для этого различную терминологию и процессуальные формы.

Наиболее детализированный подход к регулированию документальных доказательств демонстрирует *итальянское* уголовно-процессуальное законодательство. Статья 234 Уголовно-процессуального кодекса Италии[1] прямо предусматривает возможность «приобщения письменных или иных документов, представляющих факты, лица или вещи... посредством фотографии, кинематографии, фонографии или любым иным способом». Данная формулировка является наиболее близкой к термину «иные документы», используемому в российском уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 84 УПК РФ), поскольку она охватывает широкий спектр материальных носителей информации, включая современные цифровые форматы.

Итальянская уголовно-процессуальная система дополнительно регулирует документальные доказательства посредством ст. 234-bis, 235–236 и 240, которые устанавливают особые правила для электронных документов и данных, содержащихся в информационных системах. Статья 234-bis специально посвящена документам в электронной форме и данным, содержащимся в архивах автоматизированной обработки, что свидетельствует о проактивном подходе итальянского законодателя к цифровизации доказательств. Важной особенностью итальянского уголовно-процессуального регулирования является запрет, установленный п. 3 ст. 234, на приобщение документов, содержащих информацию о «текущих слухах» или о морали участников процесса, что направлено на защиту от недостоверной и порочащей информации.

Германское уголовно-процессуальное право оперирует понятием «документальное доказательство» (*Urkundenbeweis*), регламентированным параграфом 249 Уголовно-процессуального кодекса Германии[2], который устанавливает: «Документы подлежат оглашению в су-

[1] Codice di procedura penale (CPP). URL: https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.del.presidente.della.repubblica:1988-09-22;447 (дата обращения: 25.08.2025).

[2] Strafprozessordnung (StPO). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/ (дата обращения: 25.08.2025).

дебном заседании для собирания доказательств; электронные документы – это документы постольку, поскольку они подлежат оглашению». Особенностью немецкого подхода является прямое включение электронных документов в категорию документальных доказательств, что свидетельствует об адаптации правовой системы к современным технологическим реалиям.

Германская уголовно-процессуальная система различает несколько видов документальных доказательств: публичные документы (*öffentliche Urkunden*), частные документы (*private Urkunden*) и квалифицированные электронные документы (*qualifizierte elektronische Dokumente*). Процессуальные аспекты работы с документами детально регулируются параграфами 88–93 StPO, которые устанавливают обязанности государственных органов и частных лиц по предоставлению документов, имеющих отношение к уголовному делу. Этот подход отличается от принятого в Италии тем, что Германия признает возможность использования электронных документов, что отражает скрупулезность немецкой правовой системы и ее стремление к правовой определенности.

Принцип непосредственности (*Unmittelbarkeit*), действующий в германском уголовном процессе, предполагает, что документы должны быть непосредственно исследованы судом через их оглашение в ходе основного судебного разбирательства. Это требование направлено на обеспечение состязательности уголовного процесса и права сторон на возражения против содержания документов. Вместе с тем германское уголовно-процессуальное право предусматривает определенные исключения из принципа непосредственности, когда документы могут быть положены в основу приговора без их оглашения, например, при согласии сторон или в случаях, прямо предусмотренных законом.

Нидерландский законодатель в ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Нидерландов[3] относит к «законным средствам доказывания» письменные документы (*schriftelijke bescheiden*), при этом ст. 344 того же Кодекса содержит детализацию данного понятия, включая в него различные категории письменных материалов. Такая формулировка создает достаточно широкий перечень документальных доказательств, позволяющий включать в него новые виды информационных носителей по мере их появления. В то же время нидерландский уголовный процесс характеризуется так называемой «негативно-легальной системой доказательств» (*negatief-wettelijk bewijsstelsel*), которая требует наличия как минимум двух допустимых доказательств для вынесения обвинительного приговора, но при этом не обязывает судью выносить такой приговор при их наличии.

Параграф 252 Уголовно-процессуального кодекса *Австрии*[4] предписывает обязательное оглашение «служебных заметок об осмотре, заключений, прежних приговоров против обвиняемого, а также документов и иных письменных материалов, имеющих значение для дела» (*Urkunden und Schriftstücke anderer Art*). Использование термина «иные письменные материалы» (*Schriftstücke anderer Art*) соответствует концепту «иных документов», используемому в нашем отечественном УПК РФ, поскольку предполагает существование документов, не подпадающих под традиционные категории.

Австрийская уголовно-процессуальная система демонстрирует особое внимание к защите прав личности при работе с документальными доказательствами. Параграф 112 УПК Австрии устанавливает детальную процедуру изъятия документов и носителей данных. Если лицо, у которого изымаются документы, заявляет возражение, ссылаясь на право на тайну

[3] Wetboek van Strafvordering (Sv). URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001903/ (дата обращения: 25.08.2025).

[4] Strafprozessordnung (StPO). URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002326 (дата обращения: 25.08.2025).

(например, адвокатскую, врачебную, религиозную), документы подлежат опечатыванию и передаче в суд для принятия решения об их допустимости. Данная процедура обеспечивает баланс между потребностями расследования и защитой конституционных прав граждан.

Статья 192 Уголовно-процессуального кодекса *Швейцарии*[5] закрепляет, что «оригиналы предметов доказательства приобщаются к делу; с документов и иных записей изготавливаются копии» (*von Urkunden und weiteren Aufzeichnungen*). Данная норма относит документы к категории предметных доказательств и устанавливает специальный процессуальный режим их обращения. Швейцарская уголовно-процессуальная система предусматривает процедуру «запечатывания» (*Siegelung*) документов, регулируемую ст. 248 УПК Швейцарии. Эта процедура позволяет лицам, чьи документы изымаются, потребовать их запечатывания для защиты конфиденциальных интересов, после чего суд принимает решение о допустимости использования таких доказательств.

Португальский уголовный процесс характеризуется одним из наиболее широких определений документального доказательства. Статья 164 Уголовно-процессуального кодекса Португалии[6] устанавливает: «Допустимо доказательство посредством документа; под документом понимается заявление, знак или обозначение, воплощенные в письменной форме или любом ином техническом носителе». Такая формулировка практически не оставляет пробелов в правовом регулировании, охватывая все возможные способы фиксации информации. Статья 165 УПК Португалии регулирует сроки представления документов в ходе различных стадий уголовного процесса, а ст. 166–168 устанавливают правила перевода и расшифровки документов, а также особенности работы с «механическими воспроизведениями». Также португальское уголовно-процессуальное законодательство устанавливает прямой запрет на использование анонимных документов, если только сам документ не является объектом или элементом преступления. Этот подход направлен на обеспечение надежности доказательств и возможности их проверки в ходе судебного разбирательства.

Уголовно-процессуальное законодательство *Испании* предусматривает, что суд «осмотрит сам книги, документы, бумаги и прочие предметы доказательства»[7] (*libros, documentos, papeles y demás piezas de convicción*) (ст. 726 УПК). Несмотря на то что данная норма не содержит прямого упоминания термина «документы», использование формулировки «прочие предметы доказательства» создает правовую основу для включения в эту категорию нетрадиционных форм документации.

Французская правовая система отличается от большинства европейских юрисдикций тем, что не содержит закрытого перечня доказательств. Статья 427 Уголовно-процессуального кодекса Франции[8] закрепляет: если законом не установлено иное, правонарушения могут быть установлены любыми средствами доказывания, а судья выносит решение на основе внутреннего убеждения. Данный подход обеспечивает максимальную гибкость в вопросе допустимости документальных доказательств, включая нетрадиционные их виды.

Французское уголовно-процессуальное законодательство также устанавливает особые правила для различных видов документов: письменные доказательства (*preuve par écrit*) и другие виды доказательств, при этом особое значение придается протоколам (*procès-*

---

[5] Schweizerische Strafprozessordnung (StPO). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2010/267/de (дата обращения: 25.08.2025).

[6] Código de Processo Penal (CPP). URL: https://diariodarepublica.pt/dr/legislacao-consolidada/decreto-lei/1987-34570075 (дата обращения: 25.08.2025).

[7] Ley de Enjuiciamiento Criminal (LECrim). URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1882-6036 (дата обращения: 25.08.2025).

[8] Code de procédure pénale (CPP). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения: 25.08.2025).

verbaux) и отчетам должностных лиц полиции. Статья 429 УПК Франции определяет доказательственную силу официальных документов, а ст. 432 устанавливает запрет на использование переписки между обвиняемым и его адвокатом. Французская уголовно-процессуальная система создает иерархию документальных доказательств, где официальные акты имеют бóльшую юридическую силу по сравнению с частными документами, которые рассматриваются лишь как «простые сведения» (*simples renseignements*).

Бельгийское законодательство не выделяет документы в качестве отдельного формального вида доказательств, но оперирует понятием *«pièces à conviction»* (предметы/носители доказательства), что охватывает документальные носители. Статья 112 Уголовно-процессуального кодекса Бельгии[9] предусматривает, что аудио- и видеозаписи допросов могут использоваться в качестве доказательств и приравниваются к письменным заявлениям.

Особый интерес представляет подход скандинавских стран, которые, несмотря на принадлежность к континентальной правовой семье, имеют свои специфические особенности.

Датский УПК[10] в параграфе 877 прямо предусматривает использование документов (*dokumenter*) как доказательств и их оглашение, при этом Кодекс содержит детальный перечень документальных источников, включая записи в судебных журналах о следственных действиях, экспертные заключения и полицейские протоколы.

Шведское уголовно-процессуальное законодательство содержит специальную главу 38 *«Documentary evidence»*, регулирующую порядок предъявления письменных документов (*skriftlig handling*)[11]. Параграф 1 этой главы устанавливает требование о предъявлении письменных документов в оригинале, допуская использование копий в исключительных случаях. Параграфы 2–9 регулируют процедуру истребования документов у третьих лиц, включая меры принуждения и особенности работы с публичными документами.

Финское уголовно-процессуальное законодательство в параграфе 4 главы 5 обязывает прокурора представлять суду «письменные доказательства» (*kirjalliset todisteet*), вещественные доказательства, протокол предварительного расследования и иные необходимые материалы[12]. Параграф 9 той же главы предписывает ответчику указать доказательства и представить суду те письменные доказательства, на которые он ссылается. Глава 12 финского УПК включает правила работы с письменными доказательствами.

Норвежский Уголовно-процессуальный кодекс[13] в параграфе 302 устанавливает специальный режим для «письменных доказательств» (*skriftlige bevis*), предусматривая, что они «приводятся путем изложения с указанием важного; изложение не должно быть более подробным, чем требуется для надлежащего ведения доказательств». Эта формулировка отражает принцип устности норвежского уголовного процесса, требующий устного изложения содержания письменных доказательств в ходе судебного разбирательства.

Исландское уголовно-процессуальное законодательство в ст. 134 регулирует представление «документов и иных наглядных доказательств» (*Documents and other visible items of evidence*), обязывая стороны представлять документы и иные наглядные доказательства, на

---

[9] Code d'instruction criminelle (CIC). URL: https://www.ejustice.just.fgov.be/eli/loi/1808/11/17/1808111701/justel (дата обращения: 25.08.2025).

[10] Retsplejeloven (Lov om rettens pleje). URL: https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2021/1835 (дата обращения: 25.08.2025).

[11] Rättegångsbalken (RB). URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740/ (дата обращения: 25.08.2025).

[12] Laki oikeudenkäynnistä rikosasioissa. URL: https://www.finlex.fi/fi/lainsaadanto/1997/689 (дата обращения: 25.08.2025).

[13] Lov om rettergangsmåten i straffesaker (Straffeprosessloven). URL: https://lovdata.no/lov/1981-05-22-25 (дата обращения: 25.08.2025).

которые они хотят обратить внимание суда[14]. Статьи 135–137 устанавливают процедуру истребования документов у третьих лиц и оценки их доказательственного значения.

Заключение

Сравнительный анализ показывает, что все исследуемые правовые системы, несмотря на различия в терминологии и процедурах, функционально признают и активно используют широкий спектр документальных доказательств. Феномен «иные документы» не реализуется в европейском континентальном праве, и нет прямого законодательного закрепления соответствующего термина, как это сделано в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Важным аспектом современного развития уголовно-процессуальных правоотношений является влияние цифровизации на доказательственное право. Появление новых форм электронных доказательств – от простых электронных документов до сложных цифровых систем, включающих блокчейн-технологии, искусственный интеллект и интернет вещей, – требует переосмысления традиционных подходов к документальным доказательствам. Континентальные европейские правовые системы демонстрируют различную степень готовности к этим вызовам.

Основными тенденциями развития законодательного регулирования документальных доказательств в странах континентальной Западной Европы являются расширительное толкование понятия «документ», включение электронных носителей информации в категорию документальных доказательств, совершенствование процессуальных гарантий при работе с конфиденциальными материалами, а также развитие международного сотрудничества в области цифровых доказательств. Данные тенденции свидетельствуют о способности континентальной правовой системы к адаптации и эволюции в ответ на вызовы цифровой эпохи, сохраняя при этом основополагающие подходы справедливого уголовного судопроизводства.

Перспективы дальнейшего развития законодательства в этой области связаны с необходимостью более детальной кодификации правил работы с электронными доказательствами, развитием технических стандартов их получения и хранения, а также совершенствования международного сотрудничества. При этом ключевым остается вопрос обеспечения баланса между эффективностью уголовного судопроизводства, использующего современные технологические возможности, и защитой основных прав и свобод человека в цифровую эпоху.

Информация об авторах

Т. Г. Бородинова – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики;

Р. В. Костенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики.

Information about the authors

T. G. Borodinova – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Head of the Criminal Procedure Law and Criminalistics Department;

R. V. Kostenko – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Procedure Law and Criminalistics Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

[14] Lög um meðferð sakamála. URL: https://www.althingi.is/lagas/nuna/2008088.html (дата обращения: 25.08.2025).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 15.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 94–105
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 94–105
УДК 343.8 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.94-105

Научная статья

Становление, развитие и правовое регулирование института продления срока лишения свободы в некоторых странах Европы

Егор Евгеньевич Новиков

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, mavr-85@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1556-1364

Аннотация. Уголовное законодательство большинства стран мира содержит нормы, совокупность которых формирует институты системы неопределенных приговоров, к которым можно отнести условно-досрочное освобождение, замену первоначально назначенного наказания на более мягкое, освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью и др. В то же время далеко не в каждом государстве в уголовном законе есть такой спорный институт неопределенных приговоров, который позволяет не освободить досрочно, а, наоборот, продлить срок наказания после его истечения.

Законодатель ряда стран Европы (Франции, Германии, Дании, Норвегии, Англии) предоставил возможность различным субъектам правоотношений (суду или, в более редких случаях, комиссии) увеличивать срок лишения свободы осужденным, в отношении которых цель исправления не была достигнута, в связи с чем они являются опасными как для себя, так и для общества. Как правило, в указанных странах срок лишения свободы может быть продлен в отношении осужденных, совершивших преступления сексуального характера, террористической направленности, повторные преступления против личности, поджог, страдающих расстройством личности, представляющих опасность и др.

С одной стороны, очевидны положительные стороны института продления срока лишения свободы, который призван создать условия для более успешного достижения целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений, защиты общества, индивидуализации наказания. С другой стороны, рассматриваемый институт имеет ряд следующих существенных недостатков: возникает риск злоупотреблений со стороны представителей власти, нарушаются принципы гуманизма и правовой определенности, происходит психологическое давление на осужденных.

В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что при наличии системного подхода к формированию соответствующего блока правовых норм и определению четкой процедуры продления срока лишения свободы рассматриваемый институт системы неопределенных приговоров может быть внедрен в российское законодательство и использован отечественным правоприменителем для более успешного достижения цели исправления осужденных, представляющих крайнюю степень опасности для себя, общества и государства.

Ключевые слова: неопределенный приговор, продление наказания, осужденный, лишение свободы, защита общества, исправление осужденных, предупреждение преступлений

© Новиков Е. Е., 2026

Для цитирования: Новиков Е. Е. Становление, развитие и правовое регулирование института продления срока лишения свободы в некоторых странах Европы // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 94–105. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.94-105.

Original article

Formation, Development and Legal Regulation of the Institution of Prolongation of the Term of Imprisonment in Some European Countries

Egor E. Novikov

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, mavr-85@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1556-1364

Abstract. The criminal legislation of most countries of the world contains norms, the totality of which forms the institutions of the system of indefinite sentences, which include parole, replacement of the originally imposed sentence with a more lenient one, release from serving a sentence due to illness, etc. At the same time, not every criminal law of the states contains such a controversial institution of indefinite sentences, which allows not to release prematurely, but rather to extend the sentence after its expiration. The legislator of a number of European countries (France, Germany, Denmark, Norway, England) has provided an opportunity for various subjects of legal relations (for example, a court or, in more rare cases, a commission) to increase the term of imprisonment for convicted persons for whom the goal of correction has not been achieved and therefore that they are dangerous to themselves. so it is for society. As a rule, in these countries, the term of imprisonment can be extended by convicts who have committed crimes of a sexual nature, terrorism, repeated crimes against the person, arson, suffering from a personality disorder that poses a danger, etc.

On the one hand, the positive aspects of the institution of extending the term of imprisonment are obvious, which aims to create conditions for more successful achievement of the goals of correcting and preventing the commission of new crimes, protecting society, and individualizing punishment. On the other hand, the institution in question has a number of significant drawbacks: there is a risk of abuse by government officials, the principles of humanism and legal certainty are violated, psychological pressure on convicts occurs.

As a result of the conducted research, the author concludes that if there is a systematic approach to the formation of an appropriate block of legal norms and the definition of a clear procedure for extending the term of imprisonment, the institution of indefinite sentences in question can be introduced into Russian legislation and used by a domestic law enforcement officer to more successfully achieve the goal of correcting convicts who pose an extreme degree of danger to themselves., societies and states.

Keywords: indefinite sentence, prolongation of punishment, convicted person, imprisonment, protection of society, correction of convicts, prevention of crimes

For citation: Novikov E. E. Formation, development and legal regulation of the institution of prolongation of the term of imprisonment in some European countries. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):94-105. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.94-105.

XIX век – это эпоха бурного развития пенитенциарных систем передовых стран мира, уголовно-правовой и криминологической мысли. В этот период ученые-юристы с новой силой активизировали деятельность по изучению преступности, обращая внимание на социальные, психологические и биологические факторы, что привело к пониманию того, что наказание должно быть индивидуализированным и учитывать личность преступника, а не только тяжесть преступления. Именно в этот период (во второй половине XIX в.) происходят становление и развитие института неопределенных приговоров. Центральная идея института заключалась в том, чтобы сформировать правовые механизмы, позволяющие досрочно освобождать осужденных, доказавших свое исправление или способных исправиться не в рамках изоляции.

В дальнейшем эта идея способствовала закреплению в уголовных законах большинства государств мира норм, позволяющих освобождать правонарушителей условно-досрочно, за-

менять им неотбытую часть наказания более мягкой мерой государственного принуждения, осуждать условно, предоставлять отсрочку отбывания наказания, досрочно освобождать в связи с болезнью и др.

Одновременно выдвигалось более спорное, но не менее интересное предложение – предоставлять возможность различным субъектам правоотношений (суду, специальной комиссии или, в более редких случаях, администрации учреждения мест изоляции) увеличивать срок лишения свободы осужденным, в отношении которых цель исправления не была достигнута, в связи с чем они являлись опасными как для себя, так и для общества.

В данной работе речь пойдет о том аспекте неопределенных приговоров, который предполагает предоставление правоприменителю возможности назначать лишение свободы на неопределенный срок или продлевать его.

Родиной наиболее активных последователей назначения лишения свободы на неопределенный срок по праву являются *США*. Именно здесь с 1867 г. юристы штатов Мичиган и Нью-Йорк начали обосновывать позицию, согласно которой пенитенциарные учреждения должны не только наказывать, но и исправлять преступников. Чтобы цель исправления была достигнута, срок заключения должен быть достаточным для того, чтобы правонарушитель изменился и стал законопослушным гражданином. В связи с этим в уголовное законодательство следует включить предписания, ограничивающие практику назначения лишения свободы на определенный срок, и нормы, позволяющие выносить «реформирующие приговоры», т. е. судебные решения, которые при необходимости возможно корректировать.

С 1876 года (т. е. с момента создания в штате Нью-Йорк (г. Эльмайра) тюрьмы-реформатория, в которой предусматривалась возможность продления срока лишения свободы осужденным до 30 лет) и на протяжении всего XX столетия институт неопределенных приговоров был включен в законодательство подавляющего большинства штатов. Так, в 1910-х гг. суд мог назначить неопределенный приговор в 20 штатах, к 1922 г. – в 37 субъектах США, а к началу 1970-х гг. – в 41 штате [1, с. 12].

Европейское научное сообщество к опыту США отнеслось с большим интересом. Были ученые как поддерживающие возможность продления срока лишения свободы осужденным, признанным неисправившимися (например, Э. Ферри, Франц фон Лист, Ж. Ван Гамель, А. А. Пионтковский, И. Я. Фойницкий), так и противники (например, С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, В. В. Есипов) такого опыта. Практически каждый представитель юридический науки того периода высказал свое мнение относительно рассматриваемого вопроса.

В итоге современное уголовное и, в некоторых случаях, пенитенциарное законодательство ряда стран Европы (например, Франции, Германии, Англии, Норвегии, Италии) имеет в своем арсенале институт продления срока лишения свободы.

Теория неопределенных приговоров во *Франции* в первую очередь связана с французским юристом, криминологом, философом Анри Жоли. В работе «Борьба с преступностью» [2] ученый обосновал положение, что срок наказания должен определяться не только тяжестью преступления, но и личностью преступника, его поведением и стремлением к исправлению. Однако в связи с невозможностью заранее определить уровень потенциала осужденного к исправлению суду необходимо предоставить полномочия корректировать срок лишения свободы в зависимости от поведения осужденного в период отбывания наказания.

Идея продления срока наказания также была близка известному французскому социологу и криминологу Габриелю Тарду [3]. С одной стороны, он выступал за гуманизацию уголовного права (например, говорил о необходимости отмены смертной казни), с другой – отстаивал внедрение мер, направленных на исправление преступников, с учетом их индивидуальных особенностей, в том числе посредством продления им срока тюремного заключения.

Позиции ведущих ученых в конечном итоге были воплощены в ст. 706-53-13 Уголовно-процессуального кодекса Франции[1], в соответствии с которой лица, лишенные свободы, в порядке исключения могут быть оставлены в пенитенциарном учреждении при следующих условиях:

• наличии у осужденного «серьезного расстройства личности», которое представляет особую опасность для общества и характеризуется «очень высокой вероятностью рецидива»;

• осуждении лица на срок, «равный или превышающий пятнадцать лет»;

• лишении свободы за совершение преступлений: 1) в отношении *несовершеннолетнего* лица – убийства, изнасилования, пыток, похищения или незаконного лишения свободы; 2) в отношении совершеннолетнего потерпевшего – квалифицированного убийства, изнасилования, пыток, похищения или незаконного лишения свободы, но при наличии *обстоятельств, отягчающих наказание*; 3) повторное совершение указанных преступлений вне зависимости от наличия отягчающих обстоятельств.

Предварительное решение о продлении срока наказания принимает Комиссия по вопросам безопасного содержания в заключении, в которую входят представитель суда, психолог, медицинские работники, представитель администрации учреждения. В соответствии со ст. 706-53-14 УПК Франции если комиссия примет решение, что осужденный представляет опасность для общества, то она передает материалы дела в суд, рассматривающий вопросы в сфере исполнения наказаний.

Решение о продлении срока наказания действует один год и может быть продлено, если осужденный все еще представляет опасность.

Отдельно следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Франции разрешает продлевать срок наказания только в том случае, если суд присяжных заседателей в своем обвинительном решении закрепил такую возможность.

Сделаем краткий вывод: законодатель Франции определил строгий порядок продления срока лишения свободы, регламентируемый не уголовным, а уголовно-процессуальным законодательством. Интересно, что главная цель продления срока лишения свободы во Франции – это не исправление, а обеспечение безопасности общества от особо опасного преступника и самого осужденного в случае наличия у него заболевания.

В *Германии* теория неопределенных приговоров (или неопределенных наказаний) была развита под влиянием идей Франца фон Листа, одного из самых известных немецких юристов и криминологов конца XIX – начала XX в. Профессор Лист выступал за индивидуальный подход к назначению наказаний и исправлению преступников. Ученый подчеркивал, что срок лишения свободы должен продлевать не суд, а специальная комиссия («особые судебно-административные коллегии») [4].

Данный институт закреплен в ст. 66 Уголовного кодекса Германии[2] и именуется как *превентивное (предупредительное) заключение*, применение которого, исходя из анализа соответствующих норм законодательства, направлено как на предупреждение совершения новых преступлений, так и на «защиту общества»[3]. Если не вдаваться в правовые детали указанной

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Франции (The French code of criminal procedure) от 31 декабря 1957 г. (в ред. от 06.02.2025). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения: 06.02.2025).

[2] Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch – StGB) от 15 мая 1871 г. (в ред. от 22.11.20210). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p0438 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Die Sicherungsverwahrung im Strafrecht. URL: https://schumannundrasch.de/unterbringung-in-der-sicherungsverwahrung/ (дата обращения: 07.02.2025).

статьи, можно отметить, что после отбытия наказания в виде лишения свободы суд имеет право продлить срок изоляции достаточно разноплановым категориям осужденных, например:

– приговоренному к лишению свободы на срок не менее двух лет за совершение умышленного преступления «против жизни, физической неприкосновенности, личной свободы или полового самоопределения»;

– осужденному к лишению свободы на срок не менее 10 лет за совершение одного из преступлений, связанных с государственной изменой, нарушением общественного порядка, грабежом и вымогательством, большой общественной опасностью (например, «причинение ядерного взрыва»);

– осужденному к лишению свободы на срок не менее 10 лет за совершение преступления, предусмотренного Кодексом международных преступлений. Так, Кодекс международных преступлений[4] содержит следующий перечень уголовно наказуемых деяний: геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступления агрессии;

– осужденному к лишению свободы на срок не менее 10 лет за совершение преступления, предусмотренного Законом о наркотических средствах Германии[5]. К подобным преступлениям Закон относит, например, незаконное производство, хранение и распространение наркотиков; незаконное приобретение и владение наркотиками; контрабанду наркотических веществ;

– лицу, состоящему на профилактическом учете в пенитенциарном учреждении в качестве злостного нарушителя режима отбывания наказания, когда общая оценка личности преступника и совершенных им правонарушений позволяет сделать вывод о том, что преступник представляет опасность для общества;

– лишенному свободы, совершившему в период отбывания наказания новое преступление;

– лицу, тяжелое расстройство личности которого указывает на высокую вероятность совершения им тяжкого преступления, и др.

Решение о продлении срока наказания, которое может быть обжаловано осужденным, принимается судом.

В Уголовном кодексе Германии не зафиксирован срок продления лишения свободы. Однако с периодичностью не менее одного раза в год специальная комиссия должна установить, продолжает ли преступник представлять опасность для общества и, следовательно, должен ли он находиться в пенитенциарном учреждении.

Отдельно следует упомянуть, что юридическое сообщество Германии с опасением отмечает рост количества осужденных, срок лишения свободы которым продлен: если в 2018 г. данный показатель составил 566 человек[6], то в 2023 г. лишение свободы было продлено 604 осужденным[7].

В *Великобритании* существует свой достаточно развитый институт продления срока лишения свободы, на формирование которого существенное влияние оказало принятие законов

---

[4] Germany, International Criminal Code. URL: https://casebook.icrc.org/case-study/germany-international-criminal-code (дата обращения: 19.05.2026).

[5] Gesetz über den Verkehr mit Betäubungsmitteln (Betäubungsmittelgesetz – BtMG). URL: https://dejure.org/gesetze/BtMG (дата обращения: 07.03.2025).

[6] Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Tabellen/strafgefangene.html (дата обращения: 07.02.2025).

[7] Die Sicherungsverwahrung im Strafrecht. URL: https://schumannundrasch.de/unterbringung-in-der-sicherungsverwahrung/ (дата обращения: 07.02.2025).

об уголовном правосудии 1948 г.[8] и 1991 г.[9], в которых были определены ключевые принципы назначения наказания, досрочного его прекращения (т. е. условно-досрочного освобождения) и продления сроков лишения свободы.

Ключевым законом, расширившим возможность продления срока лишения свободы (что вызвало дискуссию в обществе Великобритании), стал Закон об уголовном правосудии 2003 г.[10] В соответствии со ст. 226А–228 указанного акта суд может продлить срок лишения свободы, если существует «риск совершения нового преступления» и если это необходимо для защиты общества от «…серьезного вреда, который может быть причинен в случае совершения правонарушителем новых преступлений…». Тем самым указана цель рассматриваемого уголовно-правового института – защита общества.

Срок лишения свободы может быть продлен только преступникам, совершившим:

• преступления террористического характера;

• насильственные преступления;

• преступления на сексуальной почве, в том числе сексуальные домогательства.

Так же как и в Германии, только суд, а не администрация пенитенциарного учреждения может продлить срок лишения свободы. Однако, если осужденный является злостным нарушителем режима в связи с организацией бунта или массовых беспорядков, нападением на сотрудников тюрьмы с причинением тяжких телесных повреждений, попыткой побега с использованием насилия, администрация может передать дело в суд с ходатайством о продлении срока наказания.

В Законе выделены два основных срока продления наказания. Так, суд может продлить период лишения свободы:

1) от 1 года до 5 лет – в случае, если лицо было осуждено за насильственное преступление;

2) от 1 года до 8 лет – в случае, если лицо было осуждено за совершение сексуального преступления или преступления террористического характера.

В Великобритании имеются неоднозначные взгляды на закрепленный в уголовном законодательстве институт продления срока лишения свободы. Так, профессор Оксфордского университета Сара Саммерс считает, что система продления срока наказания в виде лишения свободы может привести к чрезмерному использованию продления сроков наказания, особенно в случаях, когда это оправдывается исключительно необходимостью защиты общества [5, с. 111–118]. В качестве примера ученый приводит показательное решение по делу «Уикс против Соединенного Королевства», в соответствии с которым лицо в семнадцатилетнем возрасте было осуждено к лишению свободы на неопределенный срок. Преступление было совершено с использованием сигнального пистолета, заряженного холостыми патронами, при этом похищенные 35 пенсов впоследствии были обнаружены на полу магазина. Парадоксально, но в дальнейшем Европейский Суд по правам человека, согласившись с мнением суда апелляционной инстанции Соединенного Королевства, с одобрением отметил, что «при рассмотрении факторов, на которые были сделаны ссылки… становится ясно, что это на самом деле проявление милосердия к мальчику, возможно, позволит освободить его гораздо раньше, чем если бы был назначен длительный срок тюремного заключения, который был единственной другой альтернативой» [5, p. 111–112]. В деле Уикса приговор не был признан

[8] Criminal Justice Act 1948. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/58 (дата обращения: 07.02.2025).

[9] Criminal Justice Act 1991. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1991/53/contents (дата обращения: 07.02.2025).

[10] Criminal Justice Act 2003. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents (дата обращения: 07.02.2025).

несоразмерным или бесчеловечным, потому что это было не обычное пожизненное заключение, а наказание с неопределенным сроком, которое допускало освобождение преступника, как только он переставал представлять опасность для общества. Критикуя вынесенное судебное решение и выступая за реализацию принципа «соразмерного наказания», Сара Саммерс отмечает, что наказание должно соответствовать тяжести совершенного преступления, а не основываться только на предполагаемой опасности преступника.

В *Италии* к сторонникам института продления срока лишения свободы можно отнести известного ученика Чезаре Ломброзо, сторонника теории «опасного состояния личности преступника» Энрико Ферри, который критиковал традиционные подходы к наказанию (как и всю классическую школу уголовного права), включая фиксированные сроки лишения свободы. Он считал, что срок лишения свободы должен определяться не только тяжестью преступления, но и личностью преступника, его склонностью к рецидиву и возможностью исправления [6]. Ученый предлагал индивидуализировать наказания, чтобы они соответствовали конкретным обстоятельствам и характеристикам преступника. В ряде случаев это могло означать продление срока лишения свободы, если преступник считался опасным для общества и не был готов к возвращению в общество [6]. Более того, в некоторых своих работах Э. Ферри был более радикален и выступал за отказ, в отдельных случаях, от определения конкретного срока наказания при назначении лишения свободы: «Всякому лицу, – если характер содеянного им преступления и его личные свойства показывают, что одного вознаграждения вреда в данном случае было бы недостаточно, – судья должен назначить в обвинительном приговоре заключение на неопределенное время» [7, с. 520].

Несмотря на наличие достаточно серьезной теоретической научной базы, сформированной Э. Ферри, в Италии не допускается продление срока наказания в классическом понимании. Однако существуют определенные правовые механизмы, которые могут привести к фактическому увеличению времени изоляции осужденных. Так, исходя из буквального толкования ст. 103, 202, 203 и 206 УК Италии[11], можно сделать вывод, что если любой субъект, отбывший наказание, будет признан социально опасным, то суд к нему может применить так называемую меру безопасности в виде направления на принудительное лечение или содержания в специализированном учреждении. В данном случае к социально опасным лицам Уголовный кодекс Италии относит «…психически больных, хронических алкоголиков, лиц, злоупотребляющих наркотическими веществами или находящихся в состоянии хронической интоксикации, вызванной алкоголем или наркотическими веществами….» (ст. 206). Можно предположить, что представленное уголовно-правовое предписание является «наследием» Энрико Ферри, содержащимся в его трудах, посвященных теории об опасном состоянии личности преступника.

Норвегию можно отнести к стране, законодатель которой начал осуществлять *первые* в Европе активные попытки закрепления института продления срока лишения свободы в нормах уголовного права. Так, идея продления срока наказания была отражена уже в 1885 г. в проекте нового Уголовного уложения Норвегии. В 1899 году эта работа увенчалась успехом, а в 1902 г. документ был принят.

Известный ученый-правовед царской *России* А. А. Пионтковский (отец не менее известного советского ученого в области уголовного права и криминологии Андрея Андреевича Пионтковского), проведя в 1899 г. обстоятельный анализ системы неопределенных приговоров, зафиксированной в указанном проекте Уголовного уложения, в целом поощрил позицию законодателя Норвегии: «Эта его особенность – смелый шаг в построение дела борьбы с преступностью на новых началах» [8, с. 383]. Ученый одобрил идею продления срока лишения

[11] Уголовный кодекс Италии (Codice Penale) от 19 октября 1930 г. (в ред. от 14.12.2024). URL: https://www.brocardi.it/codice-penale/ (дата обращения: 19.02.2025).

свободы, утверждая, что лицо должно освобождаться из пенитенциарного учреждения только по достижении цели исправления: «При преследовании исправительных целей пребывание в карательном учреждении, собственно говоря, может и должно прекратиться лишь по исправлении заключенного» [8, с. 384].

Интересно, что другие корифеи юридической мысли, например С. В. Познышев, Н. С. Таганцев, В. В. Есипов, резко выступали против включения института продления срока лишения свободы в отечественное уголовное законодательство.

В данном контексте следует отметить, что в Норвегии институт продления срока лишения свободы лоббировал известный норвежский юрист и государственный деятель Андреас Урбье. По его мнению, срок лишения свободы должен продлеваться лицу, повторно осужденному за преступления «…против общественной безопасности и здоровья, фальшивомонетничество, поджог, организацию взрыва, подделку банкнот и ценных бумаг, изнасилование, посягательство на нравственность женщины в состоянии слабоумия или психического расстройства и т. д., посягательство на нравственность детей…» [9, с. 76] и признанному к моменту освобождения опасным для общества. Андреас Урбье полагал, что мнение присяжных заседателей должно быть определяющим при принятии решения о продлении срока наказания и должно являться гарантией против всякого рода злоупотреблений.

На сегодняшний день в законодательстве рассматриваемого государства институт продления срока лишения свободы именуется *превентивное заключение (forvaring)* и регламентируется ст. 40 и ст. 43 Уголовного кодекса Норвегии[12]. При этом в ст. 40 закреплены условия назначения превентивного заключения, а в ст. 43 – сроки продления наказания.

Согласно ст. 40 по общему правилу превентивное заключение может быть назначено, если лицо, отбывшее наказание, представляет опасность (т. е. совершит новое преступление) для жизни, здоровья или свободы других лиц и ранее было признано виновным в совершении или в попытке совершения тяжкого преступления, а именно: любого насильственного или сексуального преступления, незаконного лишения свободы, поджога или преступления, «которое нарушило жизнь, здоровье или свободу других лиц или подвергло эти правовые блага опасности». Интересно, что попытки совершения одного из указанных уголовно наказуемых деяний уже достаточно для продления осужденному срока лишения свободы.

Кроме того, срок лишения свободы может быть продлен тем осужденным, которые совершили «нетяжкие» преступления, но при наличии следующих оснований:

• осужденный ранее совершил или пытался совершить тяжкое преступление, указанное выше;

• должна существовать уголовно-правовая связь между преступлением, совершенным ранее, и текущим преступлением;

• опасность совершения нового тяжкого преступления после освобождения.

В исключительных случаях допускается продление срока лишения свободы даже несовершеннолетним осужденным (!). Однако в нормах УК Норвегии нет пояснения относительно того, что будет являться исключительным случаем продления срока наказания лицу, не достигшему 18 лет.

Следует добавить, что наказание может быть продлено не только мужчинам, но и женщинам. Тюрьмы Ила (Ila) и Бредтвейт (Bredtveit) являются учреждениями, в которых исполняется превентивное заключение: Ила – для мужчин, а Бредтвейт – для женщин[13].

---

[12] Уголовный кодекс Норвегии (Lov om straff (straffeloven) от 22 мая 1902 г. (ред. от 10.01.2025). URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28 (дата обращения: 25.02.2025).

[13] Forvaring – erfaringer og utfordringer: Foredrag og innlegg på forvaringskonferanse. Kriminalomsorgens utdanningssenter, 2008. S. 7.

Суд, согласно ст. 43 УК Норвегии, может продлить установленный срок наказания до 5 лет за один раз. Заявление о продлении срока содержания под стражей должно быть подано в районный суд не позднее чем за 3 месяца до истечения срока содержания под стражей.

Таким образом, исходя из буквального толкования предписаний ст. 40, можно сделать вывод, что в УК Норвегии законодатель закрепил крайне широкий (а если быть более точным – размытый) перечень лиц, наказание которым может быть продлено. По сути, любой осужденный (в том числе несовершеннолетний и женщина), преступные деяния которого каким-либо образом представляли опасность для блага обычных граждан, может быть подвергнут превентивному заключению.

Еще одной скандинавской страной, в законодательстве которой содержатся нормы, касающиеся продления срока лишения свободы, является *Дания*. В целом можно констатировать факт влияния идей норвежского уголовного законодательства на УК Дании[14]. Так, в УК Норвегии и УК Дании институт продления срока изоляции обозначается одним словом – *forvaring*. Перевод указанной категории с датского языка означает «принудительное содержание», а с норвежского языка – «превентивное заключение». Однако, несмотря на представленное отличие, юридическая природа *forvaring* является одинаковой.

В УК Дании возможность продления срока наказания закреплена в ст. 70. В соответствии с указанной нормой лицу может быть назначено принудительное содержание при наличии следующих условий:

• если лицо было осуждено за совершение или попытку совершения убийства, грабежа, незаконного лишения свободы, «серьезного» насильственного преступления, поджога, изнасилования или «серьезного» сексуального преступления;

• анализ личности осужденного позволяет сделать вывод о том, что он представляет непосредственную опасность для жизни, здоровья или свободы других лиц;

• применение принудительного содержания после тюремного заключения считается необходимым для предупреждения совершения нового преступления.

Исходя из буквального толкования ст. 70 УК Дании, только при совокупности всех трех условий суд может назначить осужденному принудительное содержание. Суд Дании, как и суд Норвегии, может продлить срок изоляции до 5 лет с последующим пересмотром своего решения.

В период становления советской власти также были (и вполне удачные) попытки закрепления института продления срока лишения свободы осужденным, в отношении которых цель исправления не была достигнута [10, с. 97–99].

Соответствующие нормы с разным содержанием были закреплены в п. 28–29 Постановления НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)»[15], в п. «н» ст. 25 Постановления НКЮ РСФСР от 19 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»[16], в п. 9 § 183 и § 184 Постановления НКЮ РСФСР от 15 ноября 1920 г. «Положение об общих местах заключения РСФСР»[17], в п. 3 ст. 16 и ст. 187 Исправительно-трудового кодекса РСФСР

---

[14] Уголовный кодекс Дании (Straffeloven) от 15 апреля 1930 г. (ред. от 01.07.2023). URL: https://danskelove.dk/straffeloven (дата обращения 25.02.2025).

[15] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 708–714.

[16] Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М. : Зерцало, 1997. С. 63–68.

[17] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 209–233.

от 16 октября 1924 г.[18] В целом правоприменитель имел право продлевать срок лишения свободы в течение первых 15 лет существования советской власти – с 1918 по 1933 г.

Однако в итоге советский законодатель окончательно отказался от идеи продления первоначально определенного срока лишения свободы в связи с существенными недостатками указанного института, вскрытыми правоприменительной практикой.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что, с одной стороны, институт продления срока лишения свободы заслуживает внимания, поскольку направлен на реализацию следующих целей:

– создание условий для более успешного *достижения цели исправления.* Так, возможность продления срока может служить дополнительным стимулом для осужденных соблюдать правила, участвовать в программах реабилитации и стремиться к исправлению, чтобы избежать увеличения срока;

– для лиц, склонных к совершению повторных правонарушений, продление срока может *снизить вероятность совершения новых преступлений* после освобождения. Интересно, что странам Европы, в которых закреплена возможность продлевать срок лишения свободы, присущ достаточно низкий уровень рецидива по сравнению с Российской Федерацией;

– продление срока лишения свободы особо опасным преступникам способствует *защите общества* от повторных преступлений. Это особенно актуально для лиц, являющихся систематическими злостными нарушителями режима отбывания наказания в исправительных учреждениях и продолжающих представлять угрозу;

– система позволяет учитывать *индивидуальные особенности* поведения осужденного во время отбывания наказания. Если лицо не соблюдает правила исправительного учреждения, т. е. не проявляет признаков исправления, продление срока может быть обоснованным.

С другой стороны, система продления срока лишения свободы, несмотря на потенциально положительные стороны, имеет ряд следующих существенных отрицательных аспектов, которые могут вызывать опасения:

– существует *риск возникновения злоупотреблений* со стороны представителей власти. Еще в XIX в. противники продления срока лишения свободы использовали данный недостаток при аргументации своей позиции. Например, корифей отечественной юридической мысли Н. С. Таганцев писал, что «такая неопределенность по отношению к смягчению для всех преступников не может быть оправдываема, так как этим путем создается сильная власть тюремной администрации, опасная даже и там, где тюремное дело сравнительно благоустроенно» [11, с. 1384];

– *нарушается принцип правовой определенности.* Осужденные имеют право знать точные сроки своего наказания, что является важным элементом справедливости правовой системы. Продление срока создает неопределенность, что может восприниматься как нарушение их прав. Это также может подрывать доверие к судебной системе, так как изначально назначенный срок теряет свою окончательность;

– происходит *психологическое давление на осужденных.* Неопределенность в отношении сроков освобождения может вызывать у лиц, лишенных свободы, чувство безысходности, депрессию и апатию, что затрудняет их социальную реабилитацию. Это также создает плодородную почву для снижения мотивации к исправлению (получается обратный эффект), так как у осужденных может сформироваться впечатление, что даже при хорошем поведении их срок может быть продлен;

---

[18] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1924 г. № 73–90.

– существует *сложность в оценке* степени исправления и/или уровня опасности личности осужденного. Данная оценка может быть крайне субъективной, неточной или предвзятой. Отсутствие четких критериев для продления срока может привести к необъективным решениям;

– продление срока может восприниматься *как жестокое и бесчеловечное наказание*, особенно если оно применяется без учета индивидуальных обстоятельств осужденного.

В настоящее время российская правовая мысль крайне негативно высказывается о возможности продления срока лишения свободы. Срок лишения свободы можно сократить (например, в рамках условно-досрочного освобождения), но не увеличить. Однако рациональное зерно в идее продления срока лишения свободы все же существует. При наличии системного подхода к формированию соответствующего блока правовых норм и определению четкой процедуры продления срока лишения свободы рассматриваемый институт системы неопределенных приговоров может быть внедрен в российское законодательство и использован отечественным правоприменителем для более успешного достижения цели исправления осужденных, представляющих крайнюю степень опасности для себя, общества и государства.

Список источников

1. Исаченко П. А. Законодательное регулирование досрочного освобождения по модели неопределенного приговора в США (1870–1970) // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (Казань, 20–23 мая 2015 г.). Казань : Бук, 2015. С. 12–14.

2. Joly H. Le combat contre le crime. Librairie Leopold Cerf, 1892. 435 p.

3. Tarde G. La philosophie pénale. Lyon : Storck ; Paris : Masson, 1890. 566 p.

4. Liszt F. von. Kriminalpolitische Aufgaben // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1889–1890. Bd. IX, X. S. 737–782.

5. Summers S. J. Sentencing and human rights the limits on punishment. Oxford University Press, 2022. 305 p. URL: https://www.ius.uzh.ch/dam/jcr:378dc95c-ccbd-4872-b50f-7f0a08f05ef5/Sentencing%20and%20Human%20Rights.pdf.

6. Ферри Э. Должны ли меры безопасности стать на место наказания или же только дополнять его (доклад Энрико Ферри) / пер. П. И. Люблинского // Право и жизнь. 1927. Кн. 1. С. 31–38.

7. Ферри Э. Уголовная социология / пер. О. В. Познышевой, Л. В. Гольденвейзера и др.; под ред. С. В. Познышева. М. : В. М. Саблин, 1908. 591 с.

8. Пионтковский А. А. Неопределенные приговоры по проекту норвежского уголовного уложения // Право. Еженедельная юридическая газета. СПб., 1899. № 8 (21 февр.). С. 383–390.

9. Urbye A. Les sentences indéterminées dans le nouveau projet de Code pénal norvégien // Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. 1898. XI. C. 72–80.

10. Новиков Е. Е. О продлении срока лишения свободы как элементе института неопределенных приговоров в законодательстве России второй половины XIX – первой четверти XX вв. // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России : сетевое изд. 2024. № 2 (20). С. 94–104. URL: https://istina.msu.ru/download/669674297/1tY61Q:ajPdbjpUrZuZNgy-yRIvGCNwLCg/.

11. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Гос. тип., 1902. 1469 с.

References

1. Isachenko P. A. Legislative regulation of early release based on the indefinite sentence model in the USA (1870–1970). *Legal sciences: problems and prospects.* Materials of the III International Scientific Conference (Kazan, 20–23 May 2015). Kazan: Buk; 2015. Pp. 12–14. (In Russ.)

2. Joly H. *Le combat contre le crime.* Librairie Leopold Cerf; 1892. 435 p.

3. Tarde G. *La philosophie pénale*. Lyon: Storck; Paris: Masson; 1890. 566 p.

4. Liszt F. von. Kriminalpolitische Aufgaben. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1889-1890;(IX, X):737-782.

5. Summers S. J. *Sentencing and human rights the limits on punishment*. Oxford University Press; 2022. 305 p. URL: https://www.ius.uzh.ch/dam/jcr:378dc95c-ccbd-4872-b50f-7f0a08f05ef5/Sentencing%20and%20Human%20Rights.pdf.

6. Ferry E. Should security measures take the place of punishment or only complement it (report by Enrico Ferry). Transl. by P. I. Lyublinsky. *Law and Life.* 1927;(1):31-38. (In Russ.)

7. Ferry E. *Criminal sociology.* Transl. by O. V. Poznysheva, L. V. Goldenvejzer, et al., ed. C. V. Poznyshev. Moscow: V. M. Sablin; 1908. 591 p. (In Russ.)

8. Piontkovsky A. A. Indefinite sentences under the draft Norwegian Criminal Code. *Right.* A weekly legal newspaper. St. Petersburg; 1899. No. 8 (February 21). Pp. 383–390. (In Russ.)

9. Urbye A. Les sentences indéterminées dans le nouveau projet de Code pénal norvégien. *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht.* 1898;(XI):72-80.

10. Novikov E. E. On the extension of the term of imprisonment as an element of the institution of indefinite sentences in the legislation of Russia in the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries. *Bulletin the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees the Federal Penal Service of Russia*. Online edition. 2024;(2);94-104. (In Russ.) URL: https://istina.msu.ru/download/669674297/1tY61Q:ajPdbjpUrZuZNgy-yRIvGCNwLCg/.

11. Tagantsev N. S. *Russian criminal law. The general part*. Lectures. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: State Printing House; 1902. 1469 p.

Информация об авторе

Е. Е. Новиков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права.

Information about the author

E. E. Novikov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 20.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 6. С. 106–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 6. P. 106–112
УДК 343.8 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.6.106-112

Научная статья

О сохранении взаимосвязи норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при внесении изменений в законы

Елена Эдуардовна Попова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, anatelsvetjen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5246-6353

Аннотация. В статье рассмотрена проблема сохранения логичности и взаимосвязи положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при внесении изменений в указанные законы. Автор на примере конкретных изменений выявляет возникающие противоречия между нормами, регулирующими порядок назначения и исполнения таких наказаний, как штраф, исправительные и принудительные работы. Определены потенциальные проблемы, возникающие в процессе правоприменения. Обращено внимание на терминологические неточности последних изменений редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся назначения исправительных работ.

Методологическую основу данной работы составили общенаучные методы (анализ, дедукция, индукция, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Проведена сравнительная характеристика внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации изменений в отношении института уголовного наказания. Выявлены противоречия во взаимосвязи двух законов, которые оказывают непосредственное влияние на правоприменительную практику.

Автор пришел к выводу, что действующая в настоящее время редакция ч. 5 ст. 50 УК РФ не соответствует в полной мере правоприменительной практике и разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 и, следовательно, нуждается в корректировке.

Ключевые слова: исправительные работы, штраф, принудительные работы, уголовно-исполнительное законодательство, уголовный закон, осужденный, наказание

Для цитирования: Попова Е. Э. О сохранении взаимосвязи норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при внесении изменений в законы // Российское правосудие. 2026. № 6. С. 106–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.106-112.

Original article

On the Preservation of the Relationship Between the Norms of Criminal and Penal Legislation When Amending Laws

Elena E. Popova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, anatelsvetjen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5246-6353

© Попова Е. Э., 2026

Abstract. The article deals with the problem of maintaining the logic and interconnection of the provisions of criminal and penal legislation when amending these laws. Using the example of specific changes, the author reveals the emerging contradictions between the norms regulating the procedure for the imposition and execution of such punishments as fines, correctional and forced labor. Potential problems arising in the law enforcement process are identified. The wording of the Criminal Code of the Russian Federation concerning the assignment of correctional labor retains terminological inaccuracy.
The methodological basis of this work consists of general scientific methods (analysis, deduction, induction, abstraction, generalization) and special scientific methods (comparative-legal, formal-legal).
A comparative characteristic of the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation in relation to the institution of criminal punishment is carried out. Contradictions in the relationship between the two laws, which have a direct impact on law enforcement practice, are revealed.
The author came to the conclusion that the current version of Pt. 5 of Art. 50 of the Criminal Code of the Russian Federation does not fully comply with law enforcement practice and explanations of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22 December 2015 No. 58 and, therefore, needs to be adjusted.

Keywords: correctional labor, fine, forced labor, penal legislation, criminal law, convict, punishment

For citation: Popova E. E. On the preservation of the relationship between the norms of criminal and penal legislation when amending laws. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(6):106-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.6.106-112.

Уголовное наказание является комплексным межотраслевым правовым институтом, поскольку аккумулирует в себе целый комплекс правоотношений, которые реализуются разными отраслями права – уголовно-исполнительным либо уголовным при рассмотрении вопроса о замене назначенного наказания в зависимости от положительного или отрицательного поведения осужденного на более строгий или на более мягкий вид. Уголовное наказание проявляется и в административном судопроизводстве, когда применяется компенсаторная деятельность на основании ст. 151, 1069 и 1070 ГК РФ, а также ст. 12.1 УИК РФ. Реализация прав и свобод осужденных, а также выполнение ими своих обязанностей могут затрагивать нормы земельного, трудового, налогового, семейного и иного законодательства. Тем самым уголовное наказание фактически связано с применением не только уголовного законодательства, но и целого комплекса межотраслевых правовых норм.

С момента принятия УК РФ по настоящее время в него внесены изменения 350 федеральными законами, в том числе и в отношении уголовных наказаний. Такая законодательная активность обусловливает необходимость обеспечения взаимосвязи норм уголовного закона прежде всего с нормами уголовно-исполнительного законодательства. Тесная взаимосвязь этих отраслей права определена, в первую очередь, тем, что в УК РФ закреплены понятие, виды, содержание уголовных наказаний, основные юридические категории и терминологическая база, которая применяется и в уголовно-исполнительном законодательстве. Во-вторых, необходимостью органичного встраивания норм уголовного закона в канву правового регулирования правоотношений, реализуемых нормами уголовно-исполнительного законодательства. Такое логичное соотношение норм одного правового института, регулируемого двумя взаимосвязанными отраслями права, исключает конфликт и противоречивость правоприменительной практики при их реализации. Например, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[1] были внесены изменения в ст. 46 УК РФ, которыми период рассрочки штрафа был увеличен с трех лет до пяти лет. Однако этим же Законом не были

[1] Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

внесены изменения в ч. 2 ст. 31 УИК РФ. Два закона стали противоречить друг другу: УК РФ устанавливал период рассрочки 5 лет, а УИК РФ не предусматривал такой период ее исполнения, так как в законе остался прежний период рассрочки 3 года.

Противоречия двух законов оказали воздействие на правоприменительную практику, поскольку суд не мог назначить штраф с рассрочкой в 4 года или 5 лет, так как другим законом не было установлено его исполнение на такой период. Только Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ[2] были внесены изменения в УИК РФ, и два закона были приведены в соответствие друг с другом. Анализ правоприменительной практики за период с 2012 г. и до марта 2015 г. показал, что суды назначали рассрочку на период до 3 лет, учитывая отсутствие нормативного регулирования иного периода исполнения штрафа с рассрочкой в УИК РФ[3].

С 1 января 2026 г. стали действовать внесенные в УК РФ и УИК РФ изменения в отношении двух видов наказаний: исправительных и принудительных работ[4]. Принудительные работы стали самостоятельным видом наказания, который при его назначении не зависит теперь ни от обязательного указания лишения свободы как вида наказания в санкции статьи Особенной части, ни от необходимости первичного назначения лишения свободы с его альтернативой – принудительными работами. Все это заметно облегчило принятие решений судами при назначении принудительных работ, в том числе обоснование выбора сначала более строгого вида наказания в виде лишения свободы, а затем замены его на принудительные работы. Тем самым сняты некоторые острые вопросы, возникающие в судебной практике, например возможность назначения принудительных работ или назначение принудительных работ в порядке применения ст. 64 УК РФ, если в санкции отсутствует лишение свободы.

А вот содержание исправительных работ претерпело большие изменения с момента принятия действующего УК РФ.

В первой редакции УК РФ исправительные работы не имели указания на категорию лиц, кому они могли быть назначены (ст. 50 УК РФ). По смыслу ст. 50 УК РФ, в которой было указано, что исправительные работы отбываются по месту работы осужденного, подразумевалось, что они не могут быть назначены неработающему осужденному. Анализ судебных решений этого периода выявил сложившийся подход в практике судов вышестоящих инстанций по отмене приговоров, в которых исправительные работы назначались лицам, не имеющим места работы. Аналогичная тенденция сохранялась и при назначении исправительных работ по основаниям ст. 64 УК РФ[5].

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ[6] внес изменения в содержание исправительных работ, и они стали назначаться только осужденному, не имеющему основного

---

[2] Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1410.

[3] См., например, кассационное определение Саратовского областного суда от 19 февраля 2013 г. по делу № 22-695/2013; приговор Щелковского городского суда Московской области от 3 декабря 2012 г. по делу № 1-596/12; приговор Истринского городского суда Московской области от 30 ноября 2012 г. по делу № 1-299/12; приговор Енисейского районного суда Красноярского края от 26 декабря 2012 г. № 1-283/2012 и др. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[4] Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 30 июля.

[5] См. постановление Президиума Красноярского краевого суда от 23 апреля 2013 г. № 44у-280/2013; Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 16-Д09-17.

[6] Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

места работы. Если внимательно вчитаться в смысл Пояснительной записки к проекту федерального закона, то можно увидеть, что обоснование по вносимым изменениям данного вида наказания связано не с исключением категории работающих лиц из его назначения, а с расширением возможности трудоустройства осужденных: «Исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет и отбываются по основному месту работы осужденного либо *в иных местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с органами, ведающими исполнением исправительных работ, но в районе места жительства осужденного*» (курсив мой. – *Е. П.*)[7].

Однако вновь принятая редакция УК РФ предусматривала назначение этого вида наказания только осужденному, не имеющему основного места работы, т. е. из назначения этого вида наказания выпала категория работающих осужденных. Фактически при совершении условно одного и того же преступления (по степени общественной опасности, категории преступлений, роли лица в выполнении объективной стороны состава преступления и т. д.) лица, совершившие преступление, заведомо находятся в неравном правовом положении только из-за социального признака – наличия или отсутствия у осужденного работы.

Следует отметить, что такие изменения уголовного закона повлекли необходимость корректировки и уголовно-исполнительного законодательства. Так, УИК РФ определил порядок исполнения наказания для неработающей категории осужденных, порядок формирования рабочих мест, обязанности уголовно-исполнительных инспекций и их взаимодействие с органами местного самоуправления, по согласованию с которыми определяется место работы осужденного. Кроме того, уголовно-исполнительные инспекции столкнулись с проблемой создания базы рабочих мест для трудоустройства осужденных, поскольку ранее такая категория лиц, находящихся у них на контроле, отсутствовала. Возникли вопросы с оформлением необходимого пакета документов для трудоустройства осужденных, у которых отсутствовали паспорт, СНИЛС, медицинские документы и др., а отсюда – и проблемы своевременного обращения лица к отбытию наказания, соблюдения сроков привлечения к труду, установленных уголовно-исполнительным законодательством [1, с. 34].

Все эти проблемы отразились и на показателях назначения исправительных работ в рассматриваемый период, свидетельствующих об их снижении. Так, Красноярский краевой суд, проведя анализ практики назначения исправительных работ, указал, что основными причинами, препятствующими более частому назначению осужденным указанного вида наказания, являются:

«…1) ссылки уголовно-исполнительной инспекции на сложности исполнения наказания, связанные с отсутствием достаточных мест для трудоустройства осужденных; 2) отсутствие в материалах уголовного дела доказательств, подтверждающих факт трудоустройства, места работы осужденного, при наличии утверждения осужденного о том, что он работает, и указании на это в обвинительном заключении, а также других обстоятельств, препятствующих назначению наказания в виде исправительных работ; 3) отсутствие оформленной инвалидности у осужденного, который является явно нетрудоспособным (например, отсутствие конечности), т. е. факт нетрудоспособности хотя и явный, но не подтвержденный надлежащими доказательствами; 4) наличие в действиях подсудимых на момент совершения преступления рецидива преступления; 5) наличие основного места работы; 6) отказ работодателя в приеме на работу осужденных к исправительным работам, несмотря на наличие согласования с органом, исполняющим наказания в виде исправительных работ; 7) наличие сложности исполнения данного вида наказания, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 50 УК РФ исправительные

[7] Проект федерального закона № 304898-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.03.2003).

работы отбываются в местах, которые определяются органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказание[8]; 8) назначение данного вида наказания не всегда будет достигать основных целей наказания; 9) наличие большого процента представлений УИИ, ходатайствующих перед судом о замене исправительных работ другим видом наказания; 10) отсутствие у осужденных документов, удостоверяющих личность, – без паспорта на работу не принимают; 11) отмечаются трудности с трудоустройством указанных лиц, по информации сотрудников УИИ, занимающихся трудоустройством, с учетом экономической ситуации, а также отсутствием зачастую какой-либо квалификации и желания работать у осужденного, что влечет за собой необходимость впоследствии замены указанного наказания на другое, предусмотренное ч. 4 ст. 50 УК РФ; 12) основная масса рассматриваемых уголовных дел, как правило, относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений (районные суды г. Красноярска); 13) в случае назначения осужденным исправительных работ им определяются низкооплачиваемые рабочие места, в связи с чем осужденные пытаются уклониться от отбывания наказания в целом либо путем устройства на более высокооплачиваемую работу; 14) как следует из объяснений осужденных, они не осознают значение назначенных им исправительных работ как назначенного по приговору суда наказания, легкомысленно относятся к исполнению; 15) наличие неофициального трудоустройства подсудимых. В случае назначения им исправительных работ они могут реально лишиться данного места работы, при этом работодателю невыгодно оформлять официальные трудовые отношения с указанными лицами. При таких условиях мера наказания в виде исправительных работ не достигает своей цели, осужденный ставится в заведомо худшее положение»[9].

В. Н. Орлов также указывает на трудности трудоустройства такой категории осужденных в небольших населенных пунктах, особенно в сельской местности, где нет предприятий со свободными рабочими местами, куда можно было бы направить осужденного, и отмечает более частое совершение преступлений неработавшими осужденными по сравнению с работавшими осужденными и отбывающими наказание по месту своей работы [2, с. 144].

В 2011 году вновь вносятся изменения в наказание в виде исправительных работ: «Исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного»[10]. Введение категории осужденных, имеющих основное место работы, принципиально не изменило процесс правового регулирования этого вида наказания, поскольку уже имелся наработанный опыт исполнения уголовно-исполнительными инспекциями исправительных работ при первой редакции УК РФ и УИК РФ, а также дополнился сложившейся практикой в отношении неработающей категории осужденных. При этом отмеченные проблемы, связанные с трудоустройством осужденных, к сожалению, не исчезли.

---

[8] См., например, решение Березовского районного суда Пермского края от 22 сентября 2011 г. по делу № 2-303/2011 (*примеч. авт.*).

[9] Справка Красноярского краевого суда от 22 июня 2009 г. «О практике назначения судами Красноярского края в 2008 году наказания в виде исправительных работ за преступления небольшой или средней тяжести»; также см., например, кассационное определение Нижегородского областного суда от 3 сентября 2010 г. по делу № 22-4968; приговор Промышленного районного суда города Оренбурга от 20 сентября 2010 г. по делу № 10-58/2010.

[10] Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

Новые изменения в УК РФ и УИК РФ, внесенные Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ, возвращают исправительные работы к первой редакции уголовного закона. Данный вид наказания теперь может быть назначен только осужденным, имеющим основное место работы. Таким образом, круговорот исправительных работ в «уголовно-правовой природе» замкнулся.

Необходимо отметить, что действующая редакция ч. 5 ст. 50 УК РФ содержит правовую неточность, имеющую значение при назначении исправительных работ осужденному, являющемуся иностранным гражданином или лицом без гражданства. Указанная норма не определяет ограничений к назначению этого вида наказания указанной категории граждан. Однако если этот вид наказания будет назначен работающему иностранному гражданину, то на основании положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ осужденный теряет право на работу в связи с аннулированием разрешения (патента) как лицо, имеющее судимость[11]. В этом случае он должен быть уволен с работы. Трудоустроить в дальнейшем такого осужденного уголовно-исполнительная инспекция не может, так как он переходит в категорию неработающих осужденных, а к ним этот вид наказания не применяется, к тому же он теряет право на работу в связи с отсутствием разрешения (патента). Следовательно, исправительные работы должны быть заменены на другой вид наказания.

Возникает казус с правовым основанием такой замены. Ведь в этом случае осужденный не может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания, так как он не имеет возможности отбывать назначенный ему вид наказания по иному основанию. Вследствие этого назначенное наказание становится неисполнимым. На схожие проблемы назначения исправительных работ иностранным гражданам ранее указывал Л. Н. Тарабуев [3, с. 11].

В целях исключения в судебной практике ошибок при назначении наказания в виде исправительных работ иностранным гражданам Верховный Суд Российской Федерации внес дополнительное разъяснение в Постановление Пленума от 22 декабря 2015 г. № 58: «Исправительные работы могут быть назначены иностранным гражданам, постоянно или временно проживающим в Российской Федерации, поскольку на них согласно подпункту 1 пункта 4 статьи 13 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 115-ФЗ не распространяется порядок осуществления трудовой деятельности, требующий наличия разрешения на работу или патента»[12].

Кроме того, исправительные работы не могут назначаться и исполняться в отношении любой категории военнослужащих, поскольку предполагают отбывание наказания с осуществлением трудовой деятельности на гражданских объектах, что невозможно сочетать с прохождением военной службы[13]. Для осужденных военнослужащих предусмотрен специализированный вид наказания – ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ, ст. 143–148 УИК РФ).

Отсюда возникла необходимость изменения положений ч. 5 ст. 50 УК РФ, приведения в соответствие с нормами уголовно-исполнительного законодательства и изложения ее в следующей редакции: «Исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, лицам без гражданства, иностранным гражданам, кроме иностранных граждан, постоянно или временно проживающих в Российской Федерации».

---

[11] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 04.11.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. 29 дек.

[13] См. подробнее: [4].

Список источников

1. Дубинина О. В. Положительный опыт работы УИИ по исполнению обязательных, исправительных работ // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8 (99). С. 33–36.

2. Орлов В. Н. Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2005. № 4. С. 142–151.

3. Тарабуев Л. Н. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде исправительных работ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2018. 27 с.

4. Бодаевский В. П. Общественная опасность деяния как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 3. С. 88–95.

References

1. Dubinina O. V. Positive experience of the penal enforcement inspections in the performance of compulsory correctional labor. *Vedomosti of the Penal System*. 2010;(8):33-36. (In Russ.)

2. Orlov V. N. The content of criminal punishment in the form of correctional labor. *Newsletter of North-Caucasus Federal University.* 2005;(4):142-151. (In Russ.)

3. Tarabuev L. N. *Organization and legal bases of activity of penal enforcement inspections for the execution of punishment in the form of correctional labor.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Rostov-on-Don; 2018. 27 p.

4. Bodaevsky V. P. The public danger of an act as the criterion determining the peculiarities of legal regulation of criminal liability of servicemen. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science.* 2019;5(3):88-95. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Э. Попова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

E. E. Popova – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Criminal Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2026, одобрена после рецензирования 16.02.2026, принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 24.01.2026, approved after reviewing 16.02.2026, accepted for publication 15.04.2026.